

Серия «Прогулки по Ленинграду»

Э д . А р е н и н

Сия книга взята с сайта
matahaus.ru
Приятного чтения!

С ПУШКИНЫМ ПО НЕВСКОМУ

«Вечерний Ленинград» 1972-1973 гг.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

На протяжении своей истории Невский проспект не раз служил источником вдохновения для писателей и поэтов, живописцев и графиков. Можно составить даже своеобразную антологию из повестей, стихотворений, художественных очерков, фрагментов из литературных произведений, посвященных главной артерии города на Неве. Не раз издавались и продолжают издаваться альбомы с репродукциями картин, гравюр и рисунков, на которых запечатлен Невский.

Среди этого обилия произведений изобразительного искусства особое место занимает «Панорама Невского проспекта», созданная художником Василием Семеновичем Садовниковым в 1830-х годах XIX столетия.

Это уникальное в своем роде творение представляло собой два склеенных из отдельных листов свитка, каждый шириной пятнадцать сантиметров и длиной без малого восемь метров. На одном Садовников запечатлел левую, четную, а на другом — нечетную сторону Невского. Панорама изображает не весь проспект, а лишь его парадную часть, тянувшуюся в первой половине минувшего века от Адмиралтейства до Аничкова моста. Оригинал Садовникова исчез, и до нас дошла лишь примерно десятая часть акварелей, бережно хранящихся ныне в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

К счастью, известный в свое время издатель А. Прево выпустил панораму Садовникова в виде литографий, выполненных замечательными мастерами И. Ивановым (четная сторона проспекта, в 1830 году) и П. Ивановым (нечетная сторона, в 1835 г.). Выход в свет двух литографированных свитков встречен был в столице с восторгом. Панорамой Невского украшались стены особняков. Гоголь приобрел ее для подарка матери и послал на Полтавщину с инструкцией, как лучше повесить. Восторженно откликнулась и пресса. В

частности, «Северная пчела», описывая новинку, сообщала, что «здания срисованы с натуры с удивительной верностью, ни одна вывеска не забыта, ни одна калитка не пропущена... Это самый похожий портрет нашего красавца Невского проспекта...»

Трудно переоценить значение панорамы В. Садовникова. Действительно, ничего не пропустил наблюдательный художник, когда срисовывал здание за зданием главной улицы столицы. Великолепный рисовальщик, он выполнил эту трудную, кропотливую работу с истинно ювелирной тонкостью.

Однако панорама привлекает не только художественными достоинствами. Не забудем, что в те времена не было фотографии. И потому шедевр Садовникова особенно ценен как документ, запечатлевший, кстати, не только архитектуру Невского проспекта, но и его своеобразную жизнь. Перед нами — оживленная уличная толпа, множество характерных типов Петербурга пушкинских времен. Причем не только фланирующая публика, но и крепостные, обслуживавшие своих городских хозяев или отпущенные на заработки с выплатой оброка. Художник ввел в толпу и действительно существовавших петербуржцев. Против голландской церкви мы видим, в частности, человека, очень похожего на Пушкина. Возможно, это и есть поэт (На репродукции — в центре.)

Познакомимся, однако, с автором «Панорамы Невского проспекта». Василий Семенович Садовников, родившийся в 1800 году, был крепостным княгини Н. П. Голицыной, той самой, которая послужила Пушкину прообразом старой графини в «Пиковой даме». С детских лет мальчик пристрастился к рисованию. Быть может, искра дарования начала постепенно разгораться в нем, когда наблюдал он за работой старшего брата Петра, посланного по распоряжению

Голицыной на обучение в Петербург. Известно, что Петр Садовников учился перспективной живописи у знаменитого нашего зодчего А. И. Воронихина, строителя Казанского собора. Воронихин славился также как замечательный рисовальщик.

Нет сведений, которые бы подтверждали, что Василий Садовников получил профессиональное образование. Известно, что, получив отпускную, он в прошении о присвоении ему звания художника, писал, что занимался

перспективной живописью «сам собою».

Отпускную Василий Семенович получил уже в зрелых годах, тридцати восьми лет от роду, после того, как умерла княгиня Голицына. К тому времени Садовников был широко известен как видописец, работами которого украшались даже стены царского дворца. 18 января 1838 года был составлен следующий документ:

«Я, нижеподписавшийся, генерал от кавалерии князь Дмитрий Владимиров сын Голицын, отпустив вечно на волю крепостного своего человека Василия Семенова Садовникова с женою его Маргаритою Екимовою, доставшихся мне по наследству от покойной родительницы моей статс-дамы княгини Натальи Петровны Голицыной...»

Поздней осенью того же года «вольноотпущенному» Садовникову было присвоено звание «свободного неклассного художника».

Василий Семенович никогда не расставался с карандашом. Карманы его были заполнены сложенными вчетверо и ввосемь листов бумагами. Где бы он ни находился, всегда что-либо зарисовывал. Это могло быть новое здание, с которого только что сбросили леса, или живописная группа бухарцев, прибывших с восточными товарами в далекую северную столицу, или продавец, торгующий сбитнем, или гвардеец, стоящий на часах у подножия Александрийского столпа. Многие сотни таких мимолетно выполненных набросков служили для видописца городского пейзажа богатейшим исходным материалом. Кропотливо зарисовывал он и все то, что видел на «главной коммуникации» Петербурга.

С той поры, как в тридцатых годах минувшего столетия появилась литографированная «Панорама Невского

проспекта», она ни разу не переиздавалась. И вот — радость! Радость для любящих и берегущих наш чудесный город, для книголюбов, для историков Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Издательство «Аврора» проявило похвальную инициативу: в скором времени выйдет в свет новое издание «Панорамы Невского проспекта» Василия Садовникова — сейчас оно находится в последней стадии полиграфических работ.

Сложным был труд издателей. Не забудем, что оригинал панорамы представлял два свитка длиной почти по восемь метров каждый. Свитки в наше время неприемлемы. Пришлось делать альбом. Остроумно разрешил его конструкцию оформитель и автор макета художник С. Малахов. Листы смонтированы так, что панорама Невского разворачивается непрерывно, как в оригинале Садовникова. Содержательное введение, своеобразный путеводитель-комментарий к панораме написала Ирина Котельникова, автор ряда работ, посвященных творчеству В. Садовникова. Особый интерес для читателей представят отдельные, наиболее интересные фрагменты панорамы, воспроизведенные в увеличенном виде.

Альбом выходит в свет с приложением, показывающим, как постепенно застраивался Невский в восемнадцатом веке. Еще одно приложение — фотопанорама Невского наших дней, позволяющая увидеть и то, что сохранилось на проспекте с пушкинских времен до наших дней.

А сохранилось многое. Достаточно сказать, что на участке от Адмиралтейства до Аничкова моста Невский украшает 21 архитектурный памятник — я говорю лишь о памятниках пушкинской поры. Целый музей шедевров зодчества. Недаром Александр Дюма-отец, восторгаясь Невским и сравнивая его со знаменитыми Елисейскими полями в Париже, для создания которых в густо застроенных

районах французской столицы было снесено множество зданий, писал об инициаторе реконструкции: «Сколько Осман Парижа не ломал, а такого Невского не выломал».

Когда мы рассматривали в редакции панораму В. Садовникова, родилась идея совершить вместе с читателями газеты путешествие по Невскому проспекту пушкинских времен. Издательство «Аврора» любезно предоставило «Вечернему Ленинграду» репродукции панорамы. Пользуясь ими, мы расскажем о достопримечательных сооружениях, прославивших отечественную архитектуру, войдем в дома, где жили и бывали Пушкин, Грибоедов, Кюхельбекер, Жуковский и другие корифеи русской культуры, попробуем воскресить в памяти интересные события давно минувших дней. Побываем в книжных лавках Сленина и Смирдина, заглянем в старейшую аптеку города, что у Аничкова моста, пройдемся по галереям Гостиного двора, посетим дом Котомина, откуда Пушкин отправился на роковую дуэль, войдем во дворец, некогда принадлежавший графу Строганову, познакомимся с библиотекой, где служил Иван Андреевич Крылов, побываем на премьере «Ревизора» в Александринке, нанесем визит типографу Плюшару, жившему на Невском и впервые напечатавшему «Невский проспект» Гоголя, вольемся в уличную толпу далеких лет... Итак, отправляемся в путь по Невскому пушкинских времен...

1.

ПРОСПЕКТ НАЧИНАЕТСЯ

СадовниковоткрываетсвоюПанорамувидомДворцовой площади. Слева — Зимний дворец с развевающимся над ним императорским штандартом... В центре — величественный памятник победы над Наполеоном — Александровская колонна.

Сооружение этой колонны — увлекательнейшая страница в летописи отечественной техники. Вырублена она из цельной глыбы гранита, и в этом отношении нет ей равной во всем мире.

Где можно было найти такой величины камень? Ведь высота памятника — сорок семь с половиной метров! Выломали Александрийский столп в знаменитых Пютерлакских камено-ломнях под Выборгом, где добывали и гранит для нескольких десятков 17-метровых колонн, украшающих Исаакиевский собор. Открыл эти богатые залежи замечательного по красоте гранита олонецкий крестьянин Федор Савельев.

Способ выламывать гигантские монолиты нашел и довел до совершенства знаменитый камнесечец, тоже крестьянин, Самсон Суханов. Крепостной гнет не заглушил в русском народе свойственной ему необыкновенной находчивости и смекалки. Крестьянин родом из Вологодской губернии С. Колодкин и техник двадцатилетний В. Яковлев, почти не имевший специального образования, пользуясь методом Суханова, вырубили необходимый монолит. Они же руководили транспортировкой гранитного исполина в столицу. Шли водным путем. Циклопическая тяжесть колонны — 704 тонны — создавала, казалось бы, непреодолимые трудности.

30 августа 1832 года две тысячи солдат и четыреста крестьян, в подавляющем большинстве своем крепостных, установили колонну на постамент всего лишь за 1 час 45 минут. И с той поры до наших дней стоит она неколебимо, никак

не закрепленная, держась одной лишь своей чудовищной тяжестью. Еще два года ушло на доделку столпа, и 30 августа 1834 года состоялось его открытие.

На торжестве был весь цвет высшего общества. Царь, придворные, гости из-за рубежа, ученые, писатели, художники, многотысячное войско, застывшее перед началом небывалого в истории России по численности парада.

Но почему же не видно было здесь Пушкина? Может, болен? Может, не знал о предстоящем торжестве? Нет, здоров! И знал точно день, на который было назначено открытие памятника. И именно поэтому лишил себя помпезного зрелища.

За восемь месяцев до этого Николай I явил свою царскую «милость» и пожаловал поэта в камер-юнкеры — придворное звание, которое обычно присваивалось совсем молодым людям. А Пушкину было тогда уже 34 года. С досадой и обидой воспринял поэт монаршую «милость». Превратив Пушкина в придворного, Николай тем самым привязал его ко дворцу, куда поэт обязан был теперь являться на все приемы, царские выходы, молебствия... Ненавистным стал Пушкину его камер-юнкерский мундир. И, узнав о предстоящем торжестве открытия Александровской колонны, чтобы еще раз не переживать мучительного чувства унижения, Пушкин уехал в Москву...

Справа на Панораме видны гигантские крылья недавно созданного вдохновением Карла Росси здания Главного штаба. Створениями этого гениального зодчего нам придется еще не раз встретиться в путешествии по Невскому проспекту. Не все свои замечательные замыслы Росси претворил в жизнь. Полет его творческой фантазии был много шире возможностей строительства в условиях николаевского режима. Росси вошел в историю нашего города не просто как создатель отдельных дворцов или домов. Он предстает

перед нами и как изумительный градостроитель, в самом полном понимании этого слова.

Известно высказывание знаменитого архитектора, ярко выражающее его кредо, творческие принципы: «Размеры предлагаемого мною проекта превосходят те, которые римляне считали достаточными для своих памятников. Неужели побоимся мы сравниться с ними в великолепии? Цель не в обилии украшений, а в величии форм, благородстве пропорций, в нерушимости».

Когда Росси было заказано проектирование здания Главного штаба, против царского дворца, в правой части площади высились несколько домов петербургской знати, возведенных по проектам разных зодчих, в разном стиле. Одни не стоили того, чтобы их сохранять, другие, хотя внешне были не очень приглядными, были богаты своим внутренним убранством. Росси всегда отличался чутким отношением к творчеству своих собратьев по профессии. Он нашел выход для сохранения трех зданий, высившихся в правом углу площади: архитектор соединил их и нарядил в новую общую каменную одежду. Создан знаменитый, небывалый по величине фасад, тянувшийся вдоль Дворцовой площади и набережной Мойки, выходивший на Миллионную-Луговую (ныне ул. Герцена), — длиной более полукилометра.

На воспроизведенном фрагменте Панорамы виден угол Дворцовой площади и Невского. Перед нами дом, некогда принадлежавший Вольному экономическому обществу. Пройдет несколько лет, и в 1846 году видоизменится этот угол, с которого начинается главная улица Петербурга. Общество переедет в новое здание, а дом свой продаст военному ведомству. По проекту архитектора И. Д. Черника его перестроят и присоединят к зданию Главного штаба. Теперь это величественное здание выйдет своими стенами и на Невский проспект, длина его фасада увеличится без

мало до шестисот метров.

Пушкин не дожид до этих дней. Он знал запечатленный Садовниковым тот трехэтажный дом с пилястрами и с балконом на втором этаже, поддерживаемым четырьмя массивными колоннами дорического ордера. Хозяин здания — Вольное экономическое общество было создано еще во второй половине восемнадцатого века в целях «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». Просуществовало оно полтора столетия и на протяжении этого времени имело в своем составе видных ученых, издавших многочисленные труды. Вольным же называлось оно потому, что было независимым от правительственных ведомств.

Дом свой Вольное экономическое общество частенько сдавало частным арендаторам. В залах его француз Лион устраивал пышные маскарады. Даже знаменитый авантюрист Калиостро «гастролировал» здесь под именем таинственного кавалера Пинчи.

Во времена Пушкина тут в первом этаже обосновалась кондитерская швейцарца Лареда. Об этом свидетельствует хорошо видная первая вывеска в самом начале Невского. Отсюда вдоль всего проспекта потянется бесконечная лента вывесок, и подавляющее большинство их — на французском и немецком языках: большинство магазинов, а также портновских, часовых, парикмахерских, ресторанов принадлежало иностранцам. Идя по Невскому и читая вывески, можно было подумать, что находишься не в русской столице, а в каком-нибудь большом немецком или французском городе. Вывески были разных цветов: например, у ресторанов — желтые с зелеными буквами, на казенных учреждениях они были только синего цвета...

Благодаря соседству с Главным штабом кондитерскую Лареда посещало много офицеров. Но бывали здесь

не только военные. Довольно продолжительное время вынужденно посещал ее Александр Сергеевич Грибоедов.

14 декабря 1825 года залпы царской артиллерии завершили на Сенатской площади кровавую драму восстания декабристов. Всю вторую половину декабря злобный Сукин, комендант Петропавловской крепости, по запискам Николая I принимал все новых и новых «государственных преступников». Широкой волной шли аресты не только в столице, но и в далеких губерниях России.

У царя были особые подозрения относительно причастности к декабристам Грибоедова. От «всевидащих» и «всеслышащих» Николай знал, что в период проживания в Петербурге в 1815—1817 годах в числе близких знакомых Грибоедова было более сорока человек из круга Союза благоденствия. Да, наконец, «Горе от ума» — комедия Грибоедова. Николаевская цензура запретила ее к печатанию и к постановке на театральной сцене. И все же изо дня в день «тираж» ее возрастал с необычайной быстротой. Десятки переписчиков составили себе состояние на копировании комедии. За список «Горя от ума» платили большие деньги.

Комедия, разоблачавшая крепостников, не могла не вызвать интереса у декабристов. Они использовали ее для революционной пропаганды. Царю стало известно, что на квартире А. Одоевского, того, кто на послание «В Сибирь» Пушкина ответил знаменитыми стихами («... Из искры возгорится пламя!»), собиралась большая группа офицеров-декабристов и под диктовку переписывала комедию «Горе от ума». И диктовалась она в присутствии самого автора.

Во время восстания на Сенатской площади Грибоедова не было в Петербурге. Он находился на Кавказе.

«Послать фельдъегеря, доставить в столицу!» — таков был приказ царя.

И через всю Россию поскакал фельдъегерь на юг

империи. Существует мнение, что генерал Ермолов, хорошо относившийся к автору бессмертной комедии, предупредил его об аресте. И Грибоедов успел сжечь все улики — обыск не дал ничего. Последовал арест, и тут же Грибоедова под конвоем повезли в столицу.

В начале февраля 1826 года арестованного писателя доставили в Петербург. К тому времени комендант Сукин доложил царю, что в переполненной крепости нет больше мест для арестованных. И тогда для задержанных декабристов и других лиц, подозреваемых в заговоре, была приспособлена гауптвахта Главного штаба. Вот сюда и засадили Грибоедова.

Начались допросы. Прямых улик, говоривших о том, что Грибоедов был причастен к восстанию, не было. Все свои бумаги Грибоедов предусмотрительно сжег. На допросах он категорически отрицал свою принадлежность к заговорщикам. Тогда следователи решили вырвать уличающие данные от самих декабристов. Но друзья Грибоедова всячески выгораживали его, спасая от нависшей над ним грозной опасности. Прошел месяц-другой, следствие и допросы продолжались, арестованный продолжал вести нудную жизнь заключенного на гауптвахте Главного штаба.

И тут произошли события, внесшие некоторое разнообразие в жизнь арестованного. Как известно, автор «Горя от ума» был прекрасным пианистом. По свидетельствам современников, он был виртуозным исполнителем даже самых технически трудных произведений. Более того, Александр Сергеевич был также и композитором. И до наших дней дошли сочиненные им мелодичные вальсы.

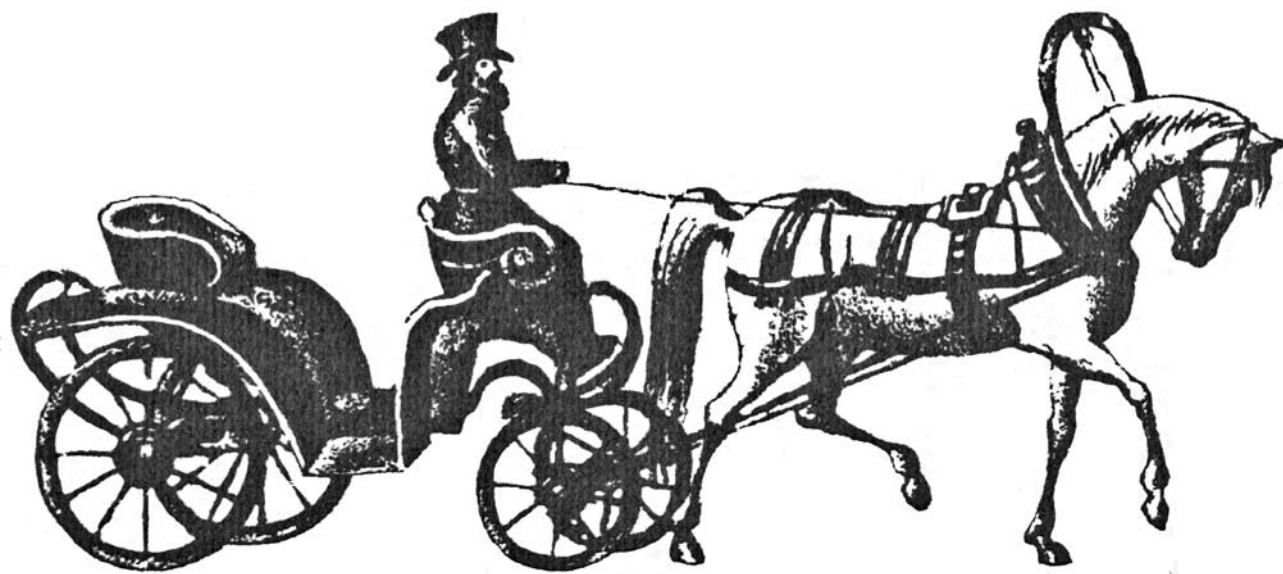
О музыкальном таланте Грибоедова случайно узнал начальник гауптвахты капитан Жуковский. И, будучи большим любителем музыки, воспыал желанием послушать Грибоедова. Но где? К счастью, рядом находилась

кондитерская Лареда.

О том, что происходило у гостеприимного швейцарца, вспоминает морской офицер декабрист Дмитрий Завалишин: «... Узнав, что Грибоедов хорошо играет на фортепиано, (Жуковский) стал водить его и меня в кондитерскую, ... находившуюся на углу Адмиралтейской площади и Невского проспекта. Водил он впрочем, не в самую кондитерскую, а в небольшую комнатку, примыкавшую к ней и, вероятно, принадлежавшую к помещению самого хозяина, с которым Жуковский был, по-видимому, хорошим приятелем, потому что, заказывая угощение

(разумеется, на наш счет), он не пускал к нам никого из прислуги кондитерской, а что было заказано, приносили сам, или хозяин. В этой комнатке стояло фортепиано; мы приходили обыкновенно в часов 7 вечера и проводили там часа полтора. Грибоедов играл, Жуковский слушал его, а я читал газеты».

Четыре месяца отсидел на гауптвахте Главного штаба Грибоедов. И наконец, за отсутствием прямых улик, был освобожден. Ему выдали так называемый «очистительный» аттестат. Но у царя автор «Горя от ума» так и оставался под очень и очень сильным подозрением.

2.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРЮЛЛОВА

Далеко от родной земли находился наш знаменитый художник Карл Павлович Брюллов, когда в 1833 году после шести лет напряженного труда сделал последний мазок на своем грандиозном историческом полотне «Последний день Помпеи». Картина, представленная на суд публики и знатоков искусства, вызвала всеобщий восторг, какого уже многие годы не вызывало никакое другое произведение живописи.

Эхо этого небывалого триумфа через письма соотечественников из Италии и Франции, через иностранные газеты и журналы докатилось в том же году и до России. Интерес к Брюллову и его картине в Петербурге, Москве и других русских городах с каждым днем возрастал все более и более.

Все ждали с нетерпением прибытия картины на берега Невы. Но из Италии (она экспонировалась в Риме и Милане) полотно Брюллова перевезли в Париж в Лувр И лишь летом 1834 года картина на корабле «Царь Петр» была доставлена из Франции в Кронштадт.

Вскоре картину перевезли в столицу. Вначале выставили ее в Эрмитаже, в бывшей мастерской художника Джорджа Дау, писавшего портреты генералов для Военной галереи 1812 года. Потом картину перевезли в один из залов Академии художеств. Огромная по своим размерам (456,5 х 651 см), она заняла всю стену. У входа в академию не редели толпы людей, жаждавших увидеть «Последний день Помпеи».

Вместе с другими в зале академии побывали многие представители столичной интеллигенции долго стоял перед картиной Пушкин. Поэт, любивший рисовать, держал в руках лист бумаги, на котором сделал несколько набросков с фигур на полотне Брюллова. На этом же листке он написал начало стихотворения:

**Везувий зев открыл —
дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое
знамя.**

**Земля волнуется —
с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ,
гонимый страхом,
Под каменным дождем,
под воспаленным прахом
Толпами, стар и млад, бежит
из града вон...**

Всем хотелось увидеть художника, создавшего это чудо, чтобы воздать почести мастеру, прославившему русскую кисть. Но Брюллов все еще оставался за рубежом. Прошло еще почти два года, пока художник приехал, наконец, в Петербург. Вернувшись в Россию, он сперва остановился в Москве, где прожил около полугода. Здесь с Брюлловым неоднократно встречался Пушкин. Они подружились.

Поэт видел, с какой неохотой относился живописец к своему предстоящему возвращению в Петербург. Пушкин в письмах к жене пишет: «... Я уже успел посетить Брюллова... Он очень мне понравился. Он очень хандрит, боится русского холода и прочего...». В другом письме: «... Зазываю Брюллова к себе в Петербург, — но он болен и хандрит...». И, наконец, еще в одном послании: «... Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить...».

Обратите внимание: Брюллов боится русского холода и прочего. Боится климата и неволи. Скоро мы увидим, что опасения эти были не напрасными.

Сам приезд художника был отмечен 7 июня 1836 года в «Санкт-Петербургских ведомостях». В разделе о приехавших из Москвы значился «Академии художеств почетный вольный общник Брюллов» Где же на первых порах поселился знаменитый мастер? В одной из записок рукой Сергея Александровича Соболевского, близкого друга Пушкина, начертан следующий адрес «римлянина», как он называл Брюллова *«Живет на Невском проспекте, в доме Таля, против Малой Морской (ныне ул. Гоголя — Эд. Ар), на квар. Мальцева»* Дом этот воспроизведен на Панораме Садовникова и ныне значится под № 6.

Когда из газетного сообщения узнали о приезде Брюллова, многие желали увидеть его. Но точный адрес его не был широко известен. Начали поступать запросы. на которые откликнулась «Художественная газета»:

«Дошло до нашего сведения, что во многих обществах Петербурга были слышны вопросы: «Скоро ли приедет Брюллов? Где теперь Брюллов?» и т.п. Редакция считает обязанностью уведомить читателей, что Карл Павлович Брюллов прибыл в С-Петербург еще в исходе мая; 25 июня отправился в город Псков, осмотрел там местность для задуманной им новой картины большого размера и 6 истекшего июля возвратился в С. — Петербург...»

Что же заставило художника, только что приехавшего в столицу, человека со слабым здоровьем, столь спешно отправиться в новое утомительное путешествие? Мрачные предчувствия Брюллова оправдались... Неволья, о которой писал Пушкин, не была пустым словом. Вскоре по возвращении в Петербург состоялась встреча художника с Николаем I. Считая себя непререкаемым авторитетом в

изобразительном искусстве, он постоянно вмешивался в творчество художников. Ученик Брюллова Михаил Железнов записал рассказ своего учителя о разговоре с Николаем:

«По приказанию Волконского я приехал в Зимний дворец. Во дворце меня ждали и сейчас провели в кабинет императрицы, где были только государь и государыня. Государь встретил меня словами:

*— Я хочу заказать тебе картину.
Я поклонился.*

— Напиши мне, — сказал государь, — Иоанна Грозного с женой в русской избе на коленях перед образом, а в окне покажи взятие Казани.

Эта задача поразила меня: но так как ясно было, что государь делал заказ не сгоряча, а подумавши, то я, чтобы не обидеть его, старался объяснить ему, как можно мягче, что меня закритикуют, если я займу первый план двумя холодными фигурами, а самый сюжет покажу черт знает где, в окне! Я просил позволения написать вместо этого сюжета «Осаду Пскова», о которой я тогда думал. Государь нахмурился и очень сухо сказал мне:

— Хорошо!»

С плохим настроением возвращался Брюллов из Зимнего дворца к себе на квартиру. Теперь он понял, что ждет его не очень легкая жизнь в Петербурге.

И хотя с необыкновенной торжественностью в Академия художеств было отпраздновано возвращение Брюллова на берега Невы, он, как говорится, не успев еще осесть, начал уже мечтать об отъезде за рубеж. За парадным обедом который был дан академией в том самом зале, где красовался гигантский холст Брюллова — «Последний день Помпеи», в честь гениального живописца произносились

тост за тостом. Но радовали ли они Брюллова?

Вскоре ему были предоставлены квартира при академии и мастерская, до недавнего времени принадлежавшая умершему скульптору Мартосу. Брюллов расстался с Невским проспектом, с жильем гостеприимного друга Ивана Сергеевича Мальцева

* * *

На том месте, где ныне высится здание под № 12, в первой половине минувшего века стоял другой четырехэтажный дом, запечатленный на Панораме Садовникова. Здесь происходили события, роковой чертой пролегшие в жизни юного Пушкина.

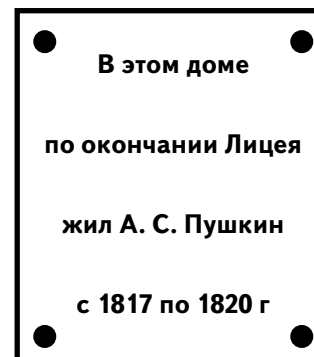

Фонтанка 185

Фото А. Тронина

Описываемый дом занимал петербургский генерал губернатор Михаил Андреевич Милорадович, тот самый, которого сразила пуля декабриста Петра Каховского в памятный день восстания на Сенатской площади. Участник суворовских походов Отечественной войны 1812 года, Милорадович отличался храбростью необыкновенной, бесстрашно находился в самом жарком месте боя, не кланялся пулям. Вместе с тем отличался он таким же необыкновенным самомнением, фанфаронством, хвастливостью. Ничего не понимая в театральном искусстве, он принял на себя заведование императорскими театрами. Гуляка и распутник, он считал и вел себя безраздельным хозяином кулис. И этого человека Александр I назначил столичным генерал-губернатором.

... И поныне на набережной Фонтанки высится дом под № 185. На фасаде его мраморная доска напоминает, что

В этом доме
по окончании Лицея
жил А. С. Пушкин
с 1817 по 1820 г

В течение трех лет юный поэт обитал здесь со своими родителями. Тут родились одна из чудеснейших жемчужин русской поэзии — «Руслан и Людмила» и другое произведение, свидетельствовавшие о необыкновенном росте гениального дарования недавнего лицеиста.

Дорог нам дом на Фонтанке и тем, что под его кровлей создавались страстные шедевры политической поэзии молодого Пушкина. Ведь именно тут было написано им поэтическое послание «К Чаадаеву» с пламенно-волнующим призывом для многих грядущих поколений:

**Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!**

В это же время 18-летний поэт создал свою знаменитую оду «Вольность». По некоторым свидетельствам, озаренный вдохновением, он сделал наброски оды, будучи в гостях у братьев Тургеневых. Возвратился домой, но вдохновение не

покидало его до того мгновения, когда под «Вольностью» он не поставил последнюю точку. Наутро помчался к друзьям и прочитал им полностью законченную оду:

**Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...**

Страстно и гневно звучали в устах Пушкина эти строки.

Да, это было незабываемое трехлетие. Сколько одних эпиграмм на Александра I, на Аракчеева на князя Голицина, на многих других «сильных мира сего» вышло из-под разящего пера поэта. С необыкновенной быстротой распространялась эта «возмутительная» поэзия не только в столице, но и в Москве, по всей России. Все это стало, наконец, известно и самому царю, и клике придворных.

Гроза приближалась. Историк Карамзин в письме своим баснописцу Дмитриеву сообщил:

«Над здешним поэтом Пушкиным, если не туча, то по крайней мере, облако, и громоносное. Служа под знаменем либералистов, он написал и распустил стихи на вольности, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиция. Опасаются следствия...»

И вот тут-то Пушкину и пришлось пожаловать на Невский к Милорадовичу и предстать перед грозным генерал-губернатором, которому было приказано принять меры против автора «возмутительных стихов». Еще в войну 1812 года адъютантом Милорадовича состоял офицер Федор

Глинка, будущий декабрист. Оставался он «для особых поручений» при генерале и во время его губернаторства. Был Глинка одним из близких знакомых Пушкина, поэзией которого восторгался, хлопотал за него... В своих записках Глинка воспроизвел рассказ Милорадовича о встрече с Пушкиным:

— Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин. Мне ведь ведено взять его и забрать все его бумаги, но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал:

«Граф! Все мои стихи сожжены. У меня ничего не найдете на квартире, но если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною... с отметкой, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги, Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь. Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйте. Завтра отвезу ее государю...

На другой день я пришел к Милорадовичу поранее. Он возвратился от государя и первым словом его было: «Ну вот дело Пушкина и решено!» И продолжал: «Я подал государю тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбредось в публичке, но вам, государь, лучше этого не читать...»

Милорадович был настроен более миролюбиво, но рассвирепевший «плешивый щеголь» решил было загнать Пушкина в Сибирь, и лишь хлопотами друзей удалось

3.

СОБИРАЛИСЬ У ВОЛЬФА...

И снова встреча с Карлом Росси. В глубине Малой Миллионной, как тогда именовался нынешний отрезок улицы Герцена между Невским и Дворцовой площадью, виднеется арка Главного штаба. Не та, увенчанная гигантской скульптурной группой из двух воинов-возничих, шестерки лошадей и колесницы богини Победы, обращенная к величавой площади, а другая. Хотя триумфальная арка, соединившая два крыла огромного здания Главного штаба, обычно называется в единственном числе, но в действительности Росси создал две арки. Зодчий задумал арку как торжественный памятник победы России в Отечественной войне 1812 года, возведя ее строго по оси Зимнего дворца. Вторая же арка, сооруженная не параллельно, а под углом к первой, венчает окончание описываемого отрезка нынешней улицы Герцена.

Перед нами на репродукции одна из достопримечательностей Невского пушкинских времен — четырехэтажное здание, широко известное тогда как дом Котомина. Ныне значится он под № 18, и хотя подвергался перестройкам, в значительной мере сохранил свои первозданные черты. Еще в позапрошлом столетии были здесь различные строения. Разбогатевший купец Конон Котомин купил этот участок Невского и задумал возвести первый доходный дом в русской столице.

Дом Котомина действительно красив, и недаром значится он как памятник архитектуры мирового значения. В центре главного фасада, выходящего на Невский, — выступ с восемью тяжелыми дорическими полуколоннами. По краям этого же фасада — две нарядные лоджии каждая украшена четырьмя такими же полуколоннами. Дом занимает целый квартал, выходя на Невский, набережную Мойки и нынешнюю улицу Герцена, и тем не менее не подавляет своей массивностью.

В 1824 году, одну из квартир в котоминском доме

снял Фаддей Булгарин, где издавался и редактировался еженедельный журнал «Сын Отечества». Человек этот, тайный осведомитель пресловутого III отделения, доносчик и клеветник, презируемый передовой интеллигенцией Петербурга, был одним из основных литературных и политических врагов Пушкина.

Поэт-баснописец Александр Измайлов сочинил на Булгарина едкую эпиграмму:

**Ну исполать Фаддею!
Пример прекрасный подает!
Против отечества давно ль
служил злодею,
А «Сын Отечества»
теперь он издает...**

Третья строка эпиграммы требует расшифровки. Мало кто знает, что Булгарин был солдатом французской армии и под наполеоновскими орлами сражался в Испании. Более того, возвысившийся до звания капитана, летом 1812 года он под знаменами Бонапарта, в рядах корпуса маршала Удино, переходит через Неман и вступает как злейший враг России на ее территорию. Отступая из-под Москвы вместе с остатками «великой армии», французский капитан Булгарин был взят в плен партизанами уже на территории одной из европейских стран.

Позднее Булгарин приехал в Россию. Можно себе только представить, какие неоценимые услуги оказывал он Бенкендорфу и его сподручным из III отделения, если прошлое этого профессионального сыщика и доносчика было позабыто властью имущими. Когда после восстания на Сенатской площади начали искать одного из его видных участников поэта Кюхельбекера, именно Булгарин «так умно и метко» дал внешнее описание скрывшегося декабриста,

что жандармы в Варшаве сразу же опознали готовившегося перейти границу «государственного преступника». Множеством всевозможных льгот и поблажек в издательской деятельности оплачивался III отделением «труд» этого подлого шпиона.

Пройдемся вдоль главного фасада дома Котомина и попробуем его увидеть таким, каким он был знаком Пушкину. Став лицом к зданию, в левой части увидим несколько вывесок портного француза Роде. Кроме имени мастера на вывесках, как тогда было принято, изображены предметы, относящиеся к ремеслу портного, — фраки, сюртуки и другое гражданское платье. По соседству с Роде — другой француз «куафер» (парикмахер). Далее видна вывеска немца Ганца, мужского портного. Еще одна дверь рядом ведет в магазин холодного оружия — здесь продаются сабли, шпаги, шашки, а также и другие предметы офицерской амуниции. Справа на фасаде — вывеска на немецком языке указывает, что в одном из верхних этажей помещается книжный магазин. На правом углу здания четко выведенное неким уличным живописцем своеобразное рекламное объявление, извещающее, что здесь, в доме Котомина, принимает доктор Валлентштейн — «зубной врач его императорского высочества великого князя Михаила Павловича» (младшего брата Николая I). «Его высочество» помогало находчивому дантисту привлекать богатую клиентуру. Здесь же, на углу набережной Мойки, на большой вывеске читаем:

«С. Волфъ и Т. Беранже».

Фамилии эти в то время говорили сами за себя. Под этой вывеской находилась одна из самых популярных кондитерских в Петербурге.

Популярность ее объяснялась в значительной мере тем, что у Вольфа собирались писателя, поэты, журналисты,

актеры, художники, завсегдатаи Невского, обменивавшиеся здесь новостями, читавшие здесь свежие номера русских и зарубежных газет и журналов, выписываемых в большом количестве владельцами кондитерской. Здесь было всегда многолюдно. Захаживали сюда и тайные агенты III отделения, прислушивались к разговорам посетителей.

Бывал у Вольфа и Пушкин, живший неподалеку на набережной Мойки, в доме княгини Волконской, минутах в восьми ходу от кондитерской. Дому Котомина суждено было стать последним петербургским зданием, в стенах которого можно было увидеть поэта еще полным сил и здоровья. Отсюда в роковой день 27 января 1837 года Пушкин вышел со своим секундантом и помчался на Черную речку, навстречу гибели.

Все было окончательно решено. Не видя никакого другого способа разделаться с гнусным оскорбителем своим — Жоржем Дантесом, Пушкин избрал дуэль. Попытки друзей предотвратить поединок не привели ни к чему. Поэт, встретив своего лицейского товарища Карла Данзаса, уговорил его быть своим секундантом. Данзас был очень храбрым офицером. Известен случай, когда при осаде одной из персидских крепостей генерал Паскевич пожелал установить точную ширину крепостного рва. Данзас тотчас же бросился выполнять приказание высшего командира. Разумеется, персы начали стрелять в храбреца. Паскевич тут же отменил свое приказание. Но Данзас хладнокровно спустился в ров, медленно измерил его шагами и возвратился с точным ответом.

Этому человеку хорошо был знаком дуэльный кодекс. Данзас и не попытался отговорить Пушкина от поединка. Друг Пушкина Нащокин вспоминал позднее, что Данзас мог аккуратнейшим образом размерить шаги для барьера да зорко следить за соблюдением законов дуэли. Он не только

не сумел бы расстроить роковой поединок, но даже обидел бы Пушкина малейшим возражением.

Местом встречи дуэлянта с секундантом была назначена кондитерская Вольфа. Л. Аммосов записал рассказ друга своего Данзаса, непосредственного участника поединка на

Черной речке:

«Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, которые

были уже выбраны Пушкиным заранее: pistols эти были совершенно схожи с pistolsами д. Аршиака (секунданта Дантеса. — Эд. Ар.). Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его. Было около 4 часов. Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской, сели в сани и направились по направлению к Троицкому мосту. Бог весть, что думал Пушкин. По наружности он был покоен».

Сани приближались к выбранному для дуэли месту. Пушкин в пути довольно спокойно разговаривал со старым другом лицейских лет. Спокойно... Разве знаем мы, что творилось в это время на душе поэта. Считанные десятки минут оставались до чудовищного выстрела убийцы Дантеса, отнявшего у русского народа его славу, его гордость — Пушкина!

Когда происходили эти страшные события, в одной из квартир дома на Садовой улице (ныне значащегося под № 61) лежал больной Михаил Лермонтов. Был приглашен к нему известный врач, хирург, лейб-медик Николай Федорович Арендт. Он лечил Пушкина после смертельного ранения, навещая его по несколько раз в сутки.

Будучи царским лекарем, Арендт явился посредником между умирающим поэтом и Николаем I. Это он передал царю просьбу Пушкина о помиловании Данзаса. Царь не внял предсмертной просьбе поэта. После похорон Пушкина Данзаса арестовали и предали военному суду за участие в дуэли в качестве секунданта. Приговор, правда, был не строгим: засчитав Данзасу время, отсиженное под арестом, суд постановил «выдержать сверх того под арестом в крепости два месяца и после того обратиться попрежнему на службу».

Доктор Арендт во время визита к Лермонтову подробно

Садовая, 61

фото А. Тронина

рассказалемуо дуэли и смерти Пушкина. Глубоко потрясенный рассказом, Лермонтов излил свои душевные переживания, свою скорбь и свой гнев в знаменитом стихотворении «Смерть поэта». С необыкновенной быстротой распространилось оно в многочисленных списках по Петербургу. Вдохновенные, обличающие строки Лермонтова отразили настроения, передовых слоев общества, вызванные гибелью великого поэта.

Уже через несколько дней после того, как были написаны строки «Смерти поэта», его тайком читали за столиками в кондитерской Вольфа. Именно отсюда и из некоторых других источников III отделению стало известно о сочинении «возмутительных» стихов. Его агенты не

только видели, но и слышали у Вольфа заключительные обличающие строки, обращенные к «надменным потомкам» — клике придворных, окружавших царя:

**И вы не смаете всей вашей
черной кровью
Поэта праведную кровь!**

Не только слышали, но шпионы Бенкендорфа раздобыли список лермонтовского стихотворения. Получив его, Бенкендорф направился к царю. Николай, однако, уже успел через городскую почту получить переписанное стихотворение с надписью «Воззвание к революции». Примечательны докладная записка главного жандарма, адресованная царю и резолюция на ней, сделанная рукой Николая:

«Я уже имел честь сообщить вашему императорскому величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермантова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи... Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное... А. Бенкендорф».

Царь прочитал докладную и наложил следующую резолюцию:

«Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

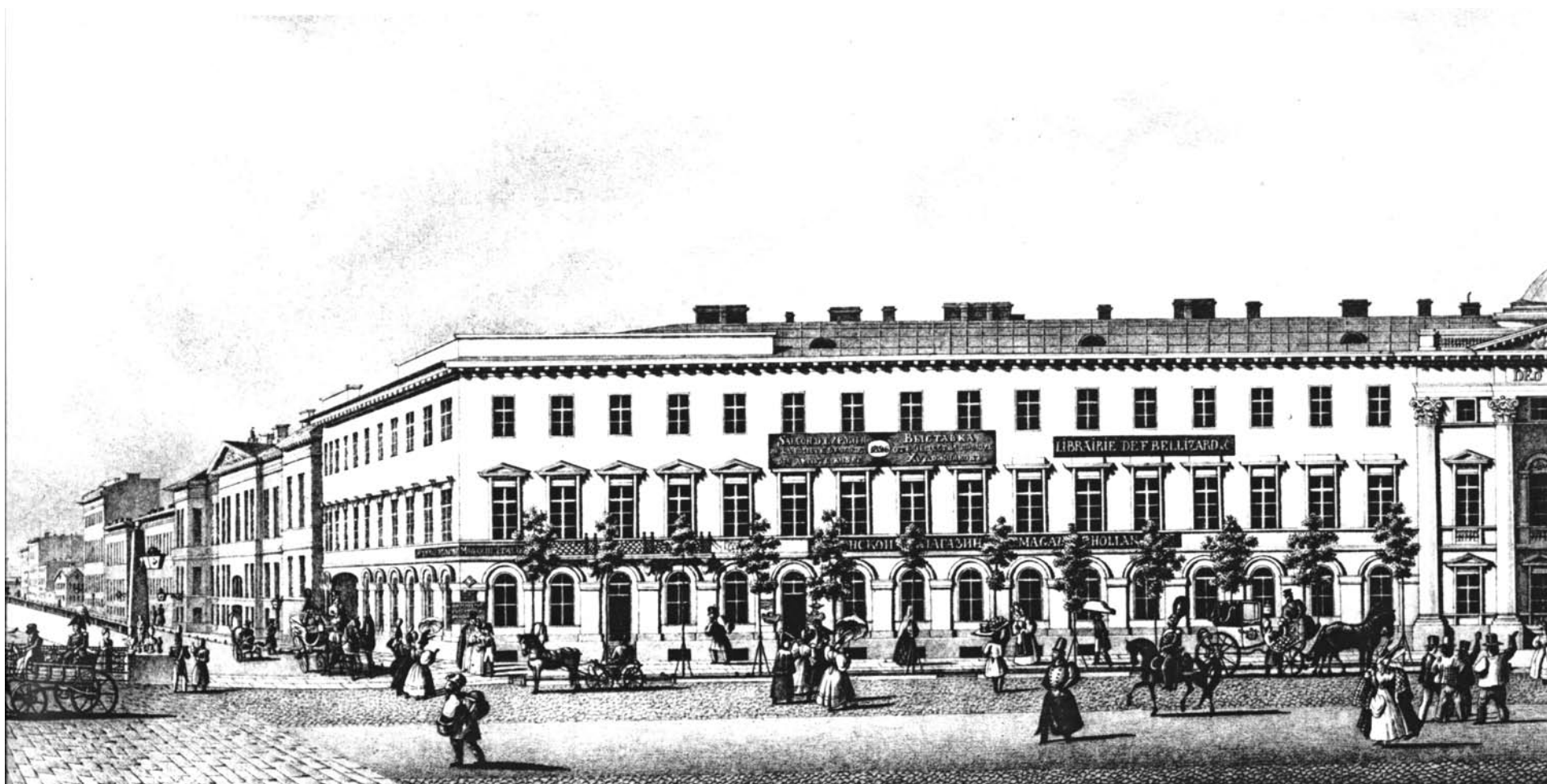
«Закон» начал действовать быстро. Возникло «Дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым». 20 февраля 1837 года Лермонтов уже содержался в качестве арестованного в Главном штабе. Прошло пять дней, и царь приказал перевести вольнолюбивого и дерзкого поэта в действовавший на Кавказе Нижегородский драгунский полк.

Кончилась трагедия Пушкина, начиналась трагедия Лермонтова.

4.

БЫЛ ПОЛОН СТИХАМИ...

Три водные артерии пересекают Невский на Панораме Садовникова: Мойка, Екатерининский канал (ныне имени Грибоедова) и Фонтанка. Три моста переброшены через них, и каждый по-своему примечателен. На воспроизведенной репродукции видописец запечатлел Полицейский мост. В свое время он именовался Зеленым. Последующие за ним на Мойке — Красным и Синим. Названия свои они получили от цвета краски, которой были покрыты. Мост на Невском был переименован в Полицейский в связи с непосредственной близостью резиденции санкт-петербургского генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина. В наше время этот мост получил название Народного.

Раньше Зеленый мост был деревянным и весьма узким. Решено было построить новый, надежный мост, способный выдержать большую нагрузку. Спроектировал его известный инженер и архитектор Василий Иванович Гесте.

К берегу Мойки у Невского начали свозить пустотелые ящики, отлитые из чугуна. В каждом таком ящике были просверлены отверстия. Строители соорудили над рекой временные подмости. На них ставили металлические ящики, скрепляли болтами друг с другом. От берега до берега соединяемые таким образом чугунные детали образовывали своеобразную металлическую арку. Затем приступали к монтажу последующих арок, вплотную примыкавших одна к другой. В результате из многих десятков надежно скрепленных металлических ящиков появился в 1806 году новый чугунный мост. Это был первый металлический мост в Петербурге, который был признан «образцовым», в дальнейшем служивший прототипом для других подобных сооружений.

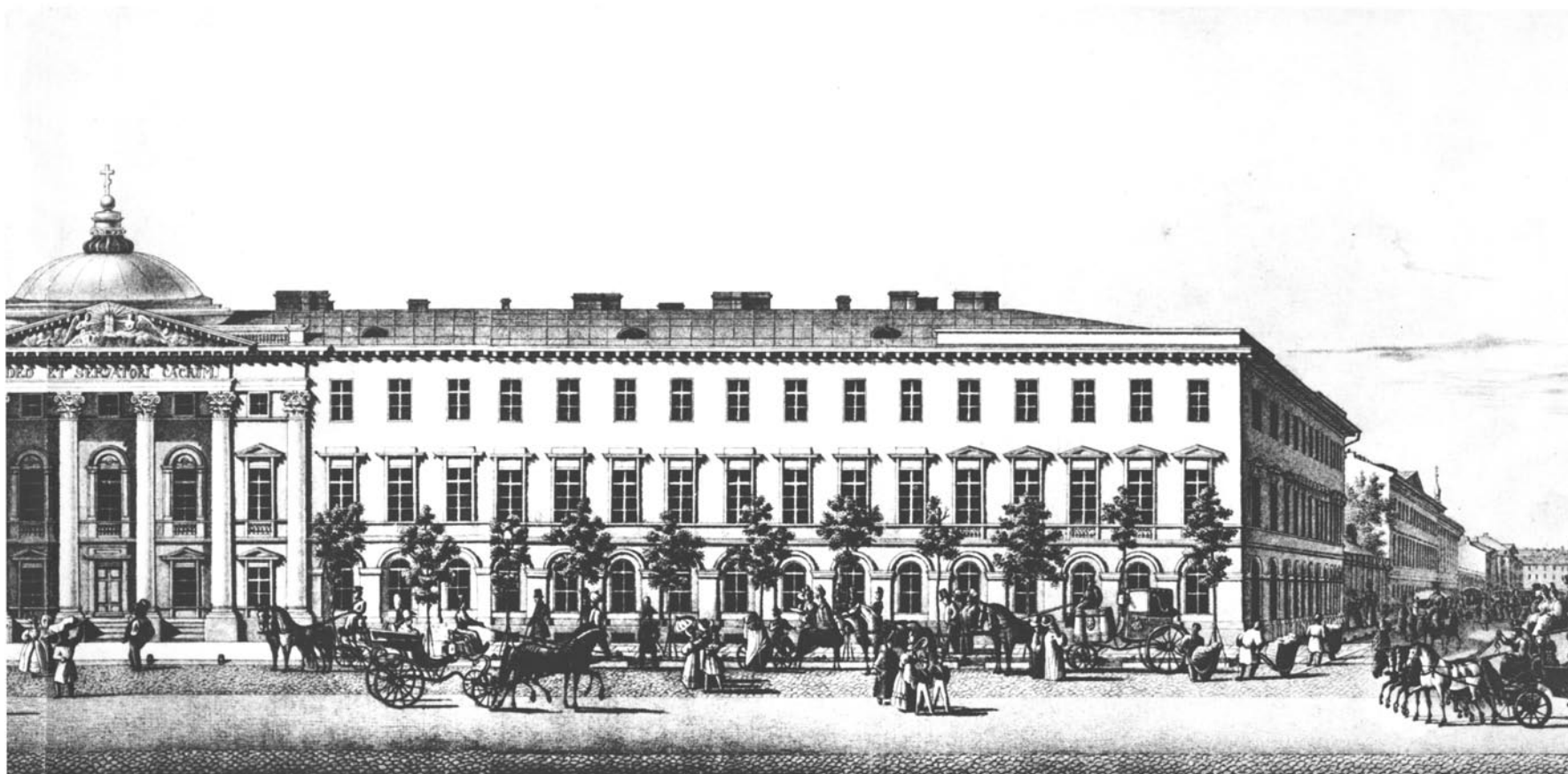
Конечно, было немало сомневающихся в надежности нового моста, выглядевшего далеко не столь массивно, как возведенные из камня. Но инженер Гесте был уверен

в достаточной прочности первенца металлического мостостроения в столице, что и подтвердилось в дальнейшем. Мост, обрамленный ажурными чугунными решетками, с гранитными обелисками-фонарями на углах, достойно украсил Невский проспект.

Справа высится «Дом голландской церкви» (ныне Невский, 20), огромное здание, занимающее целый квартал от набережной Мойки до Большой Конюшенной до Большой Конюшенной (ныне ул. Желябова). Сооружено оно было в начале 30-х годов минувшего века по проекту архитектора П. Жако. Сам церковный зал выделен в главном фасаде коринфским портиком, объединяющим три этажа. По бокам к церкви примыкают два огромных флигеля. Духовные отцы были людьми расчетливыми и возвели их как источник будущих немалых арендных доходов. Как мы увидим в дальнейшем нашем путешествии, голландские пасторы были не одинокими в проявлении столь выгодной инициативы.

На фасаде «Дома голландской церкви» видим вывески итальянского и голландского магазинов, книжной лавки Белизара, где продавалась литература на иностранных языках. Тут же, наконец, большая вывеска оповещает о местонахождении «Выставки общества поощрения художников». Помещение для нее было предоставлено в магазине художественных произведений Андрея Прево, издателя Панорамы Садовникова.

Первый параграф устава Общества поощрения художников гласил: «Всеми возможными средствами помогать художникам, оказавшим дарование и способность к распространению изящных художеств». В тяжелую пору николаевского деспотизма хлопотами общества удалось все же выволить из крепостного рабства десять одаренных мастеров кисти. Всего лишь десять из многих сотен, но и это было немалой победой, добытой в условиях жесточайшего

режима крепостнического государства.

Несомненной заслугой общества было также предоставление талантливым художникам стипендий для зарубежных поездок. Достаточно сказать, что ставшие впоследствии знаменитыми живописцы Карл Брюллов и Александр Иванов совершенствовали свое искусство на стипендии общества. Получал от него пособия и скульптор Петр Клодт, автор знаменитых бронзовых коней на Аничковом мосту.

Но, пожалуй, главной заслугой общества была организация Постоянной выставки произведений русских художников. Впервые она открылась в «Доме голландской церкви» в 1825 году. В Петербурге не было тогда ни одного доступного художественного музея. Вход в Эрмитаж был крайне затруднен, а отчетные выставки в залах Академии художеств работали всего лишь две недели в году. Именно по этим причинам выставка в магазине Прево обрела широчайшую популярность. Сюда можно было любому

войти и не покупая картин, обозреть холсты выдающихся мастеров. А посмотреть было на что: Прокофьев, Воробьев, Кипренский, Венецианов, Толстой, Щедрин, Басин, другие талантливые художники... Бойко шла и продажа картин. Кстати, здесь можно было приобрести и «Панораму Невского проспекта».

Садовников хорошо изобразил и убегающую вдаль набережную Мойки. Через дом от голландской церкви виднеется здание «Демутова трактира». Несколько раз перестраивавшееся, оно утратило свой первоначальный вид. Можно лишь сказать, что на месте нынешнего дома по наб. Мойки под № 40 во времена Пушкина находилась одна из популярнейших петербургских гостиниц «Демутов трактир».

Открыл гостиницу еще в XVIII веке предприимчивый иностранный купец Филипп-Якоб Демут. Вначале «Демутов трактир» выходил своим фасадом только на Мойку. Разбогатец, хозяин расширил дом — новая половина его теперь выходила на Большую Конюшенную. Расположенная почти у самого Невского, гостиница всегда была заполнена постояльцами.

Останавливались у Демута, а иные и подолгу жила в его номерах многие русские писатели, поэты, военные.

Здесь останавливались Грибоедов, Чаадаев, Батюшков, Мицкевич, Пестель, генерал Ермолов и многие другие выдающиеся люди той поры. Начиная с 1827 года и Пушкин несколько раз снимал номер у Демута. Последний раз он жил здесь с мая 1831 года, когда приехал из Москвы вместе с молодой женой. Спустя неделю они расстались с «Демутовым трактиром», переехали на летнее житье в Царское Село и уже отсюда на постоянную квартиру.

Много памятных встреч Пушкина связано с гостиницей Демута. В начале двадцатых годов в номере 54 обитал

Петр Яковлевич Чаадаев, человек, оказавший большое благотворное влияние на формирование взглядов юного Пушкина. Дружба поэта с Чаадаевым завязалась еще в Царском Селе, когда Пушкин заканчивал лицей. Несколько лет спустя, когда Чаадаев поселился у Демута, молодой поэт был частым гостем старшего друга. Они подолгу беседовали, совместно читали и много спорили. Главной темой этих бесед было тяжелое положение России, ужасный гнет самодержавия, отсутствие свободы. Волнующим откликом на эти незабываемые встречи стало знаменитое послание, рожденное пламенным вдохновением Пушкина:

**Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!**

У Демута Чаадаев устроился по-домашнему, оставив номер на свой вкус: жил он здесь довольно продолжительное время. На самом видном месте комнаты, где он принимал гостей, Чаадаев повесил свой портрет с надписью, сочиненной Пушкиным:

**Он в Риме был бы Брут,
в Афинах — Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.**

Когда в 1820 году над юным поэтом за его широко распространившиеся вольнолюбивые стихи нависла страшная угроза ссылки в Сибирь, Чаадаев, узнав об этом, немедленно помчался к историку Карамзину — было это поздней ночью. Взмолвленно и страстно он убеждал ученого заступиться за Пушкина перед Александром I. Нелегко было добиться смягчения участи автора «Вольности» у расвирепевшего

самодержца, и все же цель была достигнута — Сибирь заменена югом России.

У Демута Пушкин не раз встречался со знаменитым польским поэтом Адамом Мицкевичем. Они познакомились еще в Москве, где некоторое время жил высланный царскими властями из Польши Мицкевич и где остановился возвращенный из ссылки на юг Пушкин. С каждой встречей поэты сближались все более и более и крепко подружились. Мицкевич в одном из писем так характеризовал первого поэта России: *«Я знаком с Пушкиным, и мы часто встречаемся. Он в беседе очень остроумен и увлекателен; читал много и хорошо, хорошо знает новую литературу; о поэзии имеет чистое и возвышенное понятие»*.

Позднее Мицкевич приехал в Петербург и встречи друзей продолжались, в частности, в «Демутовом трактире». Великий польский поэт владел необыкновенным искусством импровизации. Кто-либо из участников беседы давал Мицкевичу тему. Вокруг воцарялась мертвая тишина. Мицкевич на несколько минут уходил в себя, а затем из уст его лились стихи, и какие!.. Весь во власти поэтического вдохновения, с преображенным лицом, точно озаренным каким-то священным огнем, он, не останавливаясь ни на мгновение, читал свои стихи. Известно, что Пушкин на одной из таких импровизаций не выдержал и бросился на шею Мицкевича, крепко обнял его и покрыл лицо польского собрата поцелуями, приговаривая:

— Какой гений! Какой священный огонь!..

Пушкин необычайно высоко ценил Мицкевича. Рассказывают о таком случае: друзья столкнулись в дверях, и Пушкин, уступая дорогу Мицкевичу, громко произнес:

— Стой, двойка, туз идет!

— Козырная двойка и туза бьет, — ответил Мицкевич, подчеркнув свое преклонение перед гением русской поэзии.

Еще одна памятная встреча произошла у Демута. В столицу приехала героиня Отечественной войны 1812 года, участвовавшая в битве при Бородино, знаменитая кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова. Скрыв свой пол, она в военном мундире долгое время жила боевой жизнью, далеко не легкой и для мужчин. Брат Дуровой прислал Пушкину записки сестры о своей жизни. В своем ответе Дурову поэт писал: *«Прелесть! Живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен. Братец ваш (!) пишет, что летом будет в Петербурге. Ожидаю его с нетерпением...»*

И вот «кавалерист-девица» приехала в Петербург и сняла дешевенький номер в четвертом этаже у Демута. Вскоре записочкой она сообщила Пушкину о своем приезде. Поэт направился в «Демутов трактир», чтобы встретиться с прославившейся на всю страну героиней. Надежде Дуровой было уже пятьдесят три года. Далеко позади осталась ее полная приключений военная жизнь, но попрежнему носила она мужскую одежду — казакин и широкие штаны, стригла волосы по-мужски.

Завязалась беседа. Пушкин высоко оценил ее записки, расспрашивал ее о прошлом. Поэт никак не мог привыкнуть к тому, что Дурова, говоря о себе, говорила «я был», «я побежала, «я увидел» — неизменно в мужском роде. Но вот наступило время прощаться. Пушкин поблагодарил «кавалерист-девицу» за беседу, за предоставление ее записок для редактируемого поэтом журнала «Современник», часть которых и была опубликована. Пушкин снабдил их предисловием, в котором, в частности, писал: *«С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной, с изумлением увидали, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым,*

живописным и пламенным».

Уходя из номера, галантный поэт на прощание поцеловал эти пальчики. Дурова густо покраснела и, смутившись, произнесла:

— Ах, боже мой, я так давно отвык от этого!

... Как известно, осень была у Пушкина любимым временем года. Осенью обычно писалось ему легко и сочинял он много. Именно такую плодотворную осень прожил поэт в номере 33 у Демута в 1828 году. Номер был не из дорогих. Стояли ненастные дни, шли мелко морозящие дожди, с Финского залива налетали шквалы холодного ветра. Но именно ненастье благоприятствовало вдохновенному труду поэта. Один из современников поэта, вероятно, со слов самого Пушкина, писал: *«Когда было хорошо под небом, ему не сиделось под кровлей, и потому его любовь к осени с ее вдохновенным на него влиянием можно объяснить тем, что осень со своими отвратительными спутниками*

— дождем, слякотью, туманами и повисшим до крыш свинцовым небом держала его как бы под арестом дома, где он сосредотачивался и давал свободу своему творческому бесу».

Что же дала осень, проведенная в «Демутовом трактире»? В необычайно короткий срок здесь родилась «Полтава». Эта историческая поэма была давно задумана поэтом, и, наконец, у Демута она была воплощена в действительность. «Полтава» была написана в октябре 1828 года. Первую песнь Пушкин завершил 3-го, вторую — 9-го и третью — 16 октября. Пушкин был в эту пору полон стихами. Они роились в его сердце, в его мозгу, рвались наружу. Поэт забывал о завтраке, обеде, охваченный волнующим порывом, вскакивал даже ночью и давал волю своему творчеству. Написав первую строку «Полтавы», он через три недели поставил последнюю точку в своей знаменитой поэме.

5.

КНИЖНАЯ ЛАВКА СМЕРДИНА

В парадной рекламе, отображенной Василием Садовниковым на «Панораме Невского проспекта», воспроизведено много вывесок книжных магазинов. На четной стороне проспекта, чуть ли не через дом красовались вывески русских, французских, немецких лавок, торговавших произведениями изящной словесности, периодическими изданиями и другой литературой. Книжная торговля многие годы концентрировалась на Невском.

В тридцатых годах прошлого века самой большой по размаху была книжная торговля А. Смирдина. На фасаде дома, ныне значащегося под № 22, огромные вывески указывали на местонахождение его книжной лавки, а также «Библиотеки для чтения». Дом этот, как и соседний под № 24, на Панораме выглядят трехэтажными. Уже в нашем веке, незадолго до первой мировой войны, их надстроили еще двумя этажами.

16 декабря 1831 года «Северная пчела» опубликовала информационную заметку, привлекающую внимание многих петербуржцев:

«Наконец г. Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его на передний угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви св. Петра, в нижнем жилье находится книжная торговля Смирдина. Русские книги, в богатых переплетах, стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуя покупающих своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенной скоростью. Сердце утешается при мысли, что, наконец и наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги».

Александр Филиппович Смирдин был не только торговцем, но и одним из крупнейших издателей, с которым в этой области был тесно связан Пушкин. Высокую оценку деятельности Смирдина дал Виссарион Белинский.

До появления на Невском смирдинской книжной торговли большой популярностью в Петербурге пользовалась лавка Василия Алексеевича Плавильщикова, находившаяся у Синего моста, на углу набережной Мойки и Вознесенского проспекта (ныне по Мойке дом № 70). Большой выбор литературы привлекал сюда немало покупателей. К тому же, в отличие от других, Плавильщиков, едва ли не единственный тогда книгопродавец, отапливал свою лавку. Листать зимой насквозь промерзшие книги, напечатанные на тряпичной бумаге, было нелегко. Предприимчивый хозяин открыл также при лавке одну из первых частных библиотек, в которой было в 1820 году около семи тысяч названий, главным образом русских изданий. Теплое помещение, большой выбор книг, гостеприимство Плавильщикова превратили его лавку в своеобразный литературный клуб, посещавшийся многими писателями и поэтами, учеными, журналистами...

У Плавильщикова и работал приказчиком Александр Смирдин. Ранее он жил в Москве, где с юных лет начал трудиться по книжному делу. Когда в 1812 году Наполеон вторгся в Москву, молодой приказчик явился на берега Невы. После изгнания Бонапарта Смирдин был возвращен в Москву, но потом снова отправился в Петербург, где и был принят на работу Плавильщиковым, став вскоре старшим приказчиком.

Через некоторое время хозяин тяжело заболел, но лавка и «кабинет для чтения» не только не захирели, но под управлением Смирдина расцветали все более и более. Плавильщиков вскоре умер. Стряпчий вскрыл завещание, в

В. С. Садовников
Вид Мариинского дворца зимой 1863 года

(Справа виден вход в бывшую книжную лавку Плавильщикова)

котором было написано, что покойный предоставляет право Смирдину купить книжную лавку «по той цене, которую он признает для себя выгодной». Правом этим Смирдин воспользовался по совести. Он объявил об аукционе, на котором желавшие купить лавку предлагали различные суммы. Когда уже никто из участвовавших в торгах не назвал новой суммы, Смирдин объявил свою наивысшую цену и стал владельцем популярной книжной лавки и «кабинета для чтения». Восемь лет лавка Смирдина все еще продолжала торговать у Синего моста. И тут Александр Филиппович объявился в Петербурге как издатель. Расширив типографию, он начал выпускать в свет сочинения русских писателей и поэтов.

Издательский принцип Смирдина был таков: книга в полиграфическом отношении должна быть на высоком уровне, оставаясь при этом достаточно дешевой и доступной для широкого покупателя.

Начав на Мойке свою издательскую деятельность, он опубликовал сочинения более семидесяти русских писателей, хорошо отпечатав и оформив десятки тысяч русских книг. Смирдин внес большой вклад в развитие русской словесности. Недаром «неистовый Виссарион» достойно оценил заслуги Смирдина, указав, что «до него книги продавались страшно дорого и по этому были доступны большей частью только тем людям, которые всего менее читают и покупают книги. Благодаря г. Смирдину приобретение книг более или менее сделалось доступным и тому классу людей, которые наиболее читают и, следовательно, наиболее нуждаются в книгах».

Пушкин был частым гостем у Смирдина. Впервые, в 1824 году, новая поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан» была издана Александром Филипповичем. Он же предпринял второе издание «Руслана и Людмилы» в 1828 году. Смирдин же осуществил первое издание «Бориса Годунова» и

полностью издал «Евгения Онегина».

Предприниматель с большим размахом, Александр Филиппович часто увлекался, забывая об истинной наличности своей кассы, что приводило к задержкам выплаты гонорара. Не раз такое получалось и с Пушкиным, что однажды вызвало раздражение поэта, вылившееся в эпиграмме:

**Смирдин меня в беду поверг,
У торгаша семь пятниц
на неделе.
Его четверг на самом деле
Есть после дождика четверг...**

И все же касса Смирдина не раз выручала Пушкина в периоды денежных затруднений, очень частых на протяжении всей его жизни. Поэт сам говорил, что получает «жалованье» от Смирдина за предоставленное книгопродавцу право издать в течение четырех лет вышедшие в свет произведения поэта. «Жалованье» это выражалось в шестистах рублях ассигнациями ежемесячно.

На Мойке, у Синего моста, лавка Смирдина просуществовала до конца 1831 года. Разбогатея, книгопродавец и крупный издатель решил сменить адрес и арендовать помещение для своего дела на обстраивавшемся в то время Невском проспекте. Долго выбирал он, пока не остановился на доме лютеранской церкви, сняв в нем помещение с крупной ежегодной арендной оплатой в 12000 рублей ассигнациями. Не пожалел Александр Филиппович средств и для соответствующего оформления лавки и библиотеки для чтения.

Переезд на «главную коммуникацию» столицы Смирдин решил ознаменовать торжественным обедом, который был назначен на 19 февраля 1832 года. На новоселье были приглашены выдающиеся деятели русской литературы

НОВОСЕЛЪЕ.

1833.

И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Плетнев. П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский... И наряду с ними Смирдин пригласил Греча и Булгарина, реакционнейших журналистов той поры. Позвал Александр Филиппович и цензоров, решавших судьбу его изданий. Одним словом, во втором этаже, в помещении библиотеки, собралась публика самых разных как политических убеждений, так и литературных направлений.

Обед прошел торжественно и надолго запомнился его участникам. На сохранившейся зарисовке можно увидеть часть зала, где праздновалось новоселье. Во главе стола сидит Крылов, рядом с ним старик Д. Н. Хвостов, бездарный стихоплет, издававший свои вирши на собственные средства. Около него — Пушкин и Вяземский. А вот напротив разместились Греч, Булгарин и между ними, как вспоминал Греч, — цензор Василии Семенов.

На зарисовке видно, как, подняв бокал, Греч провозглашает тост, а Смирдин с салфеткой в руке ухаживает за гостями.

Как ни странно, но именно Греч вспоминает об одном характерном эпизоде, разыгравшемся за столом у Смирдина. Пушкин был очень весел, острил, импровизировал, сыпал каламбурами, был в весьма приподнятом настроении. Вдруг, взглянув на заклятого врага своего — Булгарина, затем на Греча и, наконец, на сидевшего между ними Семенова, слегка приподнявшись, Пушкин довольно громко крикнул цензору:

— Ты, брат Семенов, — сегодня, словно Христос на горе Голгофа...

Шутка была острой, доходчивой, услышавшие ее рассмеялись. Все, конечно, сразу же поняли, что хотел сказать поэт: Семенов, словно Христос на Голгофе, находился среди двух разбойников пера. Греч тоже рассмеялся. Пушкин крикнул ему через стол:

— Вы, Николай Иванович, не сердитесь...

— Я был бы непростительно глуп, ежели бы сердился за эту милую шутку, — ответил Греч.

А вот Булгарин разозлился, и очень сильно. Он весь побагровел, все клокотало у него внутри, и, как вспоминает Греч, пришел в совершенное нравственное расстройство.

Когда праздник подходил к концу, участники его — литераторы поддержали идею выпуска специального альманаха под названием «Новоселье» в знак благодарности книгопродавцу Александру Филипповичу Смирдину, устроителю исторического обеда. Каждый должен был представить рукопись для памятного альманаха. Было составлено своеобразное обязательство. Первую подпись под ним поставил В. А. Жуковский. Через год первый том «Новоселья» вышел в свет. В нем впервые был напечатан предоставленный для альманаха Пушкиным «Домик в Коломне».

Два года спустя после новоселья на Невском Смирдин стал соиздателем «Библиотеки для чтения» — ежемесячного журнала «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Новый журнал издавался в количестве пяти тысяч экземпляров, что в 5 — 6 раз превышало тираж даже самых лучших подобных периодических изданий того времени. В «Библиотеке для чтения» Пушкин напечатал «Пиковую даму», «Гусар», «Песни западных славян», три знаменитые сказки — о рыбаке и рыбке, о золотом петушке, о мертвой царевне и семи богатырях, а также другие произведения.

Уже после смерти поэта, в 1839 году, в книжной лавке на Невском поступил в продажу изданный Смирдиным

иллюстрированный альманах «Сто русских литераторов». Разрешение на выпуск было дано самим управляющим делами III отделения А. Мордвиновым. Казалось, ничто не предвещало приближавшей бури. И вдруг стало известно, что Мордвинов уволен.

Оказывается, в числе других в альманахе был опубликован портрет писателя — декабриста Александра Бестужева-Марлинского. Многие покупатели аккуратно вырезали этот портрет из книги и вывешивали в рамке на стене в своих квартирах. Брат царя, Михаил Павлович, немедленно сообщил об этом Николаю. Тот рассвирепел:

—Его развесили везде, а он хотел нас перевешать!

Царь даже имени Бестужева-Марлинского, участника восстания на Сенатской, не хотел слышать. Разжалованный в рядовые, писатель-декабрист отважно сражался в рядах одного из полков, действовавших на Кавказе. Многократно отличался он необыкновенным героизмом. Оренбургский генерал-губернатор вздумал было ходатайствовать о переводе Бестужева-Марлинского в Оренбург, где он мог быть полезным в описании края. Последовал ответ из Петербурга: «Бестужева следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее». В том же роковом году, когда погиб Пушкин, Бестужев-Марлинский был зарублен при стычке у мыса Адлер.

Но и мертвый он был ненавистен Николаю. По приказанию свыше жандармы начали вырывать портрет «бунтовщика» из альманаха «Сто русских литераторов». Много переволновался тогда Смирдин, пока не улегся царский гнев и разразившаяся буря не пронеслась, наконец, над его головой.

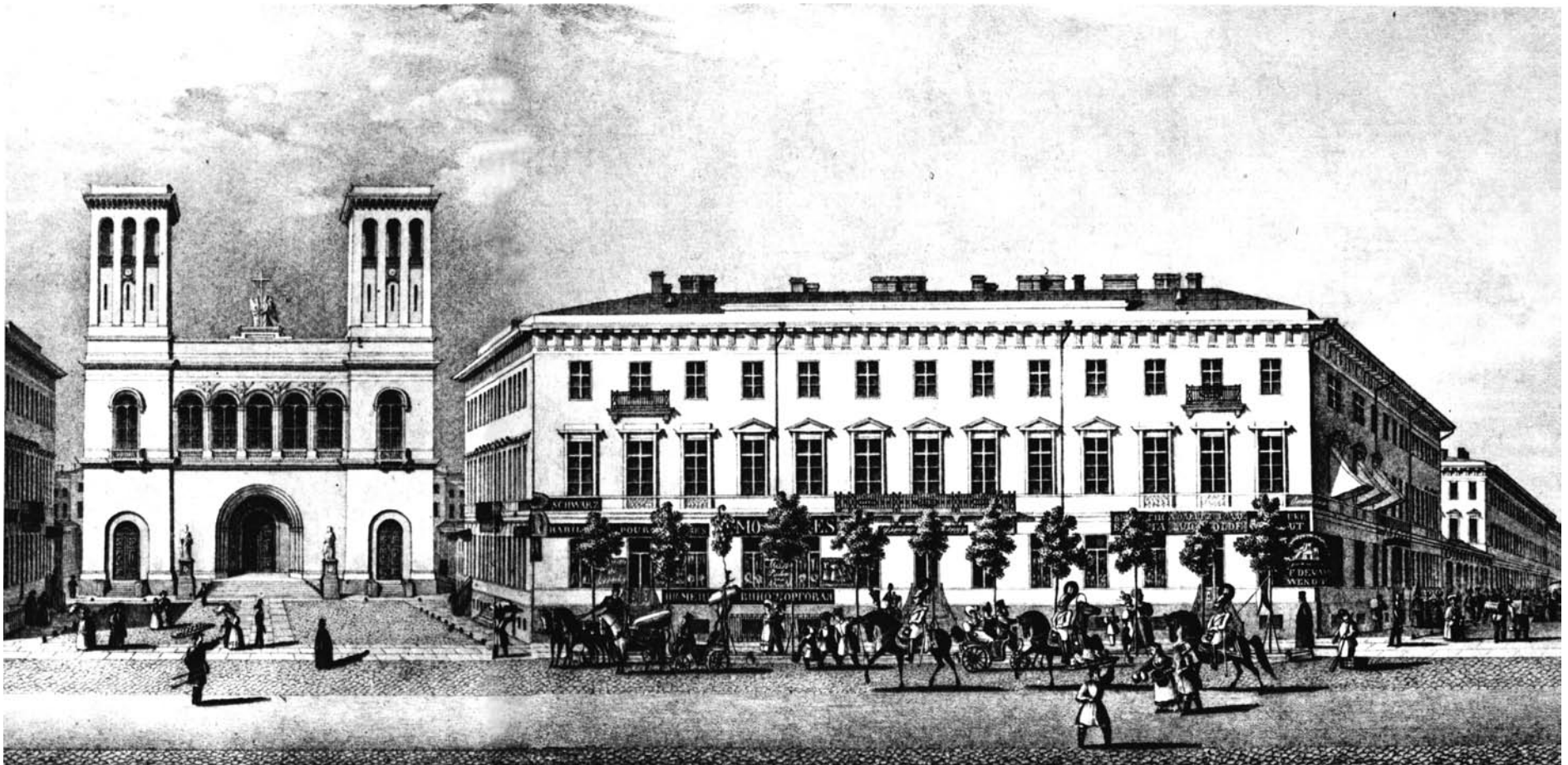
В этом доме
в 1830-х годах находились
Библиотека и
Книжная лавка
известного книгоиздателя
Александра Филипповича
Смирдина
Здесь встречались
А.С. Пушкин, И.А. Крылов,
В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь
и другие русские писатели
и поэты

Мемориальная доска
А. Ф. Смирдину
(Невский проспект, 22)

6.

СЛАВА ШКОЛЫ В ДЕЛАХ УЧЕНИКОВ

Между двумя одинаковыми домами под № 22 и 24, несколько отступив от красной линии Невского, высится здание бывшей лютеранской церкви святого Петра. Она сооружена по проекту известного зодчего Александра Павловича Брюллова — брата знаменитого живописца.

За церковью находится здание школы. В середине восемнадцатого столетия оно было двухэтажным с фасадом в стиле русского барокко. Со временем появились еще три этажа. Но, утратив свой первоначальный вид, школа не потеряла своего значения как историческая достопримечательность. Ведь это самая старая школа в нашем городе, существующая и поныне, — № 222. От роду ей уже более двухсот шестидесяти лет.

Уже в документах, датированных 1710 годом, встречается упоминание об этой школе, но не исключена возможность, что открыли ее и раньше. Для строительства города на Неве, сооружения верфей, создания первых русских кораблей Петр вербовал иноземных специалистов, которые прибывали в Россию вместе со своими семьями. Для детей плотников, такелажников, шкиперов потребовалась школа, и она была создана. По некоторым данным, сначала она находилась вблизи неевского берега, позднее переехала в новое здание за «киркой на перспективе».

В этой школе, которая по праву может считаться ровесницей нашего города, обучалось около тридцати тысяч человек. Но, как справедливо отметил знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов, являвшийся одно время попечителем Киевского учебного округа, «школа славится не количеством, а славой своих учеников». О некоторых ее известных питомцах мы и напомним.

Во второй половине восемнадцатого века здесь учился Георг Форстер, ставший впоследствии виднейшим немецким писателем-демократом и активнейшим участником

французской буржуазной революции. Фридрих Энгельс причислил его к «лучшим патриотам» Германии, поставив его вровень со знаменитым вождем крестьянского восстания Томасом Мюнцером.

Примечательна жизнь Георга Форстера. Одиннадцатилетним мальчиком он приехал в 1765 году в Россию вместе со своим отцом, также весьма незаурядной личностью. Самоучкой Форстер-старший овладел семнадцатью языками и основами естественных наук, став признанным ученым-натуралистом. Он и определил сына в школу, называвшуюся Петровским училищем. В его стенах, по-видимому, юный Георг, так же как и его отец, обладавший лингвистическими способностями, овладел русским языком. Когда после отъезда из России Форстеры оказались в Лондоне, причем в весьма бедственном положении, юный Георг перевел на английский сочинение Ломоносова «Краткий российский летописец». Книга эта была напечатана в Лондоне в 1767 году. Ее переводчику в это время было всего лишь тринадцать лет.

Четыре года спустя отец и сын Форстеры были приглашены участвовать в историческом кругосветном путешествии капитана Джемса Кука на корабле «Резолюшн». За три года плавания Форстеры собрали разнообразные материалы большого научного значения. После возвращения в Англию 23-летний Георг написал книгу «Путешествие вокруг света Иоганна-Рейнгольда Форстера и Георга Форстера в 1772—1775 годах», вскоре переведенную с английского на другие языки. В отличие от опубликованных дневников Джемса Кука, Форстер показал британских моряков как убийц и насильников, открыто обличая нравы ранних европейских колонизаторов.

В 1777 году Георга Форстера, уже широко прославившегося ученого и писателя, пригласили участвовать

в русской экспедиции, снаряжавшейся для исследования Антарктики. Экспедиция, однако, не состоялась из-за начавшейся русско-турецкой войны.

Конец своей сорокалетней жизни Георг Форстер провел в революционном Париже, примкнув к якобинцам. Его бурной деятельностью борца восторгался Фридрих Энгельс, который писал: «Почему не прославить Георга Форстера, — немецкого Томаса Пэйла, — который в отличие от своих соотечественников, до самого конца поддерживал французскую революцию в Париже и погиб на эшафоте?» Таков один из славных питомцев старой школы.

В конце восемнадцатого столетия среди учеников Петровского училища числился и будущий знаменитый архитектор Карл Иванович Росси. Богатейший вклад внес он в развитие русского зодчества, и в частности архитектуры нашего города. Уже в школе заметно проявились природные способности Росси в рисовании. Быть может, не став архитектором, он был бы неплохим художником. А стал он знаменитым градостроителем, вероятно, благодаря обстановке, в которой жил. По некоторым сведениям, он рос и воспитывался у архитектора Бренна. Это, возможно, и определило будущий жизненный путь Карла Ивановича. В 1795 году 19-летний Росси был назначен «гезелием» (подмастерьем) архитектуры в адмиралтейское ведомство с первым жалованьем — сто пятьдесят рублей в год. Так начинал свой путь великий зодчий, украсивший наш город многими шедеврами архитектуры мирового значения.

Учились в старинной школе и многие военные деятели, участники Отечественной войны 1812 года, Бородинской битвы, победителями вошедшие в Париж. Среди питомцев Петровского училища находился и будущий известный русский военный историк и писатель Александр Иванович Михайловский-Данилевский. Он был в 1812

году адъютантом главнокомандующего русской армией Михаила Илларионовича Кутузова. В деле при Тарутине Михайловский-Данилевский получил тяжелое ранение, но выжил. С 1812 по 1815 год он вел журнал боевых действий русской армии. В немалой степени, в дополнение к личным дневниковым записям и наблюдениям, это помогло ему позднее издать богатые фактическими данными описания Отечественной войны 1812 года, похода в Париж в 1814 году и ряд других произведений.

Среди преподавателей этой школы были замечательные словесники, такие, как Василий Попугаев и Иван Борн. Оба не только педагоги, но и поэты, творчество которых было пронизано вольнолюбивым духом Александра Радищева. Попугаев и Борн входили в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», возглавляемое президентом Иваном Петровичем Пниным, учеником Радищева.

Это Иван Пнин одой «На смерть Радищева» увековечил память «бунтовщика»-учителя. Конечно, «возмутительные» стихи не могли быть тогда опубликованы, они увидели свет лишь 56 лет спустя. Ода ходила в списках. Впервые она прозвучала перед питомцами Петровского училища, прочитанная учителями русской словесности Попугаевым и Борном.

Еще один русский словесник и латинист был желанным для учеников. Это — Александр Иванович Галич, преподававший также и в Царскосельском лицее. Тогда Галич, несмотря на молодость, был уже профессором. Свои уроки он превращал в увлекательнейшие, непринужденные беседы с лицеистами, за что был любим и почитаем. Беседы эти посвящались главным образом темам литературы и искусства.

Добрый по натуре, благожелательный, Галич, познакомившись с первыми поэтическими опытами юного

Пушкина, сразу почувствовал в них искры таланта, которому суждено разгореться до гениального. Это Галич настоял на том, чтобы Пушкин подготовил и прочитал свои стихи на экзамене 1815 года. Александр Иванович сумел убедить талантливого юношу, заставил его поверить в свои творческие способности. И Пушкин внял призыву Галича, сочинив свои знаменитые «Воспоминания в Царском Селе», которые вдохновенно прочитал затем в присутствии Державина, чем привел в восторг старого русского поэта.

Пушкин любил Галича, не раз вспоминал его в своих стихах.

**Главу венками убери.
Будь нашим президентом,
И будут самые цари
Завидовать студентам!**

Шли годы, новые поколения учащихся заполняли классы старой школы. И почти каждое такое поколение питомцев училища дарило стране выпускников, становившихся впоследствии людьми, прославившими русскую науку, и искусство. Забегая вперед, назовем их. Пришел сюда десятилетним мальчиком Модест Мусоргский. Получил здесь среднее образование будущий директор одного из старейших высших учебных заведений нашего города — Горного института академик Григорий Петрович Гельмерсен. Еще в стенах школы одним из самых любимых его предметов были естествоведение и география. Эта любовь и определила дальнейшую жизнь будущего знаменитого геолога, одним из первых составившего геологическую карту Европейской России.

Своими исследованиями прославился и другой ученик Петровского училища — знаменитый путешественник Василий Васильевич Юнкер, проникший в еще неизведанные

тогда области Африки. Пренебрегая порой смертельной опасностью, прославленный следопыт деятельно изучал Ливийскую пустыню, юг Судана, обширный район водораздела между Нилом и Конго и другие области «черного континента».

Образование в старой школе получил и известный живописец-анималист Николай Егорович Сверчков, прозванный за его любовь к изображению лошадей «Клодтом красок». Провел свое детство здесь и ставший впоследствии известным скульптором Роберт Романович Бах, изваявший прекрасную статую Пушкина-лицеиста, бережно сохраняемую и поныне в бывшем лицейском садике.

Питомец училища — и прославленный педиатр Карл Андреевич Раухфус. Добрый детский доктор, которого знал весь Петербург. Учился здесь и другой выдающийся медик — Петр Лесгафт, замечательный ученый, за свои прогрессивные убеждения преследовавшийся жандармами почти всю свою жизнь, изгонявшийся царскими чиновниками из Университета и других учебных заведений.

Уже в наше время учился здесь Генрих Яржин — Герой Советского Союза, павший в одном из боев Великой Отечественной войны. Подвиг другого юного ленинградца, бывшего ученика школы Вячеслава Васильковского, отличившегося 6 декабря 1941 года в битве под Москвой, описан в книге «История Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945»:

«... Подразделения полка имели приказ овладеть деревней Рябинки. Неоднократные попытки советских воинов выбить оттуда врага не увенчались успехом. Продвижению наших войск мешал огонь пулемета, укрытого в дзоте.

Вячеслав Викторович Васильковский решил уничтожить огневую точку врага гранатой, но это ему не

удалось. Тогда во имя спасения жизни товарищей, во имя победы он пожертвовал своей жизнью, телом своим закрыв амбразуру дзота. Это был один из первых случаев такого беззаветного героизма в Великой Отечественной войне, многократно повторенный в последующие годы.

Подвиг Васильковского видели все бойцы подразделения. В едином порыве боли и гнева бросились они на врага и жестоко отомстили за смерть товарища.

Вячеслав Викторович Васильковский был награжден посмертно орденом Ленина».

Глубоко прав был великий Пирогов, сказавший, что не в количестве учеников, а в делах ее питомцев заключена истинная, слава школы...

Петершуле

7.

В ЗАЛАХ ЭНГЕЛЬГАРДТА

На Невском проспекте и некоторых других улицах Санкт-Петербурга часто можно было видеть человека, медленно шедшего с лукошком яиц или бочоночком сельдей. Одетый в длиннополый зипун и лапти, он по внешнему виду не отличался от других уличных торговцев столицы.

Удивительным было другое: этот бородатый дядя вваливался в богатейшие ювелирные магазины, осторожно ставил свое лукошко на зеркальные стекла прилавка и начинал внимательно рассматривать драгоценности. Казалось, приказчики вот-вот вытолкают за двери бородача, бесцеремонно вторгшегося во владение знатных и богатых покупателей. Но... «селедочника» встречали с подчеркнутым почетом, низко кланяясь ему. Весь город знал этого оригинала — Михайла Кусовникова, одного из богатейших купцов, владельца многих домов и земельных участков в Петербурге. С карманами, набитыми ассигнациями, обхаживал он ювелирные магазины, скупая все, что ему понравилось.

Однажды приглянулся Кусовникову большой дом, высившийся на углу Невского и Екатерининского канала. Купив его, купец перевел наличные деньги в недвижимость и отписал ее своей дочери Ольге. Дому этому, в перестроенном виде сохранившемуся до наших дней (№ 30), суждено было сыграть немалую роль в истории развития музыкальной культуры города.

На купеческую дочь заглядывалось немало охотников до богатых невест. Но преуспел лишь петербургский миллионщик Василий Энгельгардт. Женившись на Кусовниковой, он значительно приумножил свои огромные богатства.

Отправившись за границу, Энгельгардт осел на некоторое время в Париже. Здесь он стал частым посетителем знаменитого Пале-Рояля — не пропускал дававшихся там

концертов, пышных балов, маскарадов и других публичных увеселений. Во французской столице и родилась у Энгельгардта мысль — не жалея средств, перестроить дом на Невском, превратить его в своеобразный петербургский Пале-Рояль.

Само прошлое этого дома оправдывало задуманную реконструкцию. Ведь здесь еще во времена Екатерины выступали разные иностранные гастролеры. Тут же начало давать концерты основанное в 1802 году Филармоническое общество. Энгельгардт надеялся, что этот известный дом станет еще более популярным, когда в нем появятся новые большие залы, богато оформленные искусными мастерами.

И Василий Васильевич осуществил свой замысел. Сразу же на страницах газет и журналов появились восторженные отзывы: **«Вы помните прекрасную Филармоническую залу и весь великолепный бельэтаж дома Энгельгардта? Когда это помещение было отстроено и отделано, весь Петербург сбегался смотреть на это. удивительное, тогда несравненное явление. Весь город был полон толками про готическую и китайскую комнаты. А залы! Кого мы там не переслушали!..»**, — сообщал один из столичных журналов.

А концерты! Одна европейская знаменитость сменяла другую... Слава распространилась с быстротой не только в Петербурге, но и во многих зарубежных городах. Выступать у Энгельгардта было мечтой многих выдающихся певцов, дирижеров, инструменталистов.

Писатель Нестор Кукольник, вспоминая о концертах у Энгельгардта, перечислял имена европейских «звезд» самой большой величины — скрипачей Оле Буля, Вьетана, Липинского, певцов Рубини, Тамбурины, Виардо-Гарсия, Шоберлехнер, Росси-Зонтаг, пианистов Фильда, Тальберга, Дрейшока, Листа... Не здесь ли любители

музыки переслушали высокие творения Генделя и Гайдна, Моцарта... «Всего не вспомнить, чего здесь видел и слышал, на эту залу мы привыкли смотреть с благоговением и признательностью...», — вспоминал писатель.

С колоссальным успехом проходили здесь концерты бессмертного венгра, «короля пианистов», знаменитого Ференца Листа. Непревзойденный виртуоз, этот полный огненной страсти музыкант исполнял не только свои прославленные произведения. Был он также замечательным интерпретатором Бетховена. Известно, что, еще будучи мальчиком, Лист играл в присутствии самого Бетховена. И великий композитор, преисполненный глубоким впечатлением от этой игры, поднялся на эстраду и, прижав юного Листа, горячо расцеловал его. Исполнение бетховенских произведений в последующей концертной жизни Листа всегда превращалось в музыкальное священнодействие. Его игра была столь впечатляюща, что однажды заставила расплакаться юного В. Стасова, присутствовавшего на концерте Листа в доме Энгельгардта.

К перечню знаменитостей можно добавить пианистку Клару Шуман, приезжавшую в Петербург вместе с мужем композитором Робертом Шуманом. Назовем и великих дирижеров, поднимавшихся на подиум в переполненном зале Энгельгардта. Это Гектор Берлиоз и Рихард Вагнер. С необыкновенным успехом проходили здесь также вечера вальсов, где кумиром слушателей был их знаменитый автор Иоганн Штраус.

Возвращаясь в родные города, гастролеры с восторгом рассказывали о концертах у Энгельгардта. Ференц Лист говорил: «Я концертировал во многих русских городах, я играл в роскошных палаццо, но зал госпожи Энгельгардт — одно из лучших моих воспоминаний о России».

Зал Энгельгардта был местом и триумфа русской

музыки. Музыкальные утреники и вечера, программа которых была составлена из симфонических и вокальных произведений Глинки, Даргомыжского и других наших композиторов, проходили при аншлагах.

Памятным для петербуржцев был концерт юного русского виртуоза, тринадцатилетнего Антона Рубинштейна, ставшего впоследствии выдающимся композитором и великим пианистом. «Северная пчела» сообщала тогда:

«На днях приехал в С. — Петербург молодой пианист Рубинштейн. Давно уже иностранные, газеты расточали похвалы молодому русскому артисту, и мы думали, что это недоразумение или просто мистификация, потому что не слыхали в России о молодом пианисте, о котором в иностранных газетах писали, что если ввести человека с завязанными глазами в залу, где играет молодой человек, даже знаток подумает, что играет Лист».

Выступали у Энгельгардта не только музыканты, но и драматические артисты. Здесь прощалась со сценой великая русская трагическая актриса Катерина Семенова, исполнив монологи из классических трагедий, в которых она блистала на протяжении своей богатой артистической жизни.

Однако не одними концертами славился дом Энгельгардта. В залах его устраивались шумные, красочные маскарады, настолько популярные в столице, что даже были увековечены Лермонтовым в его известной драме «Маскарад»:

**«Рассеяться б и вам и мне
не худо...**

**Ведь нынче праздники и,
верно, маскарад
У Энгельгардта».**

— говорил Арбенин, приглашая Звездича в дом на

Невском проспекте.

Пушкин и Василий Энгельгардт были друзьями, и поэт время от времени посещал популярный дом. Пришел Пушкин сюда и незадолго до своей трагической гибели, когда у Энгельгардта давался утренний концерт. В то же утро одним из слушателей музыкальной программы был и юный Иван Сергеевич Тургенев, который вспоминал:

«Пушкина мне удалось видеть за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом поглядывал кругом».

Ровно через год после убийства Пушкина, 2 февраля 1838 года, в зале Энгельгардта происходило одно памятное событие. В этот день особенно остро ощущалось отсутствие безвременно погибшего поэта. Будь он жив, непременно был бы здесь. Чествовали великого русского писателя-баснописца Ивана Андреевича Крылова в связи с пятидесятилетием его литературной деятельности. Празднование это происходило в день рождения Крылова. Воздать дань уважения и преклонения перед одним из замечательнейших мастеров отечественной словесности явилось более трехсот человек, много деятелей литературы, театра, а также официальных лиц.

Торжественно выглядел известный петербургский зал. Сюда доставили изваянный скульптором Самуилом Гальбергом прекрасный, ныне широко известный бюст баснописца. Его установили на возвышении, декорировав зеленью. Тут же, у бюста, на столе, покрытом красным сукном, лежали стопки книг — басни, комедии и другие произведения Крылова. Декораторы обвили печатные труды литератора цветами и лаврами. Провозгласили тост за виновника торжества. И тогда поднялся знаменитый русский

певец Осип Афанасьевич Петров, год с небольшим назад первым исполнивший роль Ивана Сусанина в опере Глинки. Обратившись к юбиляру, молодой певец — ему было тогда тридцать лет — во всю мощь своего прекрасного баса пропел:

**На радость полувековую
Скликает нас веселый зов:
Здесь с Музой свадьбу
золотую
Сегодня празднует Крылов...**

Этот и последующие куплеты сочинил П. А. Вяземский, а музыку написал М. Ю. Виельгорский. С приветственным словом к «патриарху» русских писателей обратился В. А. Жуковский:

«Оглядываясь покойным оком на прошедшее, продолжайте извлекать из него те поэтические уроки мудрости, которыми так давно и так пленительно поучаете вы современников, уроки, которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нем своей силы и свежести, ибо они обратились в народные пословицы; а народные пословицы живут с народами и их переживают...»

Заклячая свое приветствие, Жуковский вспомнил о тех, кого недостает на крыловском торжестве. Первым назвав умершего в глубокой старости баснописца Дмитриева, прежде всего Жуковский думал о Пушкине: «Воспоминание о Дмитриеве и Пушкине само собой сливается с отечественным праздником Крылова».

Намостается добавить несколько штрихов к дальнейшей биографии прославленного дома на Невском. Василий Энгельгардт умер в один год с Пушкиным. Постепенно стали меняться владельцы здания. В середине прошлого столетия

здесь был большой пожар. Ущерб дому был нанесен громадный, а последовавшая перестройка несколько изменила его внешний вид.

Несколько позднее домом Энгельгардта стал владеть учетно-ссудный банк. И вот — новая перестройка, особенно фасада, которому по настоянию денежных тузов должен был быть придан вид, «соответствовавший» столь солидному финансовому учреждению.

Лишь в наше советское время бывший дом Энгельгардта

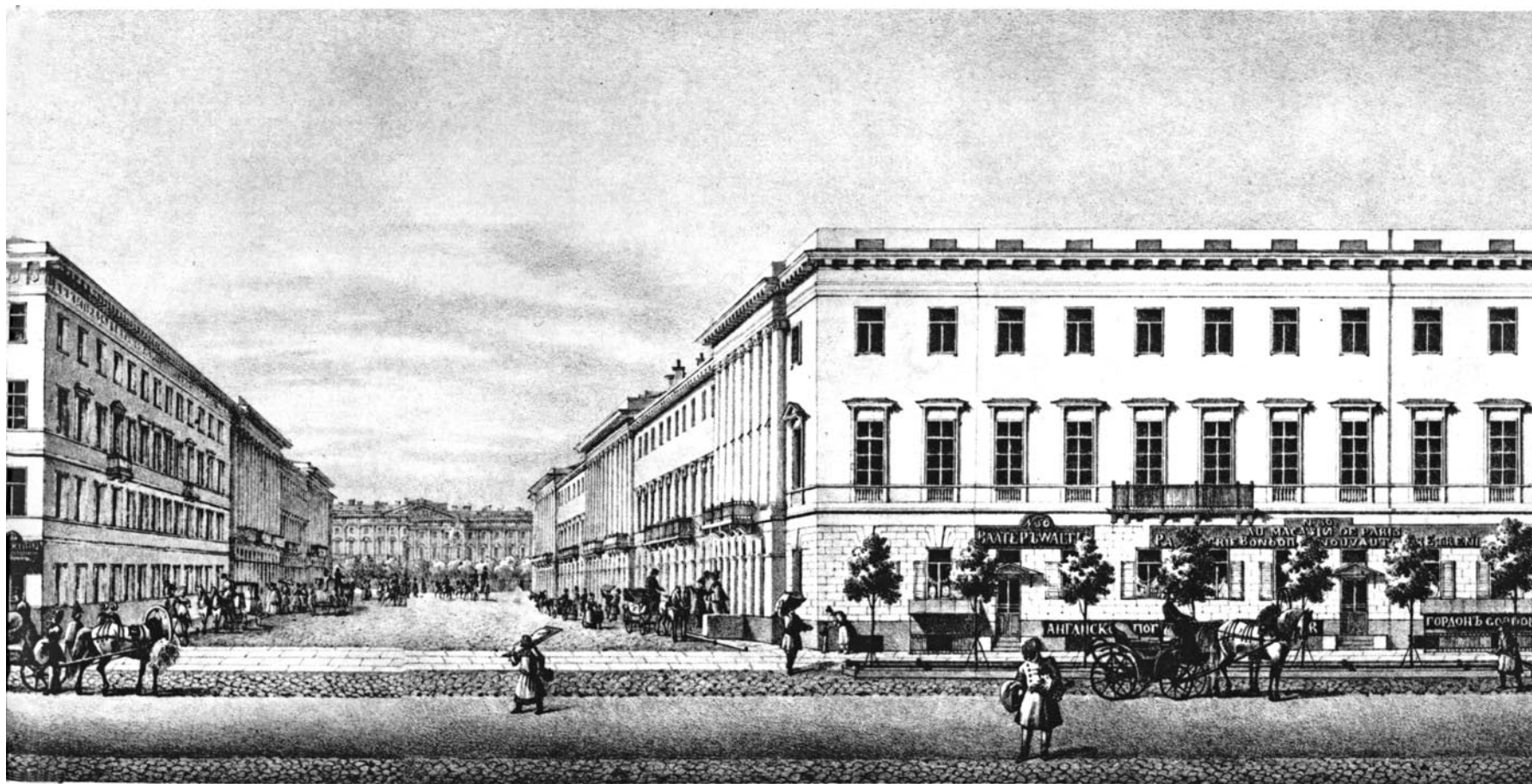
вновь стал приютом Муз, вновь служит искусству. Знаменитый филармонический зал носит имя Михаила Глинки.

В годы блокады фашистская бомба вырвала срединную часть здания. Рана была нанесена дому, где не раз исполнялись все девять симфоний Бетховена, где впервые в мире прозвучала исполненная русскими музыкантами его «Торжественная месса» — Но дом этот вновь живет, и вновь идут сюда тысячи людей на встречу с Прекрасным...

8.

ЗДЕСЬ БЫВАЛ ПОЭТ...

*Новая улица против Михайловского Дворца
Nouvelle Rue en face du Palais Michel.*

На своей Панораме Василий Садовников запечатлел недавно проложенную Михайловскую улицу (ныне улица Бродского) и вид на сооруженный по проекту Росси Михайловский дворец (ныне здание Государственного Русского музея). По окончании его строительства «Отечественные записки» сообщали, что «по величию наружного вида дворец сей послужит украшением Петербурга, а по изящности вкуса внутренней отделки он может считаться в числе лучших европейских дворцов».

Михайловскую иногда называли второй «улицей зодчего Росси». Она была задумана знаменитым архитектором как комплекс с единообразными фасадами по обеим сторонам. Но с годами левая сторона значительно перестроилась. Лишь чертежи Росси напоминают нам теперь о его прекрасном архитектурном замысле.

Площадь перед дворцом, воздвигнутым для великого князя Михаила — младшего брата Николая I, также называлась Михайловской. Она обрамлена старыми зданиями. В некоторых из них часто бывал Пушкин.

В трех домах, обозначенных номерами 5, 3 и 4, в разное время жил богатый вельможа Михаил Юрьевич Виельгорский, меценат, чье имя было широко известно и за границей. Славу о нем как о страстном поклоннике изящных искусств умножили концертировавшие в залах Виельгорского знаменитые музыканты Лист, Берлиоз, Шуманы и другие. Сам Михаил Юрьевич был способным композитором и пианистом, а жил вместе с братом Матвеем — одним из талантливых русских виолончелистов той поры.

Не удивительно, что в доме Виельгорских образовался один из самых известных в столице литературно-музыкальных салонов. Он как магнит притягивал множество представителей тогдашней столичной интеллигенции. Кто только не бывал у братьев Виельгорских! Видели здесь Пушкина и Гоголя.

Приходил сюда и юный Лермонтов. Частыми гостями были и первые наши знаменитые композиторы Глинка и Даргомыжский. На «огонек» к братьям заглядывали Петр Вяземский, Василий Жуковский и известный музыковед Владимир Одоевский...

В доме Виельгорских находились две знаменитые библиотеки. Собрание редких книг в первой по праву считали книжным музеем. Не менее богатой была и другая, нотная библиотека, в которой имелись едва ли не все произведения музыкальной литературы за несколько веков. Примечателен в связи с этим эпизод с Робертом Шуманом, когда он давал концерт у Виельгорских.

— Как жаль, что не захватил с собой партитуры моих ранних симфонических произведений. Они, несомненно, понравились бы бывшим гостям, столь прекрасным слушателям, — сказал взволнованный Роберт Шуман, обращаясь к Михаилу Юрьевичу.

Виельгорский сочувственно наклонил голову. Не прошло, однако, и десяти минут, как в зал вошел хранитель нотной библиотеки и положил на столик две объемистые папки с нотами. Шуман был крайне удивлен, увидев партитуры именно тех своих; симфонических произведений, о которых только что говорил. Этот дом вошел в историю русской музыки тем, что под его сводами впервые прозвучала опера Глинки «Иван Сусанин». Михаил Юрьевич многое сделал для того, чтобы «Сусанина» поставили на сцене Большого театра. Примечательно, что генеральная репетиция проведена была не в театре, а в доме Виельгорских.

В тот незабываемый вечер было не протолкнуться в доме на Михайловской площади. Огромное количество гостей, приглашенных на генеральную репетицию, исполнители ролей, хор придворных певчих в полном составе, весь состав симфонического оркестра... Генеральная репетиция прошла

Квартет у М. Ю. Виельгорского. Литография П. Рорбаха 1840-е гг.

с огромным успехом, а премьера в Большом театре стала подлинным триумфом Михаила Глинки, триумфом русской музыки.

Известен шуточный канон в связи с огромным успехом «Ивана Сусанина». Сочинили то четверостишие Пушкин, жуковский, Вяземский и Михаил Виельгорский:

**Пой в восторге, русский хор, —
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь, наш Глинка —
Уж не Глинка! уж не Глинка,
а фарфор!**

Высоко ценя пушкинскую поэзию, саму по себе звучавшую прекрасной музыкой, Михаил Юрьевич, вдохновленный ею, сочинял песни и романсы на стихи друга. Автором знаменитой «Черной шали», «Песни Земфиры», «Шотландской песни» был Михаил Виельгорский. Ноты некоторых сочинений, написанных на слова Пушкина, были отпечатаны при жизни поэта.

Дом на Михайловской площади памятен еще и вот чем. По утверждению известного пушкиноведа Бартенева, канву сюжета «Медного всадника» дал поэту Михаил Виельгорский. Это он рассказал Пушкину историю с неким петербургским офицером Батуриным, которому в течение нескольких ночей подряд снилось, как будто Медный всадник спустился со скалы-постаменты и устремился вперед по улицам ночной столицы...

По воспоминаниям современников, Михаил Юрьевич был изумительным рассказчиком. Слушали его затаив дыхание. Не исключена возможность, что именно впечатляющий рассказ Виельгорского вызвал у Пушкина страстное желание использовать странный сон офицера для

создания будущей поэмы.

Нередко заходил к Виельгорским Николай Васильевич Гоголь. Он очень любил музыку. Приходя в дом на Михайловской площади, Гоголь забирался в какой-нибудь уголок зала и внимательно слушал концертную программу. Но не только выступления знаменитых музыкантов влекли его сюда. Задумчиво и грустно смотрел он на Анну Михайловну — дочь Михаила Юрьевича. Ведь эта женщина была, по-видимому, единственной любовью великого писателя. Известно, что он даже просил ее руки

Композитор Гектор Берлиоз, возвратившись из Петербурга во Францию, назвал дом Виельгорских «универсальной академией искусств». Знаменитый француз здесь не только сам концертировал, но и с немалым наслаждением слушал фортепианную игру Михаила и певучую виолончель его младшего брата Матвея.

Карл Павлович Брюллов написал в 1828 году портрет Матвея Виельгорского, играющего на виолончели. Портрет этот находится теперь в Минске, в Картинной галерее Белорусской ССР.

На первом плане Брюллов изобразил виолончель работы великого Страдивари. До Матвея Юрьевича ею владел другой хозяин. Когда младший Виельгорский узнал о существовании необыкновенного музыкального инструмента, то загорелся страстным желанием приобрести его. И приобрел. Но какой ценой!.. Выменял «на тройку лошадей с экипажем и кучером в придачу»... Культурный, высокообразованный человек так и остался закоренелым крепостником.

Да, продавать и менять крепостных было самым обычным делом у помещиков той поры. Известный декабрист Лунин рассказывал о нанятом им в Сибири слуге Васильиче: «Его отдали в приданое, потом заложили в ломбард или в

банк. После выкупа из этих заведений он был проигран в бильбокет, променен на борзую и, наконец, продан с молотка со скотом и разной утварью на ярмарке в Нижнем. Последний барин, в минуту худого расположения, без суда и справок, сослал его в Сибирь...»

На Панораме Садовникова Невский проспект заполнен шумной толпой. В этой разношерстной людской массе немало крепостных, обслуживавших своих владельцев, обитавших в столице. В тридцатых годах прошлого века, в период, когда создавалась Панорама, в Петербурге при общем населении в 450 тысяч жителей насчитывалось около двухсот тысяч крепостных — почти половина населения столицы.

Несомненно, что многие из них покупались, менялись, перепродавались. Пусть не обманывает нас городской, даже нарядный вид горничной или кухарки, идущей за провизией. В любой миг ее могли обменять на охотничью собаку, на любую понравившуюся вещь. Когда знакомишься с документами, воспоминаниями современников о злосчастной судьбе многих петербургских крепостных, невольно вспоминаешь и гневные строки Пушкина, обличающие крепостников:

**Здесь барство дикое,
без чувства, без закона...**

Это руками, главным образом, крепостных, безвестных строителей возведены на Невском изумительные сооружения — шедевры архитектуры. Таким замечательным памятником мирового зодчества является и изображенный слева на фрагменте Панорамы костел св. Екатерины. Автор проекта его — известный зодчий Ж. — Б. Валлен Деламот.

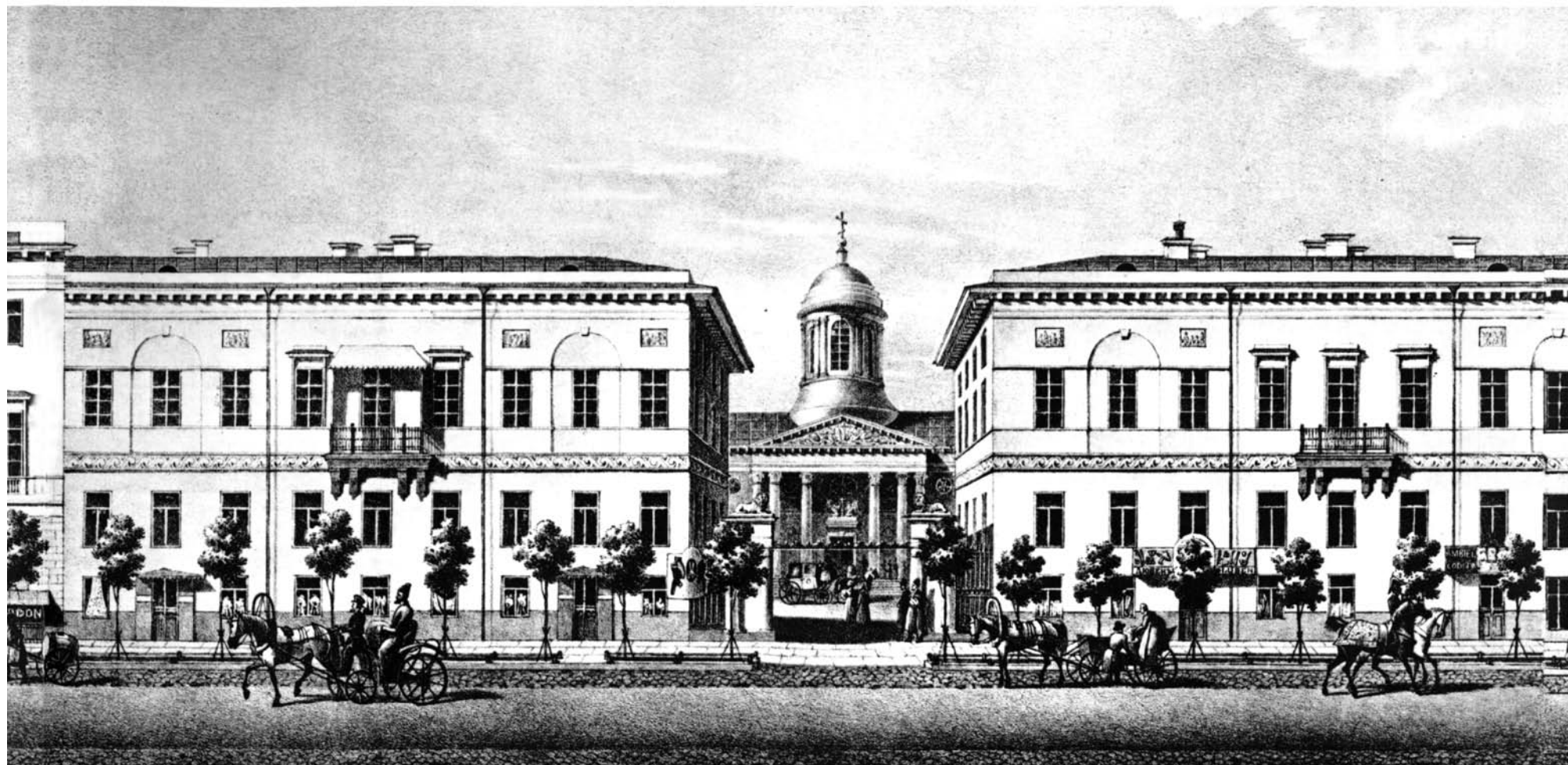
В свое время в костеле был похоронен король Польши Станислав-Август Понятовский. Почему же не польская земля приняла прах своего последнего короля? Под конец жизни

он перестал волноваться за судьбы родной страны. В 1795 году Станислав-Август счел за благо отречься от престола. Он поселился в Санкт-Петербурге, где повел жизнь, полную чрезмерной роскоши. Банкиры и ростовщики, к которым экс-король обращался за займами, зачастую отказывали ему. Кредит предоставлялся лишь в том случае, если на векселе стояла подпись королевского камердинера Рикса, который был весьма богатым и расчетливым. Кредиторы даже пошучивали: мол, Рикс внушает намного больше доверия, чем «Рекс» (король).

Пятнадцать лет спустя в костеле состоялись похороны еще одного католика, знаменитого французского генерала Жана-Виктора Моро. Во времена Наполеона это был самый выдающийся полководец, пользовавшийся во Франции большой популярностью. Наполеон видел в нем своего опасного соперника, тем более, что генерал не одобрял захвата власти Бонапартом. Хотя Моро потерпел крупнейшее поражение, нанесенное ему Суворовым на реке Адде при Нови, целый ряд побед умножил боевую славу французского генерала. Быть может, именно это обстоятельство заставило Наполеона обвинить Моро в заговоре. Он был приговорен к тюремному заключению. Тюрьму заменили изгнанием, и Моро покинул Францию.

Некоторое время полководец жил в Америке, а в 1813 году по приглашению Александра I возвратился в Европу. Он вступил в должность военного советника при главнейшей квартире союзных монархов, действовавших против Наполеона. В конце августа 1813 года, в битве под Дрезденом, Моро был смертельно ранен и через несколько дней умер. По приказанию русского императора тело французского полководца было перевезено в Санкт-Петербург и с воинскими почестями похоронено в костеле св. Екатерины.

9.
ОДЕТЫЙ КАМНЕМ

На углу Михайловской (ныне улицы Бродского) и Невского в пушкинские времена стоял дом, принадлежавший графу Строганову. Здесь жил человек, которому Пушкин посвятил сперва отдельные издания второй и пятой глав, а позднее и целиком лучшую свою поэму, «роман в стихах». Такое посвящение «Евгения Онегина» могло быть сделано лишь очень близкому лицу. Для Пушкина этот человек был «все: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром». Они познакомились, когда юный поэт только заканчивал Лицеи.

Это был Петр Александрович Плетнев — писатель и поэт. Поэзия его не была высокой, и, оставив стихи, он посвятил себя литературной критике. Позднее стал профессором российской словесности и еще при жизни Пушкина — ректором Санкт-Петербургского университета.

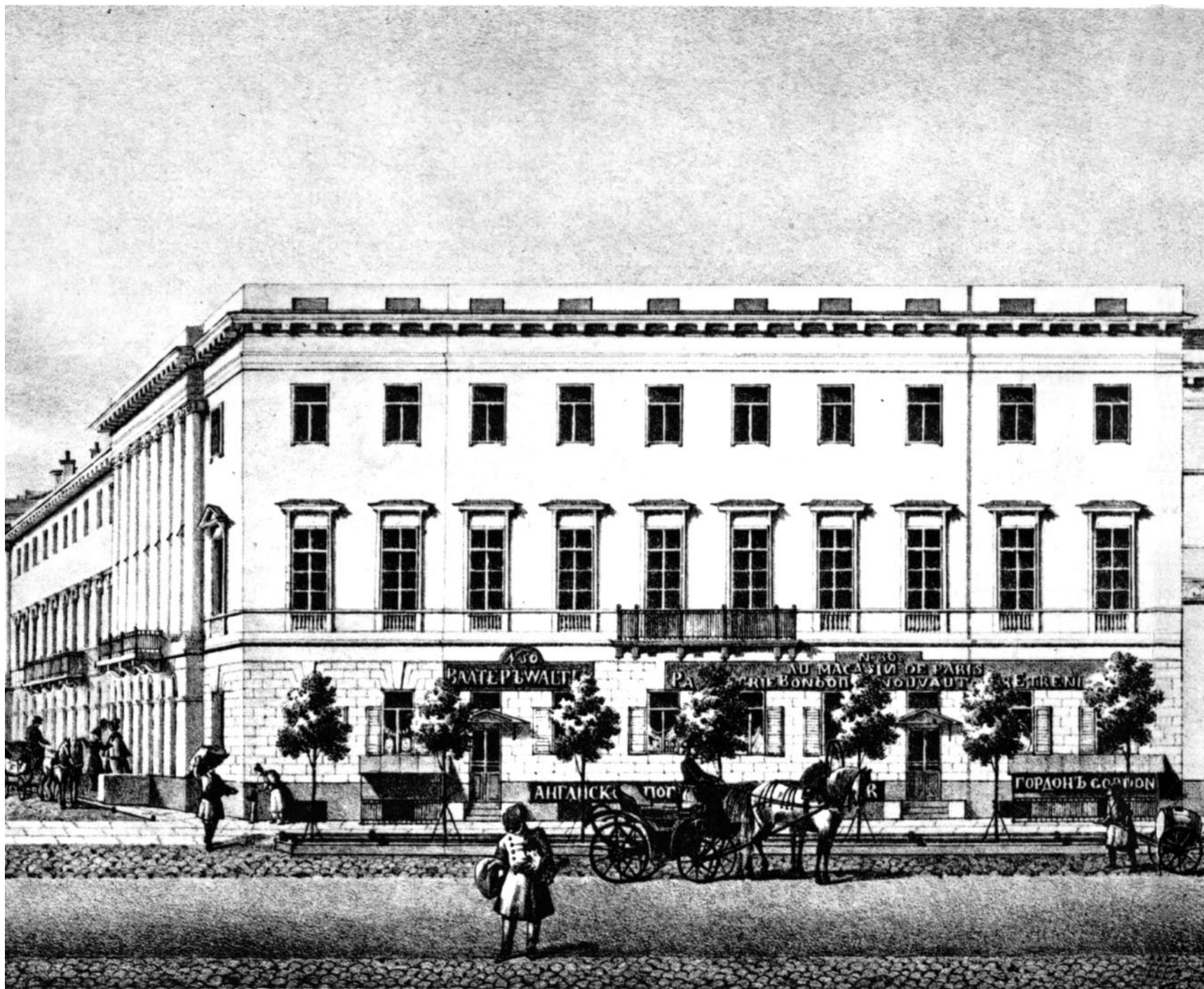
Как издатель произведений Пушкина Плетнев сделал очень многое. Он писал: *«Пушкин, находившись по большей части вне Петербурга, то в Новороссийском краю, то в своей деревне, беспрестанно должен был писать ко мне, потому что у него не было других доходов, кроме тех денег, которые собирал я от издания и продажи его сочинений»*. Осенью 1828 года поэт оформил специальную доверенность на имя Плетнева на право ведения издательских дел.

Пушкин высоко ценил мнение Плетнева о своих произведениях. *«Присылая оригинал свой ко мне для печатания, он прилагал при нем несколько поправок или перемен на сомнительные места, предоставляя мне выбрать для печати то, что я найду лучше»*, — вспоминал Плетнев. Вместе с рукописью «Евгения Онегина» Плетнев получил письмо поэта, в котором писал: *«Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего „Онегина»»*.

Начиная с 1826 года почти все произведения Пушкина издавал Плетнев. В письмах поэта к Плетневу — неизменные сообщения о творчестве. *«Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не мешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы, и стихов...»*

Это — из Болдина. Богатейшие плоды знаменитой

«болдинской осени» Плетнев ждал с нетерпением, готовясь их обнародовать.

Близкий друг Пушкина одним из первых примчался на Мойку, 12, узнав о смертельном ранении поэта. Он оставался около умирающего до его последнего вздоха.

В наши дни на месте здания, где была квартира Плетнева, стоит другой дом — № 38. А рядом (Невский, № 40—42) высятся два дома, между которыми выдающийся зодчий Юрий Матвеевич Фельтен построил Армянскую церковь.

В доме № 42 находилась квартира известного государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского. Человек либеральных направлений, он был в течение нескольких лет ближайшим сотрудником Александра I по делам внутреннего управления. Но потом положение изменилось и весной 1812 года Сперанский был освобожден от всех должностей и выслан из Петербурга. Через четыре года возвратился он в столицу, где ему было поручено руководство работами по изданию «Полного собрания законов» и составлению «Свода законов Российской империи».

Вместе со Сперанским жила его дочь Елизавета Михайловна, женщина незавидной судьбы. Законовед Сперанский против воли дочери выдал ее замуж за нелюбимого человека. Лиза долго сопротивлялась решению отца, и тогда Сперанский пошел на крутые меры — в одной из комнат запер он дочь на замок и посадил ее на хлеб и воду, вырвав наконец невольное согласие у измучившейся девушки.

Елизавета Михайловна была большой поклонницей литературы. Небольшой ее салон посещали многие выдающиеся литераторы, и в их числе Пушкин, Вяземский, приехавший в Петербург Адам Мицкевич...

В этом доме жил также декабрист Гавриил Степанович Батеньков.

Гавриил Батеньков был незаурядной личностью. Он родился в Сибири, в семье отставного офицера невысокого звания. Юного Батенькова определили в столичный кадетский корпус, откуда он был выпущен в памятный 1812 году. Гавриил участвовал в заграничных походах российской армии и показал себя в сражениях, в частности в знаменитой «Битве народов» при Лейпциге, воином необыкновенной храбрости. Известно, что в одном из боев он получил десять штыковых ран, был захвачен в плен, но сумел через несколько дней бежать и присоединиться к своим. Не успев полностью залечить раны, через месяц Батеньков вновь участвовал в очередной стычке с французами.

После выхода в отставку он сдал экзамены на звание инженера путей сообщения, был направлен на работу в родную ему Сибирь. Энергичного и инициативного Батенькова, руководившего строительством дорог и пограничных военных укреплений, заметил Сперанский, назначенный сибирским генерал-губернатором. Он и взял к себе Батенькова на службу. Совместная работа в Сибири весьма сблизила обоих. Вот почему, в частности, Батеньков, приехав в Петербург, поселился у своего патрона.

Батеньков был человеком свободолобивых настроений, поэтому вскоре сошелся со многими будущими декабристами. В дворовый флигель к нему приходили Рыле-ев, Бестужев-Марлинский и его братья, а также другие члены Тайного общества. Здесь велись долгие беседы о положении в России, о ее будущем, о необходимых преобразованиях в стране. Членом Северного общества Батеньков стал незадолго до 14 декабря 1825 года. Среди будущих участников восстания он пользовался высоким авторитетом, слыл человеком богатого опыта и знаний, обладал твердой

волей, организаторскими способностями.

Часто заходя к Сперанскому, Батеньков вел разговоры свободлюбивого характера, особенно в дни, когда до столицы докатились вести о событиях в Таганроге — внезапной болезни и смерти царя Александра I. Сперанский всполошился и оборвал Батенькова:

— Ежели не хочешь погибели себе, то не занимался бы тем, что до тебя не относится...

В день восстания Батенькова не было на Сенатской площади. Начались аресты декабристов. Две недели Батеньков оставался на свободе. Но, выведав на допросах о его участии в Тайном обществе и особенно о роли, предназначавшейся для него, Николай I приказал арестовать

Гавриила Батенькова. Он был взят в доме на Невском и доставлен к царю.

Началось следствие. Членом следственной комиссии был назначен Сперанский, недавний покровитель Батенькова. И все же Николай I не доверял, видимо, этому сановнику. Допрашивая Батенькова, царь старался выведать какие-либо компрометирующие данные о Сперанском. Но Батеньков ничего не сказал и вел себя на допросе дерзко, чем сильно озлобил императора.

В обвинительном заключении в отношении Батенькова была отмечена его умеренность на совещаниях декабристов. Но было записано и другое: «... питал честолюбивые виды быть членом Временного Правительства и надеялся в виде регентства управлять государством...» Приговор был суров — двадцать лет каторги.

И вот тут-то, собственно, началась страшная драма декабриста Батенькова. За исключением пяти повешенных, ни один из участников восстания на Сенатской площади не претерпел столько мучений, сколько их выпало на долю Гавриила Батенькова. После вынесения приговора его не отправили вместе с другими декабристами в Сибирь. Увезли его, закованного в кандалы, в совершенно противоположную сторону — на Аландские острова, в Свартгольмскую крепость. Заключение в одиночный каземат, Батеньков был полностью лишен общения с людьми. Необыкновенно мучителен был для свободлюбца первый год заточения. Хотя он и не был поэтом, но в свартгольмском каменном мешке запечатлел свои переживания в дошедшем до нас стихотворении «Одичалый». Он называл себя «живым в гробу»:

**... При каждом входе часовые,
Кругом крутят,**

**Кругом шумят
Морские волны лишь седые.
Куда пойти?
Кому прийти
Сюда, без ведома смотрящих?
И как найти
К родным пути,
Где даже нет и проходящих?**

Прошел год. Загребели засовы, раскрылась дверь. Батенькова выводят. Комендант объявляет, что его увезут из крепости. В душе радуется Гавриил Степанович. «Вероятно, наконец, на каторжные работы», — думал он. И сибирские рудники после пережитого в крепостной одиночке казались ему раем. Как ни тяжело, но рядом будут люди...

Но далее столицы не повезли Батенькова. Как и год назад, он снова очутился в Петропавловской крепости. И в самом страшном ее месте — Алексеевском равелине. В течение нескольких лет он ни разу не был выведен из каземата. После пяти лет он получил разрешение гулять по коридору, но строжайше воспрещено было говорить с кем-либо. Так он в конце концов разучился разговаривать, потерял чувство времени и постепенно впал в безумие.

Девятнадцать лет был Батеньков злосчастным пленником самой страшной тюрьмы в России. И лишь двадцать лет спустя после приговора вдруг последовал приказ царя о высылке его, полуослепшего, едва умевшего передвигаться, в Томск.

Почему же так жестоко поступил с ним Николай I? Быть может, это была царская месть за дерзкое поведение на допросе, за то, что претендовал на роль регента. Сам Николай с иезуитским лицемерием объяснил заключение Батенькова в Алексеевском равелине его безумием.

Существует, однако, и другая версия, объяснявшая

заточение Батенькова в русской Бастилии. Предполагается, что причиной этого было коварство его бывшего патрона, Михаила Сперанского, боявшегося разоблачений декабриста и принявшего особые меры, чтобы лишить Батенькова возможности сделать их...

Существует, однако, и другая версия, объяснявшая заточение Батенькова в русской Бастилии. Предполагается, что причиной этого было коварство его бывшего патрона, Михаила Сперанского, боявшегося разоблачений декабриста и принявшего особые меры, чтобы лишить Батенькова возможности сделать их...

Дом на Невском связан также с именем выдающегося русского поэта Федора Ивановича Тютчева, который поселился здесь, когда Пушкина уже не было в живых. Многие годы провел Тютчев на дипломатической службе за границей. Живя в Мюнхене, он близко подружился с великим немецким поэтом Генрихом Гейне, стихотворения которого талантливо переводил на русский язык.

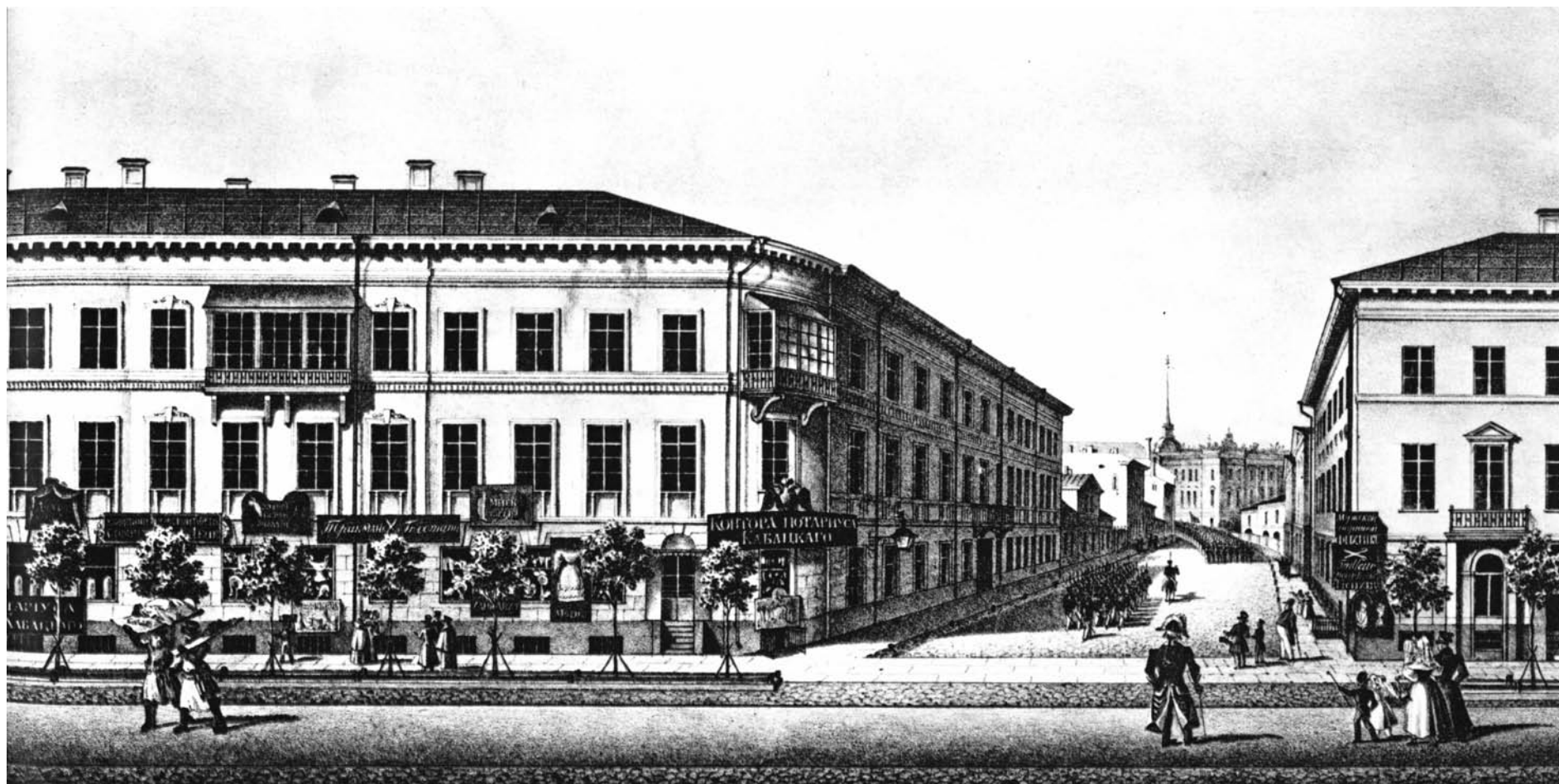
Лично Пушкин и Тютчев не знали друг друга. Но поэзия Тютчева была знакома Пушкину, и не только знакома. От Федора Ивановича прибыл из-за рубежа пакет, в котором находился его поэтический цикл, озаглавленный при опубликовании «Стихотворения, присланные из Германии». Пушкин прочитал их и, по свидетельству Плетнева, оценил с «изумлением и восторгом». Более того — напечатал их в нескольких номерах «Современника» за 1836 год.

Страшная весть о гибели Пушкина потрясла Тютчева. Муза его сразу же откликнулась на всенародное горе. Подлинно вещими оказались изумительные, ставшие крылатыми строки Тютчева, обращенные к погибшему поэту:

**Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет.**

10.

«ЗАБВЕНЬЮ БРОШЕННЫЙ»

В уличной толпе, заполнившей Невский проспект, Василий Садовников изобразил и действительно существовавших завсегдатаев «главной коммуникации» столицы. Один из них воспроизведен на публикуемом сегодня фрагменте Панорамы. Он переходит дорогу, против Большой Садовой. Художник нарисовал его здесь не случайно. В глубине этой улицы виден Инженерный замок, к которому тот человек имел самое прямое отношение. Это Иван Семенович Брызгалов, бывший каштелян (комендант) замка.

На Панораме отображена жизнь Невского в 30-х годах минувшего века. Уже давно отжили моды и военная форма павловских времен. Лишь один Брызгалов (было ему тогда уже под восемьдесят) неизменно появлялся в треуголке и военном обмундировании павловского образца. И это не чудачество оригинала. Брызгалов был доверенным лицом Павла I, его преданнейшим служакой. И носил он старую форму демонстративно.

Михайловский замок (позднее получил название Инженерного) является памятником архитектуры мирового значения и находится под охраной государства. Пожалуй, ни один царский дворец не возводился с такой быстротой. Едва сев на престол, который 34 года занимала ненавидимая им мать, Павел I сразу же задумал выстроить для себя замок. Проектирование его осуществил знаменитый русский зодчий Василий Баженов, строительством же, из-за смерти Баженова, руководил архитектор Винченцо Бренна, внесший некоторые изменения в замысел основного автора.

Место для сооружения замка было указано царем. Его построили взамен находившегося здесь деревянного Большого летнего дворца, где родился Павел. «Хочу умереть на том месте, где родился», — произнес Павел фразу,

ставшую пророческой.

В феврале 1797 года после пушечной пальбы с Петропавловской крепости была произведена торжественная закладка замка, в которой участвовал и новый российский император. Началось строительство, и можно было подумать, что сооружают крепость, а не царский дворец. Павлу очень хотелось, чтобы его хоромы, были весьма похожими на средневековую рыцарскую цитадель. И волю царя воплощали в действительность. Дворец сооружали на искусственно созданном острове, окруженном Фонтанкой и Мойкой, а также специально вырытыми глубокими рвами, заполненными водой.

Как уже было сказано, строили Михайловский замок невиданными для той поры темпами. По приказанию Павла работы производились круглосуточно. Ночью трудились при свете факелов и фонарей. Ежедневно в строительстве участвовало от двух с половиной до шести тысяч крепостных рабочих, не считая мастеров и надзирателей.

Подрядчики не справлялись со своевременной поставкой материалов. Чтобы не задерживать строительство, по высочайшему повелению разбирали каменные галереи дворца в Пелле. Но того камня было недостаточно. В это время подводился начатый еще при Екатерине Исаакиевский собор, предшественник нынешнего. Последовал царский приказ брать для замка мрамор и другие каменные заготовки со стройки собора. В связи с этим широко была в ходу эпиграмма об Исаакиевском:

**Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.**

Автором ее, как донесли Павлу, оказался некий А. Копьев. Царь тут же отправил остряка рядовым солдатом в один из полков.

Минуло три года, и сооружение замка было завершено. Да, это была настоящая крепость, в которой хотел обезопасить себя страдавший манией преследования, жестокий, душевнобольной повелитель империи. Каменная стена высотой в сажень, брустверы, чугунные решетки, рвы, заполненные водой, с перекинутыми над ними подъемными мостами... Вокруг замка на специальных платформах были установлены пушки с боезапасом. И все это чуть ли не в центре Санкт-Петербурга, рядом с Царицыным лугом и Летним садом.

Не успели еще просохнуть стены замка, как Павел со всей семьей переехал в новое жилище. Над полукруглым выступом, выходящим на Фонтанку, взвился императорский штандарт.

Тогда и вступил в свою должность каштелян Брызгалов. Дважды в день под его наблюдением опускались подъемные мосты для пропуска «службы сношении с городом».

Но никакие укрепления, никакие рвы не спасли Павла от смерти. Всего лишь сорок дней прожил он в Михайловском замке. 11 марта 1801 года в его спальню проникли заговорщики, руководимые санкт-петербургским военным губернатором графом Паленом, и задушили царя.

Дворец опустел.

И пошли гулять легенды о заброшенном замке. Сколько их было — не перечесть. Одну из них запечатлел писатель Н. С. Лесков в своем рассказе «Приведение в Инженерном замке». Рассказывали, что сразу после переезда Павла I в свой замок там по ночам раздавался якобы голос самого царя Петра, предупреждавшего правнука, что дни его

сочтены и конец его близок. Будто Петр и самолично явился перед Павлом.

Ходила в народе и другая легенда: когда замок был отстроен, на фриз его была выведена как бы «охранительная» надпись, гласившая: «Дому твоему подобает святыня господня въ долготу дней». Досужие люди подсчитали количество букв в «охранной» надписи, их оказалось сорок семь. И сразу же пошли толк: надпись, мол, пророческая — Павел прожил сорок семь лет!

Существует предание и о цвете стен Михайловского замка. Строительство близилось к завершению. Какого же цвета краской покрыть стены царского дворца? Без согласования с императором никто не брался решить этот вопрос. И тогда архитектор направился к Павлу. Тот открыл ящик своего стола и достал оттуда женскую перчатку:

— В точности так покрасить. Продолговатая дамская перчатка была красноватого цвета. И обронила ее на балу царская фаворитка Гагарина...

Михайловский замок до некоторой степени явился причиной создания одного из самых революционных поэтических произведений Пушкина — знаменитой оды «Вольность». Вот эта история.

И по сей день на набережной Фонтанки высится старинный дом, значащийся под № 20. В первой четверти прошлого века здесь находилась квартира братьев Александра и Николая Тургеневых. Со старшим братом Пушкин смолodu был очень дружен, несмотря на 15-летнюю разницу в годах.

Именно Александр Иванович Тургенев содействовал поступлению двенадцатилетнего Пушкина в открывавшийся Царскосельский лицей. Он же познакомил юного лицеиста с Карамзиным и Жуковским. На долю Тургенева выпала

Фонтанка, 20

и печальная обязанность — сопровождать гроб с телом убитого поэта из Петербурга в Михайловское, похоронить Пушкина в Святогорском монастыре.

Младший Тургенев, Николай Иванович, будущий видный декабрист, также был близок к Пушкину. Ярый противник крепостничества, весьма революционно настроенный, он, несомненно, во многом влиял на юного поэта и содействовал развитию его смелых свободлюбивых настроений.

По окончании Лицея Пушкин часто бывал на квартире Тургеневых. Общество, которое он находил здесь, было интересным и приятным. Здесь ему доводилось встречаться со многими видными литераторами — Карамзиным, Жуковским, Батюшковым, Вяземским.

Из окон квартиры Тургеневых хорошо был виден и Михайловский замок, который оставался все еще в том же виде, в каком был оставлен после убийства Павла I. Все еще существовали рвы и подъемные мосты, кое-где стояли и старые пушки. Не развевался только на флагштоке императорский штандарт, да с наступлением темноты не видно было света в дворцовых окнах...

Однажды, как свидетельствуют современники, Пушкин пришел в гости к братьям Тургеневым. Случилось так, что он оказался у окна, выходящего на Фонтанку. Перед ним предстал брошенный дворец. Кто-то из стоявших рядом предложил поэту написать стихи о замке. Пушкин схватил перо, бумагу, с необыкновенной легкостью вскочил на большой стол и лег на нем. Его перо быстро бежало по бумаге, росла колонка строк...

Жар поэтического вдохновения был столь велик, что Пушкин единым духом написал тогда у Тургеневых первую часть знаменитой оды «Вольность». Это были стихи страстного свободлюбца. Он взывает к гордой певиче Свободы:

**Приди, сорви с меня венок,
Развей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.**

Пушкин жил в то время также на Фонтанке, но далеко от братьев Тургеневых — вблизи Калинкина моста.

Возвратившись домой, поэт все еще оставался во власти вдохновения. Всю ночь он продолжал сочинять оду. И строки, клеймящие царя, ложились на белый лист одна за другой:

**... Читают на твое — челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.**

И снова всплывают в его воображении контуры зловещего замка. Бежит, бежит перо в руке поэта:

**Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец...**

К утру «Вольность» была полностью закончена. Так и не отдохнув, возбужденный юноша помчался снова к братьям Тургеневым, чтобы прочитать им оду полностью.

«Вольность» — смелая и обличительная первая революционная декларация Пушкина. Это его произведение, пожалуй, самой большой политической силы.

Создавая за пять с небольшим месяцев до гибели свое знаменитое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», Пушкин недаром вспомнил о творце другой «Вольности» и написал четвертую строфу, которая первоначально читалась так:

**И долго буду тем любезен
 я народу,
Что звуки новые для песен**

**я обрел,
Что вслед Радищеву
 восславил я свободу
И милосердие воспел.**

До 1823 гола так и продолжал пустовать «забвенью брошенный дворец». Их величества и их высочества, с 1801 года ни разу не переступали его порога. Почти четверть века продолжалось так. Наконец, повелением Александра I Михайловский замок был передан под Главное инженерное училище.

Само здание оставалось в таком виде, в каком было построено. Но все, что было сооружено как защитные средства, было уничтожено. Засыпали рвы, разобрали подъемные мосты, площадь, на которой высился Инженерный замок, слилась с городом. Остался на месте конный монумент Петру, изваянный Растрелли-старшем, — бронзовый памятник, не понравившийся Екатерине и долго пролежавший в одном из амбаров, пока по приказанию Павла не был извлечен оттуда и водружен на постамент.

В том же 1823 году, после того как была преобразена площадь вокруг Инженерного замка, проложили новую улицу, вышедшую и на Невский проспект. Изображенная на Панораме Садовникова, она называлась Большой Садовой. В тридцатых годах, стоя на Невском, можно было видеть в глубине этой улицы четко прочерчивавшиеся контуры бывшего павловского дворца с его золоченным шпилем. Но постепенно выросли новые высокие дома, закрывшие вид на Инженерный замок.

11.

И ПОНЫНЕ ТУТ АПТЕКА

И поныне на углу Невского и Фонтанки, близ Аничкова моста, как и во времена Пушкина, находится аптека — одна из самых старых в городе. Но прежде чем войти сюда, остановимся у соседнего дома — № 64. В течение пяти лет здесь находилась квартира человека, сыгравшего большую роль в жизни Пушкина.

Дом этот некогда принадлежал петербургскому городскому голове Меншикову. Произведенные перестройки несколько видоизменили его. Некогда трехэтажный, он ныне предстает перед нами пятиэтажным. В 1822 году арендовал квартиру в доме Меншикова один из выдающихся русских поэтов Василий Андреевич Жуковский. Поселился он на Невском вместе с семьей своей племянницы А. А. Воейковой, в которой души не чаял. В литературных кругах она была широко известна под именем Светланы, которой Жуковский посвятил свою знаменитую балладу. Пушкина в то время не было в столице. Сосланный за дерзкие, «возмутительные» стихи, поэт скитался по югу России.

С юных лет и до конца своей жизни Пушкин был близко связан с Жуковским, который с первого же знакомства с шестнадцатилетним лицеистом сумел распознать в нем вырастающего литературного гения. Жуковский писал Петру Вяземскому:

«... Милое живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал мою руку к сердцу. Это надежда нашей словесности... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет».

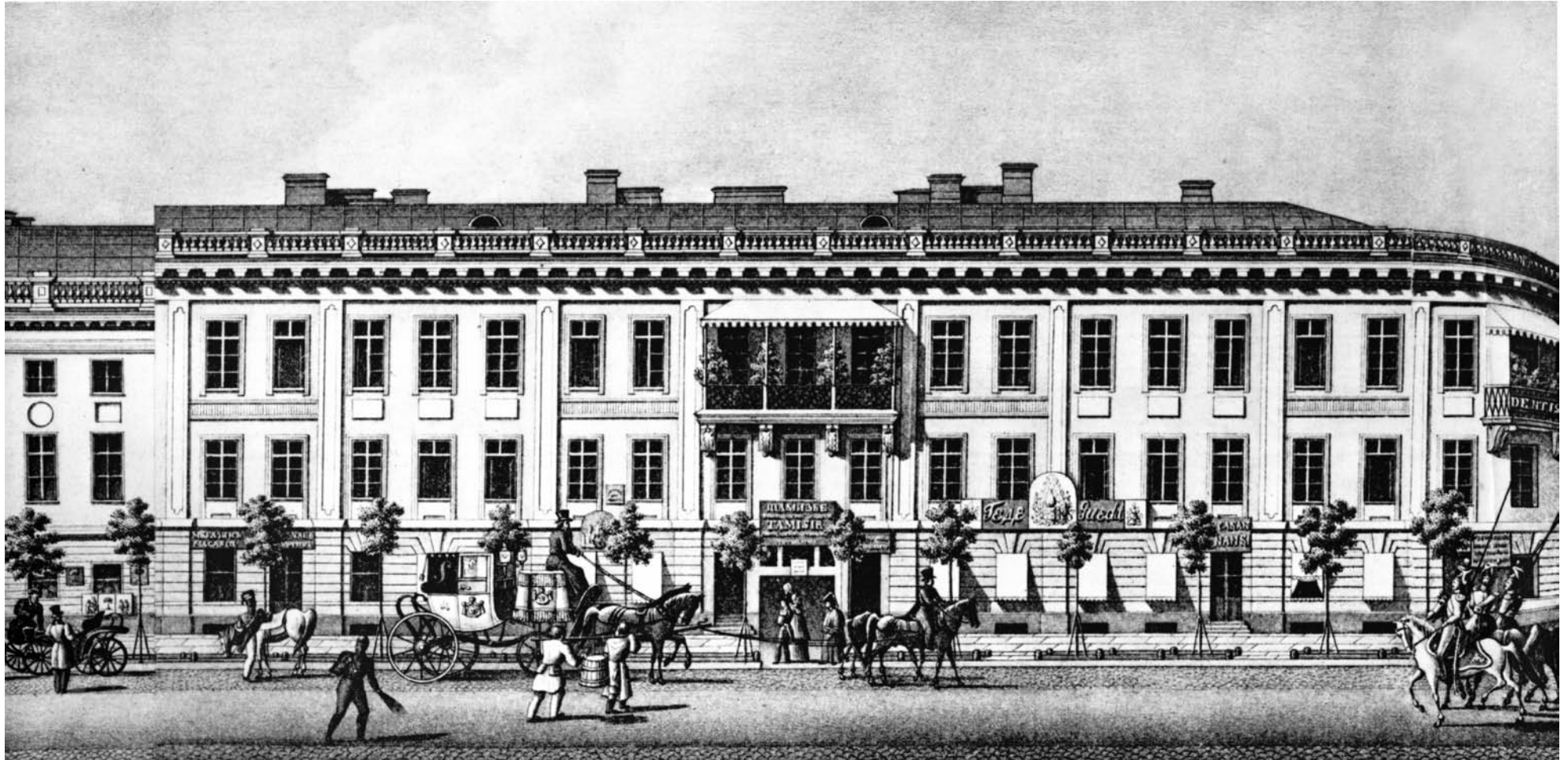
Незабываемым и для поэта-лицеиста был день знакомства с Жуковским, которого уже хорошо знала читающая Россия:

**Могу ль забыть я час,
когда перед тобой
Безмолвный я стоял,
и молнийной струей
Душа к возвышенной душе
твоя летела
И, тайно съединясь,
в восторге пламенела...**

— так вспоминал впоследствии Пушкин волнующую встречу с Жуковским.

С той далекой поры — осени 1815 года — началась дружба этих двух корифеев русской поэзии. Жуковский целиком доверялся необыкновенному поэтическому чутью Пушкина. Еще до ссылки на юг часто встречались они и читали друг другу свои новые стихи. Жуковский делал это особенно охотно. Не по высказываниям юного Пушкина, а по его поведению Василии Андреевич определял, хороши или плохи сочиненные им, Жуковским, стихи. Пушкин обладал феноменальной памятью, и если он не сразу запоминал прочитанные стихи, то Василий Андреевич считал их неудачными. Тем самым юный стихотворец невольно, ничего не подозревая, выносил приговор сочинениям своего старшего друга, маститого поэта. Жуковский уничтожал или же переделывал стихи, которые с первого раза не запоминал Пушкин.

На глазах Жуковского все более расправлял свои крылья поэтический гений Пушкина. Не прошло и пяти лет после письма Жуковского Вяземскому, и Василий Андреевич открыто провозгласил победу Пушкина над ним. Это произошло дней за сорок до ссылки поэта на юг. В конце марта 1820 года Пушкин прочитал Жуковскому только что законченную поэму «Руслан и Людмила». Жуковский был

очень взволнован. И поздравляя молодого стихотворца, подарил ему портрет, на котором сделал знаменательную надпись: *«Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26, Великая пятница»*. Пушкин очень дорожил этим даром Жуковского, которого считал одним из величайших русских

поэтов.

Как известно, Жуковский был сыном русского помещика и турчанки. Быть может, поэтому свойственны были ему некоторые восточные привычки. У окна его квартиры, выходившего на Невский напротив Аничкова дворца, стоял диван, на котором любил сидеть поэт, поджав по-восточному ноги. Покуривая табак из длинного янтарного

чубука, он смотрел на проспект... Тут же, у окна, находился его рабочий стол, с которым поэт не расставался в течение долгих лет — перевозил его с квартиры на квартиру, называя его «милым старым другом». Тут рождались его стихи, его романтические баллады.

В такой же «восточной позиции» принимал Жуковский своих многочисленных друзей — писателей, поэтов, художников. Считали его очень добрым и отзывчивым человеком. Но эта доброта была своеобразной.

Всю жизнь Жуковский заботился о Пушкине, не раз хлопотал перед царем о смягчении участи поэта. Но наряду с этим он пытался охладить революционные порывы и настроения Пушкина, наладить «нормальные» отношения с царем, с правительством. Известно, сколь популярны были вольнолюбивые стихи Пушкина у декабристов, и не только у них. При обысках у арестованных членов Тайного общества было обнаружено много рукописей с «возмутительными» стихами сочинителя Пушкина. На допросе декабрист М. П. Бестужев-Рюмин показал, что «рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло...».

До Жуковского доходили сведения о допросах декабристов, и он писал Пушкину: *«Ты ни в чем не замешан, это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством»*.

В тяжелые для Пушкина дни Жуковский почти всегда приходил на помощь поэту. В последние часы жизни умиравшего поэта Жуковский был возле него. Было у Пушкина одно заветное кольцо, которым он чрезвычайно дорожил. Когда-то принадлежало оно Н. К. Воронцовой. Пушкин, находясь в ссылке на юге, был дружен с ней. В память этой дружбы Воронцова подарила поэту кольцо,

которое считала талисманом. Неизвестно, верил ли Пушкин в «чудесное» действие талисмана, но очень берег его. Умирая, он подарил кольцо Жуковскому.

... На Панораме Садовникова аптека изображена на том же углу, где она помещается и в наше время. Но в пушкинскую пору она находилась во втором этаже, и вход в аптеку был не с угла, как теперь, а через небольшую дверь со стороны Невского проспекта.

Самая первая аптека в нашем городе появилась на втором году после основания Санкт-Петербурга, и адрес ее был в крепости, «в каменных казармах близ болверка Меншикова». Позднее перевели ее в здание Медицинской канцелярии на Миллионную (ныне улица Халтурина). Находившийся рядом переулок получил и поныне носит название Аптекарского.

По окончании строительства казарм лейб-гвардии Павловского полка (ныне здание Ленэнерго) дом на углу Миллионной и Аптекарского переулка был передан в ведение военного ведомства. А аптеку перевели на угол Невского и Фонтанки, близ Аничкова моста.

С давних пор аптекарям предъявлялись высокие, обязательные для исполнения требования. Еще в конце восемнадцатого столетия закон подробно отвечал на вопрос, каким должен был быть аптекарь.

«Аптекарь, яко добрый гражданин, верно хранящий присяжную должность, повинен быть искусен, честен, совестен, благоразумен, трезв, примерен, во всякое время присутствен и исполняющий звание свое всеобщему благу соответственно».

Писатель Н. С. Лесков в своем знаменитом «Сказе о тульском Косом Левше и стальной блохе» увековечил аптеку у Аничкова моста и одного из ее аптекарей, вызванного для выяснения некой таинственной находки. В царской шкатулке

обнаружили еле видную стальную блоху и никак не могли толком разобраться, что же это, собственно, такое.

«Придворные хотели выбросить, но государь говорит: — Нет, — это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую холод, как от крепкого металла». А потом зубом ее слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская».

Да, это была та самая знаменитая блоха, которой хотели удивить англичане. Но тульские мастера эту блоху подковали, чем еще больше удивили англичан.

В пору, когда Василий Садовников создавал свою Панораму, в аптеках наводился порядок. Уже во второй половине восемнадцатого столетия Медицинская коллегия предпринимала меры к «изгнанию ненужных лекарств». Набор «медикаментов» был огромным, но что это были за «лекарства»? В ходу некогда были зубы шуки, вепря и волка. По разным поводам применялись всевозможные жиры: сало псовое, диких котов, волчье, лисье, свиное, медвежье, змеиное. Особенно высоко ценился, «всеизлечивающий» рог мифического единорога. Столь же дорого стоил «зуб нарвала». Сильнодействующим средством считались опилки слоновой кости. Верили в целебные свойства драгоценных камней.

В начале девятнадцатого столетия многие из перечисленных «лекарств» уже не продавались в аптеках. Медицина ширила свои познания и боролась с невежеством.

Если бы мы имели возможность подняться во второй этаж аптеки у Аничкова моста, то увидели бы, что покупатели

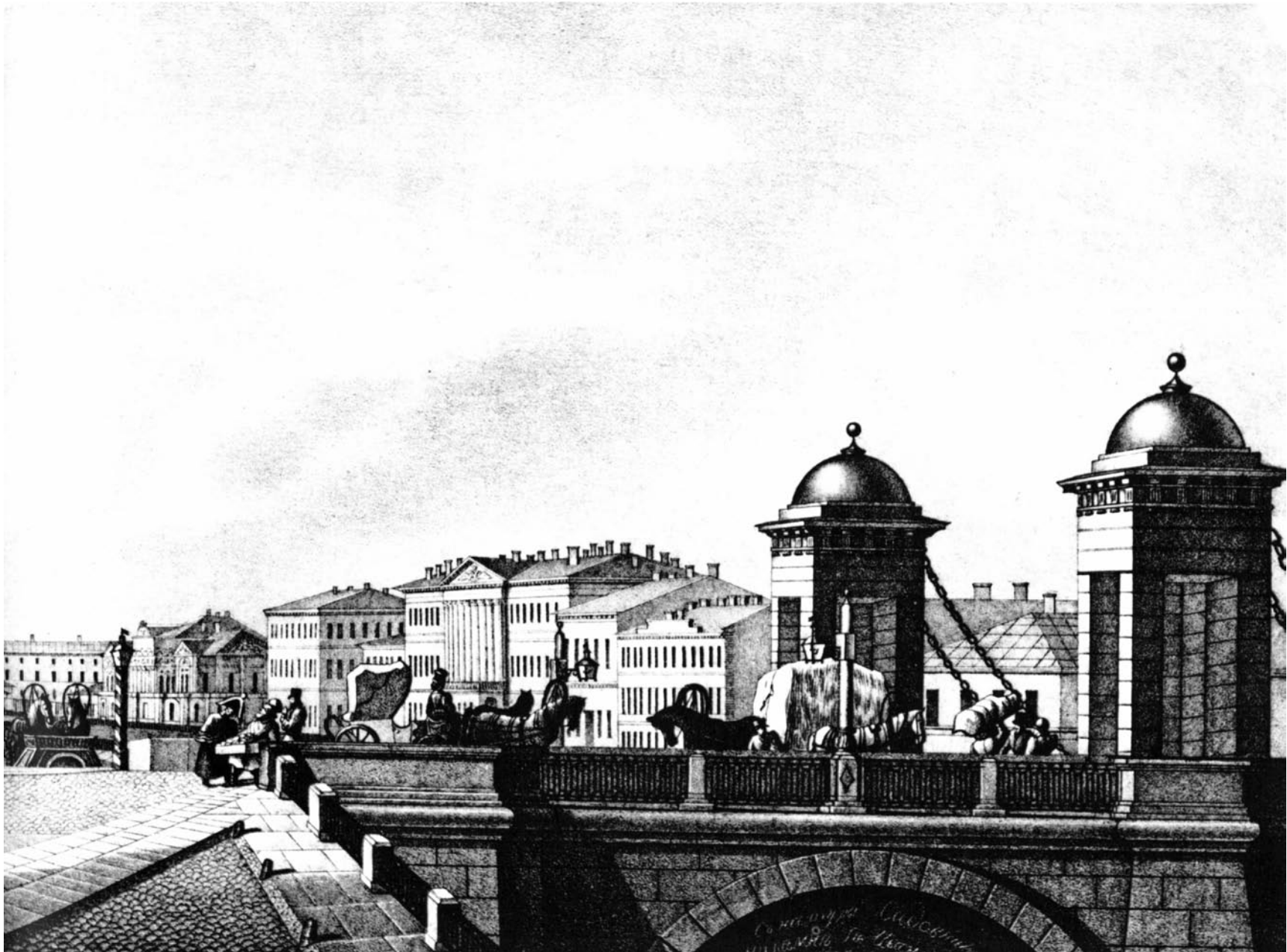
более всего спрашивали йод. В первой трети минувшего века йод приобрел огромную популярность как лекарственное средство. Конечно, и тут не обошлось без «чудес». Многие, купив пузырек с кристалликами йода, укладывали его в специальный мешочек и в качестве талисмана носили на груди. Время от времени в газетах можно было прочесть своеобразную рекламу разных микстур, мазей, капель и прочих лекарств. Расписывали их по примеру средневековых «пилюль де Вилья Нова», которые одновременно «улучшали» пищеварение, «задерживали» посещение, «усмиряли» кашель, приносили «веселье», «предохраняли» от порчи зубы, «укрепляли» сон и, самое главное, «усиливали» разум... Широкое раздолье в те времена было для знахарей и шарлатанов. Однако уже тогда аптеки находились под государственным надзором, осуществлявшимся специальными медицинскими учреждениями.

Попрощаемся с аптекой у Аничкова моста и возвратимся на «главную коммуникацию» столицы.

Во времена Садовникова мостовая на Невском начала менять свой покров. Еще в 1825 году столичный комитет городских строений обсуждал предложение В. П. Гурьева о сооружении торцовой мостовой. Торцы представляли собой шестиугольные деревянные шашки. Соединенные друг с другом, они образовывали довольно прочный покров, к тому же и внешне очень красивый.

В тридцатых годах новое покрытие украсило центральный проспект. Езда по торцам Невского стала бесшумной и приятной. С особым восторгом отзывались о новшестве наезжавшие на берега Невы иностранцы, говорившие, что таких мостовых Европа еще не знает. И в скором времени с легкой руки Санкт-Петербурга торцовые мостовые появились в целом ряде больших городов Европы и Соединенных Штатов Америки.

12.
АНИЧКОВ МОСТ

Итак, завершается наше путешествие с Василием Садовниковым по четной стороне Невского проспекта. Нам предстоит теперь взойти на Аничков мост, пересечь «главную коммуникацию» и отправиться по ее нечетной стороне до самого Адмиралтейства.

Взглянув на воспроизводимый фрагмент Панорамы, иной читатель усомнится: Аничков ли это мост? Быть может, видописец запечатлел Чернышев (ныне Ломоносова) или же Калинин (ныне Старо-Калинкин) мосты? Ведь именно на них высятся такие романтические башенки с тяжелыми, на старинный манер провисающими цепями... Нет, Садовников изобразил именно Аничков мост середины тридцатых годов прошлого века.

Как уже было сказано. Невскую перспективу пересекали три водные артерии: реки Мья (Мойка), Кривуши (ныне канал Грибоедова) и Безымянный ерик (Фонтанка). Через них и были переброшены деревянные мосты.

Первый мост через Фонтанку появился в 1715 году. Рядом с ним находилась слободка полковника М. О. Аничкова, чьи люди и построили деревянную переправу. Отсюда — и название. Как ни странно, но первый мост был длиннее последующих. Объясняется это тем, что в те давние времена Фонтанка с ее пологими, заболоченными берегами была шире нынешней.

Около Аничкова моста находилась городская застава. По проекту зодчего М. Земцова здесь было построено здание кордегардии. Средняя часть переправы являлась подъемной, благодаря чему в любой час въезд в город мог быть пресечен. В 1730-х годах перед Аничковым возвели триумфальные ворота.

Мост был хотя и относительно длинным, но узким. Время от времени его укрепляли. И он как мог нес свою службу.

Но вот до Санкт-Петербурга дошла весть, что в русскую столицу персидский шах отправил большое посольство с дарами. Посольство было пышным, везло несколько возов с большими персидскими коврами, восточные ткани всех цветов радуги, золотые и серебряные изделия восточных ювелиров... Но среди шахских подарков был еще один, сразу же заставивший подумать о надежности моста. Персы вели с собой четырнадцать слонов. Под тяжестью этих шагающих гигантов переправа могла обрушиться.

В срочном порядке принялись за капитальный ремонт и укрепление Аничкова моста. В 1741 году посланцы шаха благополучно перешли через Фонтанку.

Деревянным оставался мост вплоть до 1780-х годов, когда развернулись работы по каменной облицовке Фонтанки. Ее берега превратились в огромнейшую строительную площадку. Ведь предстояло построить из камня тринадцать километров набережных по обеим сторонам реки.

Более четырех тысяч крепостных было согнано в столицу из разных российских губерний. Положение их было ужасающим. Работали эти бесправные люди по шестнадцать часов в сутки. Очень тяжел был труд — обколка и обтесывание гранитных глыб. Работая, стояли по грудь в воде... В лохмотьях, в насквозь промокших лаптях, в любую погоду — и в дождь, и в мороз... Жили впроголодь, не получая даже мизерного минимума, положенного законом.

Всю эту темную людскую массу подрядчики эксплуатировали самым беспощадным образом. Однажды строители выбрали четыреста челобитчиков, которые должны были пойти к Екатерине II с жалобой на притеснения и обворовывание со стороны подрядчика Долгова. 7 августа 1787 года они появились на площади перед Зимним дворцом. Царица, и без того перепуганная недавним пугачевским восстанием, обещала разобрать жалобу. Передали ее

приказ: толпе разойтись. Но люди требовали появления самой императрицы, отказываясь вести переговоры с ее представителями. Дело принимал нешуточный оборот. И тогда появилась полиция. Были схвачены 17 зачинщиков, которых отправили в суд с обвинением «в учинении скопа и заговора». Остальных «бунтовщиков» разогнали. В назидание другим арестованные вместо разбора жалобы получили в ответ плети.

С появлением нарядной набережной, конечно, не могли остаться на Фонтанке жалкие деревянные мосты. И несколько лет спустя после начала облицовки берегов приступили к сооружению семи мостов по единому, «образцовому» проекту. Так возникли каменные мосты, похожие друг на друга как близнецы, — Симеоновский, Аничков, Чернышев, далее Семеновский, Обуховский, Измайловский и Калинкин. Все семеро своим видом, красивыми пролетами, каменными башнями-беседками украсили город. В таком виде эти памятники крепостного труда оставались до сороковых годов минувшего столетия.

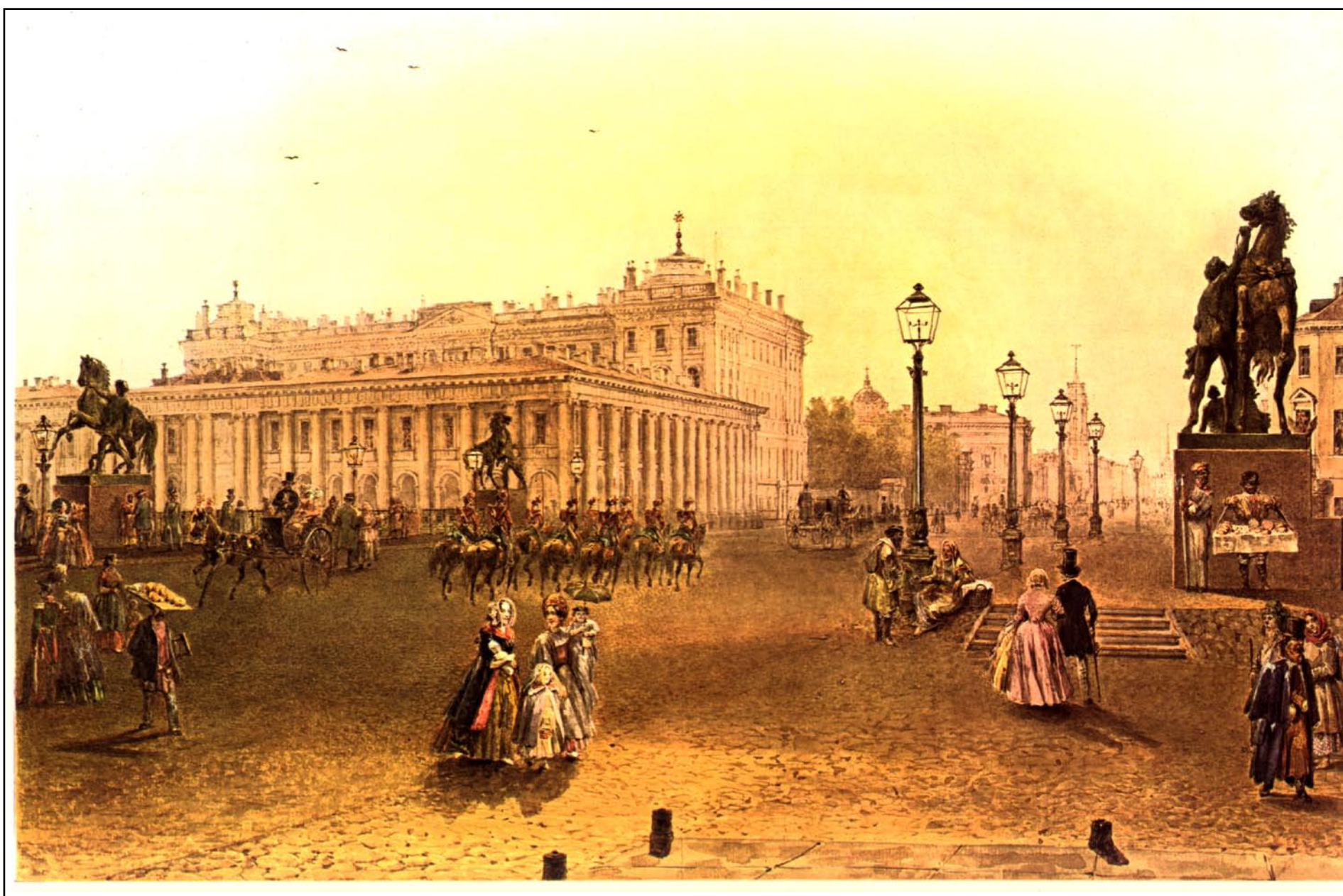
А столица за этот период разрослась очень сильно. С каждым годом увеличивалось движение по главной городской магистрали. Аничков мост превратился в прямом смысле в «узкое место». Он стеснял движение экипажей и другого транспорта. Встала проблема перестройки Аничкова моста. Началась реконструкция, после которой исчезли столь примелькавшиеся петербуржцам привычные четыре башенки. Постепенно их лишались и другие подвергшиеся расширению. Остались почти неизменными лишь Чернышев и Калинкин мосты. Садовников запечатлел Аничков мост еще до его перестройки. Знаменитые клодтовские кони появятся на нем лишь через шесть лет. Между тем одна из конных групп уже существовала в виде модели еще при жизни Пушкина.

Неизвестно, был ли лично знаком поэт со скульптором Петром Клодтом. Но уже при жизни Пушкина Клодт прославился как ваятель-анималист, особенно искусный в изображении страстно любимых им лошадей. Вершину торжественно открытых тогда Нарвских триумфальных ворот венчала шестерка вздыбленных коней, изваянных Петром Клодтом.

За первой моделью вздыбившегося коня, умиряемого силой и волей водничего, Клодт вылепил еще одну. На осенней выставке 1833 года в Академии художеств он представил на суд зрителей свои прекрасные гипсовые изваяния, которые с восторгом были встречены петербуржцами.

Но еще раньше от лиц, ведавших строительством в столице, Клодт получил заказ на изготовление в бронзе своих конных групп для установки на новой пристани, сооруженной между Адмиралтейством и Зимним дворцом. Совет на выставке также высоко оценил творения Клодта. Совету и было поручено выяснить, «в какую величину должны быть отформованы и отлиты группы сии, для постановки оных на верхних площадках пристаней Адмиралтейского бульвара...»

Большинство своих произведений Клодт лепил с натуры. «Не имея никакого руководства, кроме натуры, он свято слушался этого одного профессора», — писали о скульпторе в прессе тех времен. По воспоминаниям сына Клодта, коней, украшающих ныне Аничков мост, ваятель лепил с двух живых моделей. В Павловске, где проводил лето Петр Клодт, была у него лошадь Серко — смирная, хорошо ходившая в упряжке. Серко и стал первой моделью для аничковых коней. Позднее из придворной конюшни был предоставлен Клодту чистокровный красавец «араб» — Амалатбек. Был он нрава крутого и непокорного. Клодт,

обладавший врожденным даром дрессировщика, сумел утихомирить его настолько, что, не боясь, сажал на него свою дочь.

По разным причинам выполнение заказа затянулось, и Дворцовую пристань украсили другими изваяниями. По предложению скульптора решено было установить группы коней на новом Аничковом мосту, по ширине своей сравнявшемся с Невским. Первая из них в размерах, определенных советом Академии художеств, была полностью закончена в 1838 году. Это произошло за несколько месяцев до трагической гибели Пушкина.

В сентябре 1836 года поэт с женой побывали на осенней выставке в Академии художеств. Здесь он увидел две скульптуры, и поныне красующиеся в городе, носящие имя поэта. Это были работы молодых питомцев академии Н. Пименова и А. Логановского. Одна из них изображала юношу, играющего в бабки, другая — юношу, играющего в свайку. Полный восторга, Пушкин тут же сочинил экспромт, написав его на листке из записной книжки. Листок с четверостишием, озаглавленный «На статую играющего в бабки», он тут же вручил взволнованному Пименову. Другое четверостишие было посвящено изваянию Логановского.

В январе 1837 года не стало поэта. В том же роковом году скончался знаменитый литейщик Василий Екимов. А ведь он должен был перевести в бронзу клодтовых коней. Это вызвало новую задержку в изготовлении статуй. Хорошо, что Петр Клодт был учеником Екимова и сам взялся отлить коней. И сегодня на постаментах бронзовых коней можно увидеть надпись, свидетельствующую, что и лепил, и отливал эти статуи скульптор Клодт.

Из нескольких сотен мостов нашего города тридцать один находится под охраной государства. Среди них и

Аничков — из всех красивых самый красивый.

Поднимемся же с вами на мост, изображенный Василием Садовниковым, и полюбуемся панорамой, открывавшейся перед петербуржцами пушкинского времени. Первым на набережной Фонтанки выделяется своим красивым фасадом с колоннами здание Екатерининского института, построенного по проекту зодчего Джакомо Кваренги. Это было женское учебное заведение, в котором воспитывались дочери офицеров и чиновников. В наше время здесь находится филиал Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здание перестраивалось и несколько изменило свой первоначальный вид. В левом флигеле был устроен большой двухсветный зал с прекрасными колоннадами коринфского ордера. Глядя на колонны, никто не подумал бы, что они деревянные. Но искусные мастера оштукатурили и покрасили деревянные столпы, придав им монументальный вид.

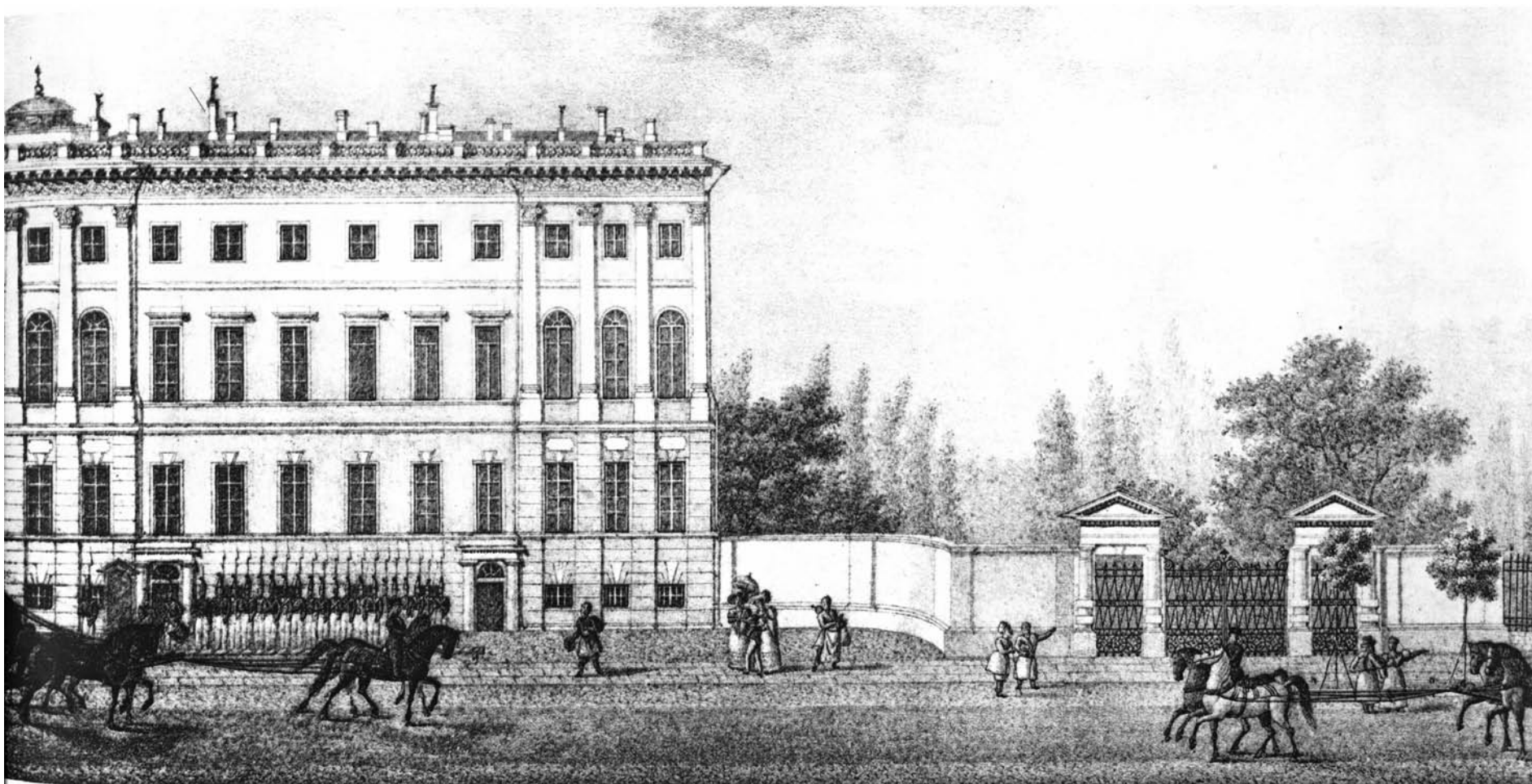
Рядом с Екатерининским институтом виден с Аничкова знаменитый дворец Шереметева, широко известный под названием Фонтанного дома. В его сооружении участвовали известные русские зодчие С. Чевакинский и Ф. Аргунов. Дальнейшие переделки производились также знаменитыми мастерами архитектуры — И. Старовым, Д. Кваренги, А. Воронихиным...

За три десятилетия до того времени, когда Садовников запечатлел Фонтанный дом, здесь умерла знаменитая крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова, Шереметевы владели крупнейшим крепостным театром, на подмостках которого играли талантливые актеры.

Однажды граф Николай Шереметев вытребовал из своих вотчин девочек-сирот, строго предупреждая при этом, чтобы они «были из себя получше и не гнусны видом и

13.

НЕНАВИСТЕН БЫЛ ПОЭТУ

Теперь перед нами разворачивается второй свиток Панорамы Садовникова, и мы продолжаем наше путешествие по нечетной стороне Невского проспекта — от Аничкова моста до Адмиралтейства. Первые на пути — «Кабинет» и Аничков дворец.

События давно минувших дней зачастую обрастают всевозможными преданиями и легендами. Существует такое предание и об Аничковом дворце. В один из дней ноября 1741 года дочь Петра, Елизавета, прибыла на Полковой двор преображенцев, находившийся у Аничкова моста. Это они помогли ей взойти на русский престол.

Новая императрица в ознаменование памятного события повелела возвести здесь дворец. Проектирование его было поручено славному русскому зодчему М. Земцову. Но едва началось строительство, Земцов умер. Руководство стройкой перешло к его помощнику Г. Дмитриеву, который частично видоизменил первоначальный проект.

Новый дворец главным своим фасадом выходил на Фонтанку. Его двор был превращен в заполненный водой бассейн, соединенный каналом с рекой. Гребцы в нарядных одеждах доставляли гостей прямо к дворцовой пристани. Новые чертоги заметно выделялись среди других строений столицы.

У дворца было много хозяев. Каждый, из них приглашал зодчего для архитектурных переделок. В этих перестройках в разное время участвовали виднейшие архитекторы — Старов, Росси, Руска и другие.

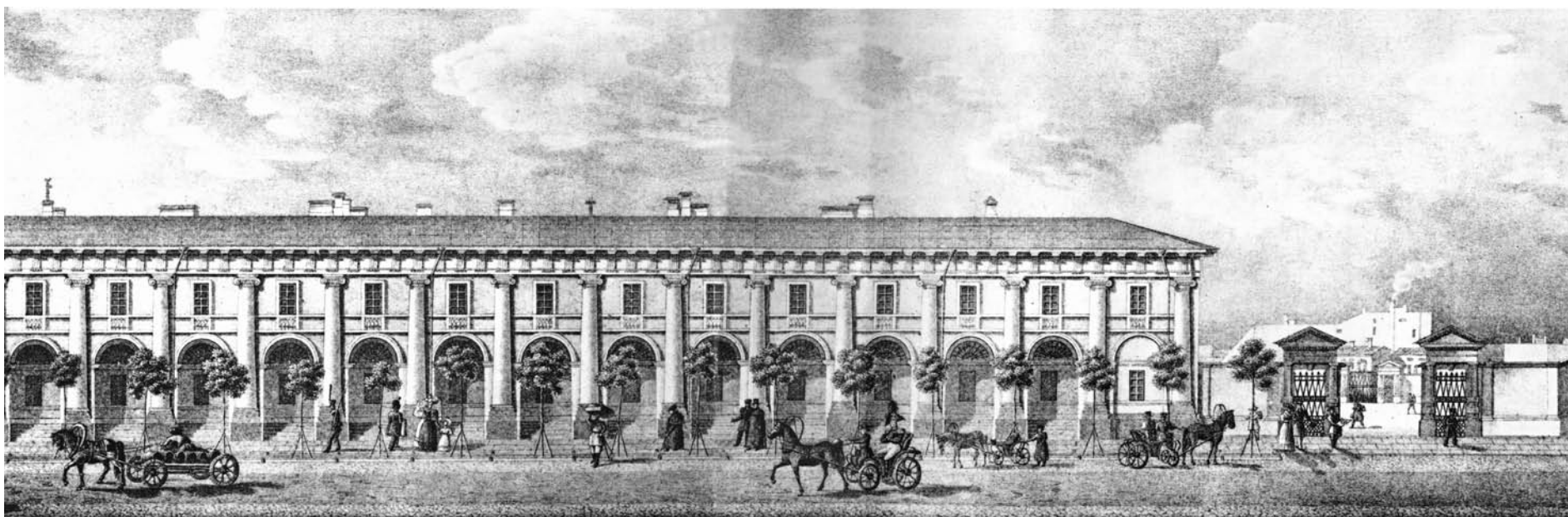
В начале XIX столетия архитектор Джакомо Кваренги построил здание «Кабинета», а также пышную колоннаду, оформлявшую проезд во дворец со стороны Фонтанки. При проектировании нижний этаж предназначался для «публичных лавок при кабинете его величества». В новом

здании вдоль Невского вытянулся за колоннами широкий коридор с открытыми арками, как это было устроено в Гостином дворе. Но именно близкое соседство Гостиного, к которому так привыкли петербуржцы, не дало развиваться торговле под сенью «Кабинета» его величества. Хотя в первое время и нашлись арендаторы лавок, но потом они вынуждены были прикрыть свои торговые заведения. Редкий покупатель шел сюда. Магазины пустовали. кончилось дело тем, что арки заложили, оставив одни окна. Помещения приспособили непосредственно под кабинет, ведавший личным имуществом царя.

В годы создания Панорамы Аничков дворец принадлежал Николаю I. Одно время он даже назывался николаевским. Император устраивал здесь пышные приемы и балы, на которых веселилась придворная знать.

Немало тяжелых переживаний Пушкина было связано с Аничковым дворцом. Ненавистны были поэту эти царские хоромы. Многим пожертвовал бы он, чтобы не бывать во дворце, но...

В самый канун наступавшего 1834 года Пушкин неожиданно получил новогоднее «поздравление» от самого его величества. «Поздравление» гласило: *«Служащего в министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера нашего двора...»* От этого «всемилолюбивейшего пожалования» поэта бросило в дрожь. Весь в гневе, он в первые минуты не знал, как поступить и даже порывался ехать во дворец — высказать царю свою обиду. Друзья Пушкина, зная, чем грозил такой чрезвычайно опасный поступок, призывали поэта сохранить хладнокровие, воздержаться от дерзких столкновений с самодержцем. Пушкин смирился, но только внешне. Первого января 1834

КАБИНЕТЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Le Cabinet de Sa Majesté L'Empereur

года в своем дневнике он сделал следующую запись:

«... Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове...»

Так что же, собственно, произошло? Хорошо известно, что Николай ненавидел Пушкина. И когда у декабристов и у офицеров, квартировавших не только в Петербурге, но и во многих других городах России, при обысках находили оду «Вольность» и другие свободолюбивые стихи и эпиграммы Пушкина, царь мог найти повод и способ расправиться с поэтом. Но слава поэта к этому времени была уже достаточно велика, открытая жестокая репрессия по отношению к Пушкину, несомненно, вызвала бы чувство протеста у передовой части

русского общества, и без того уже взволнованного лютой расправой Николая над декабристами.

Николай нашел выход. Выгоднее было не преследовать поэта, а каким-либо способом сделать его безопасным. И царь-актер, умевший напяливать на себя любую маску, под личиной доброты учинил самую жестокую опеку над жизнью и творчеством Пушкина. Без разрешения царя, ставшего его цензором, не могла быть напечатана ни единая строчка поэта. Это державное цензорство лишило Пушкина возможности увидеть при жизни напечатанными поэму «Медный всадник», «Песни о Стеньке Разине», задержало на целых пять лет выход в свет «Бориса Годунова»...

И вот теперь, возведя Пушкина в камер-юнкеры,

Николай наносил поэту чрезвычайно болезненный удар. Звание камер-юнкера давалось двадцатилетним юнцам из аристократических семей, лишь начинавшим придворную карьеру. Получив царские «поздравления», Пушкин мысленно представил себя, уже седеющего 34-летнего человека, в кургузой курточке камер-пажа, стоящего в толпе пресмыкающихся молодых придворных. Какое же это было тонко обдуманное издевательство со стороны царя!

Присвоение звания камер-юнкера означало, что отныне Пушкин уже стал неволен не только в своем творчестве, но и в своем времени. Отныне он обязан являться во дворец и в другие указанные места на все царские выходы, приемы, балы, религиозные церемонии, а их было превеликое множество. Жизнь придворного требовала больших средств, ведь двору (понимай — Николаю) угодно было, чтобы жена поэта танцевала в Аничковом дворце. Нужны будут богатые наряды, а средств не было. Пушкин, обремененный материальными заботами о родителях и брате, и без того был весь в долгах.

Царь убил двух зайцев: с одной стороны, он унизил Пушкина, привязав его ко двору, с другой — в качестве жены придворного нравившаяся Николаю Наталья Николаевна должна была теперь также появляться при дворе. Царь открыто ухаживал за этой красивой женщиной и за ужином садился рядом с ней.

Противен стал поэту дворец, где он вынужден был встречаться с презираемой им царской челядью. Советский художник Н. Ульянов написал картину, изображающую Пушкина с женой на придворном балу. Он стоит с Натальей Николаевной перед огромным зеркалом. В зеркале отражена нарядная дворцовая лестница и на ней — золото придворных мундиров, пышные платья придворных дам, взоры которых с усмешкой устремлены на поэта и его красавицу жену.

Н. П. Ульянов
Пушкин с женой перед зеркалом
на придворном балу

Пушкин повернул голову назад, и мы видим его правый глаз, его взгляд, полный ненависти и презрения к «сильным мира сего»...

Вынуждаемый своим званием, Пушкин с женой продолжали появляться в Аничковом. Тяжела была эта обязанность. Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлищева, отмечала, что брат ее в результате «развлечений» и царских «милостей», постоянного нервного напряжения и тяжелой бессонницы «так с виду осунулся... что казался десятью годами старше своих лет по наружности».

Но часто Пушкин нарушал придворный порядок и не являлся в Аничков дворец. И тут же следовали оскорбительные замечания поэту со стороны старшего обер-камергера графа Литта, которому он был подчинен по придворной службе, за нарушение правил. И все же поэт всяческими способами уклонялся от встреч с ненавистной ему средой.

В апреле 1834 года Пушкин писал жене, находившейся в Калужской губернии:

«... я репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видеть. Видел я трех царей: первый велел снять, с меня картуз и пожурил за меня мою няньку, второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут...»

Речь шла о царях Павле, Александре I и Николае I. В Москве малютке Пушкину, сопровождаемому няней, действительно повстречался Павел. Царь-самодур, недовольный тем, что его как положено не приветствовали, строго приказал няне снять картуз с мальчика...

Приведенное письмо Пушкина к жене было перехвачено

московским почт-директором Булгаковым и переслано в Петербург. Николай очень озлобился, намереваясь рассчитаться с поэтом. Лишь вмешательством и хлопотами Жуковского был улажен инцидент.

И все же по-настоящему смириться со своим положением камер-юнкера Пушкин не мог. Вот еще одна запись в дневнике:

«Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного».

Тяжелое материальное положение, унижительное положение при дворе выводили Пушкина из себя. Он задумал было просить царя об отставке, уехать из столицы и отдаться творчеству. Такая просьба также была расценена наверху как дерзость. Пушкин в это время, собирая материалы для истории Петра I, работал в архивах. Поэту пригрозили, что отставка лишит его возможности продолжать трудиться в архивах, и он вынужден был отказаться от своей просьбы к царю. А в душе он рвался из великосветского Петербурга, его осточертевших дворцов. Какой великой душевной болью пронизаны строки его стихотворения «Пора, мой друг, пора»:

**На свете счастья нет, но есть
покой и воля.
Давно завидная мечтается мне
доля —
Давно, усталый раб, замыслил
я побег
В обитель дальнюю трудов
и чистых нег...**

Не осуществилась эта заветная мечта поэта, но не

смирился он со своим положением царедворца. Близкие друзья разделяли чувства Пушкина. И когда в злочастный январский день 1837 года перестало биться сердце сраженного песнопевца, друзья положили его в гроб не в мундире придворного, как это строго предписывалось, а в гражданской одежде. Недоброжелатели Пушкина восприняли этот факт как выражение скрытого протеста со стороны его близких и почитателей. Тут уж бессилён был что-либо сделать обер-камергер.

... И по сей день высятся на углу набережной Фонтанки и Невского проспекта здания «Кабинета» и Аничкова дворца, числящиеся в титульном списке как памятники архитектуры мирового значения. Ныне бывший Аничков стал Ленинградским дворцом пионеров. И случилось чудо. В ранее ненавидимый им дворец снова пришёл Пушкин. Пришёл сказочный, радостный, необыкновенно родной и близкий миллионам, живой Пушкин. Привели великого поэта в один из залов Дворца пионеров знаменитые мастера Палеха. Это они семицветной радугой красок расписали стены зала. Входишь сюда, и, едва взглянув на чудесное творение

художников-палешан, будто слышишь прекраснейшую музыку пушкинских стихов:

**У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Все ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит,**

Да вот же он на огромной дворцовой стене — этот волшебный дуб, и у подножия лесного великана сам Пушкин, и кот учёный, положив пушистые лапы на плечо поэта, говорит ему одну из сказок, увековеченных в этом удивительном зале...

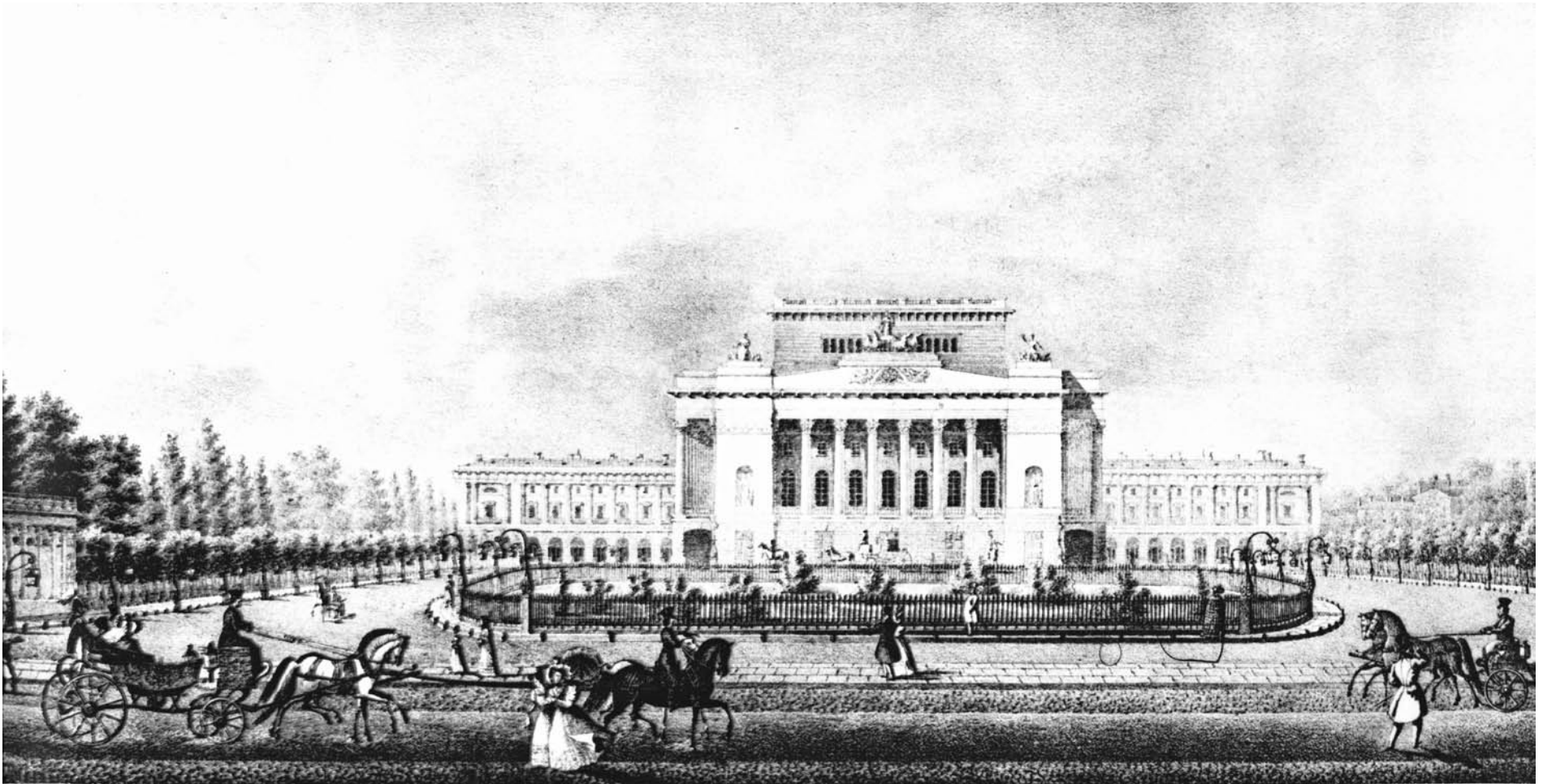
Стоишь, застыв, и, зачарованный видением этого красочного волшебства, вглядываешься в светлое лицо поэта, в его глаза... И этот взгляд Пушкина, полный внутренней радости и дружелюбия, обращён к далеким потомкам. И кажется, что слышишь из глубины времен привет поэта:

— Здравствуй, племя младое, незнакомое...

14.

В АЛЕКСАНДРИНКЕ — «РЕВИЗОР»

Большой Театръ (новый)
Grand Théâtre (на плану)

Поистине чудеснейший дар преподнес родному городу славный зодчий Росси, спроектировав здание Александринки (ныне Академический театр драмы им. А. С. Пушкина). Справедливо признано оно одним из красивейших в мире сооружений театральной архитектуры.

В молодости, вступая на путь самостоятельного творчества, Росси дебютировал также проектом театра, возведенного в Москве. Это здание сгорело во время московского пожара 1812 года. А как свидетельствовали современники, театр молодого архитектора, даже построенный из дерева, радовал глаз своими благородными пропорциями, необыкновенной, своеобразной красотой.

Но дебют Росси, конечно, не чета новому драму Терпсихоры и Мельпомены. Построенный в течение четырех лет и открытый в 1832 году, он явился еще одним триумфом великого зодчего. И своим торжественно-нарядным внешним видом, и внутренним устройством это монументальное здание заметно выделялось среди других сооружений столицы. Известные ваятели С. Пименов, В. Демут-Малиновский, А. Трискорни, И. Леппе помогли зодчему достойно украсить новый театр.

Большой вклад в строительство внесли умельцы Александровского чугунолитейного завода (ныне Пролетарский). Это они выполнили прекрасную квадригу Аполлона, венчающую аттик главного фасада. Они же по проекту Росси и директора завода Кларка изготовили металлические конструкции перекрытий огромного пролета зрительного зала. В Европе еще не применялись подобные технические новшества. Как и при сооружении арки Главного штаба, и на сей раз нашлись завистники, внушившие царю сомнение в прочности металлических конструкций. Царь поверил клеветникам и распорядился приостановить стройку.

Росси был возмущен этим актом, пятнающим честь его как опытного архитектора и Кларка как искусного инженера. Зодчий заявил: *«Как я, так и г. Кларк отвечаем честью и головой, что от упомянутой крыши не произойдет ни малейшего несчастья и что все устройство будет иметь надлежащую прочность, какой только может требовать сие огромное здание... В случае, когда бы в упомянутом здании от устройства металлических крыш произошло какое-нибудь несчастье, то в пример для других пусть тот же час повесят меня на одной из стропил театра...»*

Наконец, новые конструкция были смонтированы. И что же? Минуло сто сорок лет, и коллектив Пролетарского завода может гордиться трудами своих далеких предшественников. Уже в наши дни группой ученых и инженеров было произведено тщательное обследование металлических конструкций, побивших своеобразный рекорд долголетия, и была признана полная их надежность в эксплуатации еще на многие и многие годы.

Когда театр был построен, Николай присвоил ему имя своей жены Александры Федоровны. Официально именовали его Александрийским, а затем и попросту — Александринкой.

Торжественное открытие его произошло 31 августа 1832 года патриотическим спектаклем Василия Крюковского «Пожарский, или Освобожденная Москва» и балетным дивертисментом «Испанский праздник». В первые годы, до тех пор, пока не открылся Большой театр на месте нынешней Консерватории, на подмостках Александринки сменяли друг друга представления всех жанров — трагедии, балеты, водевили, оперы...

19 апреля 1836 года произошло событие, памятной вехой вошедшее в летопись театра. Афиша оповещала,

что «на Александринском театре сего дня в воскресенье, 19 апреля, российскими придворными актерами представлены будут в первый раз: «Ревизор», оригинальная комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя...»

Как известно, созданием своей бессмертной комедии Гоголь обязан Пушкину. Еще в начале октября 1835 года он обратился к поэту с настоятельной просьбой: *«Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию... Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее чорта».*

Просьба Гоголя не осталась без ответа. Пушкин подарил ему фабулу «Ревизора», рассказав несколько забавных случаев, в частности о петербургском литераторе и коллекционере П. П. Свиныне, который в Бессарабии будто выдавал себя за важного петербургского чиновника и был там принят как таковой. Поделился поэт и воспоминанием о том, как сам он был принят нижегородским губернатором Бутурлиным за тайного ревизора. Поведал Пушкин Гоголю о каком-то проходимце, выдававшем себя в городе Устюжне за чиновника министерства и набравшем кучу взяток от местных жителей.

Лучшей фабулы Гоголь и не мог желать. Подарок Пушкина пришелся ему вполне по вкусу. Решено было, что он будет писать комедию о мнимом ревизоре. И чтобы как можно более правдиво и реалистично изобразить впечатление, производимой на провинциальных чиновников внезапным появлением человека, принимаемого за ревизора. Гоголь предпринял любопытный эксперимент. Он сам себя выдал за... ревизора.

Произошло это в пути из Киева в Петербург, куда

писатель возвращался из родных мест. Ехал он со своими друзьями Пашенко и Данилевским. Задумано — сделано! Гоголь просил Пашенко отправляться вперед и распускать слухи, что следом за ним мчится важная персона, которая всячески скрывает, что является ревизором, едущим с секретными заданиями. Среди станционных смотрителей — переполох. «Персону» встречали с подчеркнутым почтением, сразу же предоставляли лошадей, только бы не задержался на станции этот таинственный ревизор. Мистификация завершилась полной удачей, доехали до столицы с невероятной быстротой. Гоголь был полон ценных впечатлений для создаваемой им комедии.

Как и обещал писатель Пушкину — «духом будет комедия», он написал ее менее чем за два месяца. А еще через пять месяцев и появилась афиша о премьере «Ревизора». Но эти пять месяцев были полны забот, терзаний, проволочек, стоивших автору многих нервов. Гоголь столкнулся и с цензурными трудностями.

Существует следующая версия о допуске «Ревизора» на подмостки Александрийского: театральная цензура, получив комедию, переполошилась и строжайше воспротивилась постановке. Взмолванный Гоголь попросил помощи у Жуковского, Вяземского и Михаила Виельгорского. Те в свою очередь обратились к Николаю. Царь принял их во дворце, и пьеса была срочно затребована из цензуры. Решено было, что комедию Гоголя будет читать царю Виельгорский. Как известно, он был не только изумительным рассказчиком, но и столь же впечатляющим чтецом. «Ревизор» предстал перед Николаем как бы в исполнении «театра одного актера». Виельгорский превосходно справился со своей задачей. Царь много смеялся, особенно над рассказами Бобчинского и Добчинского и сценой представления чиновников Хлестакову. Цель была достигнута. Император изрек:

— Играть комедию!

Начались репетиции. Гоголь присутствовал на многих из них. В труппе Александринки было немало талантливых актеров, но все они были воспитаны на французских водевилях и им подобных литературных поделках. Большинство участников будущего спектакля и готовилось представить «Ревизора» в таком же роде. Гоголь пытался вмешиваться со своими указаниями на репетициях, но к нему мало прислушивались.

И вот наступил памятный день 19 апреля 1836 года. Войдем с вами в зрительный зал Александринки. Обитый голубой, небесного цвета тканью, он выглядит торжественно и нарядно. Для тех времен он ярко освещен. Всего в театре зажигали до тысячи ламп. На одной лишь центральной люстре свет излучали семьдесят шесть ламп, восемьдесят две горели на передней рампе. Правда, за три с лишним года со дня открытия театра копоть от лампового масла покрыла темным слоем огромный, в свое время богато расписанный плафон с изображенными на нем Олимпом и Парнасом.

Зал переполнен. В ложах — столичная знать. Важные чины сидят и в креслах партера. В театре также петербургская интеллигенция — литераторы, журналисты, художники... Среди них — маститый Иван Андреевич Крылов. Но где же человек, подаривший Гоголю фабулу «Ревизора», где Пушкин? В это время был он занят похоронами умершей матери, тело которой было перевезено из Петербурга в Михайловское.

В царской ложе появляется Николай с наследником, будущим императором Александром II. Воцаряется тишина, раскрывается занавес, и начинается первое действие «Ревизора».

Познакомимся с некоторыми актерами — участниками премьеры. Городничего играл знаменитый Сосницкий, роль

жены Сквозник-Дмухановского исполняла Сосницкая. Хлестаковым был талантливый артист Дюр, а роль Осипа была поручена Афанасьеву. Первой Марьей Антоновной была знаменитая Варвара Асенкова, жизнь которой

трагически оборвалась в самом расцвете лет и необыкновенного таланта...

Как же был принят «Ревизор»?.. Послушаем одного из современников — литератора П. В. Анненкова, который писал: *«Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах (публика была избранная в полном смысле слова), словно никто не знал, как должно думать о картине, только что представленной. Недоумение это возрастало потом с каждым актом. Как будто находя успокоение в одном предположении, что дается фарс, большинство зрителей, выбитое из всех театральных ожиданий и привычек, остановилось на этом предположении с непоколебимой решимостью... Совсем другое произошло в четвертом акте: смех по временам еще перелетал из конца залы в другой, но это был какой-то робкий смех, тотчас же и пропадавший; аплодисментов почти не было. По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом...»*

Такого поистине ошеломляющего впечатления на зрителей не производила ни одна пьеса. Была в театре публика и кроме избранной. И эта часть зрителей бурно аплодировала. Но те, что сидели в ложах и в первых рядах кресел, — крупные чиновники, сановники, богатые купцы, — вначале было хлопали, потом молчали. Они сидели, от злости побагровев. Глядя на них, можно было подумать, что их только что высекли... И ведь это было действительно так.

А что же царь, расположившийся в своей богатой ложе? В Ленинградском государственном театральном музее хранится необыкновенная хроника, которую вел «инспектор репертуара российской труппы» А. Храповицкий. Дневник (так назовем условно) представляет собой большую книгу,

на листы которой инспектор день за днем наклеивал афиши шедших спектаклей. И на полях афиш Храповицкий писал свои заметки. Этот оригинальный дневник предваряет эпиграф Храповицкого: *«Сия книга есть мое тайное чистосердечие».*

На полях афиши от 19 апреля 1836 года записано: «В первый раз «Ревизор»... Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество. Актеры все, в особенности Сосницкий, играли превосходно. Вызваны: автор, Сосницкий и Дюр».

Да, Николай хохотал, восприняв «Ревизора» лишь как частный забавный случай, происшедший в одном из провинциальных городов его империи, так и не поняв, что комедия Гоголя обличала всю чиновничью николаевскую Россию. Существует, однако, и другая версия, будто царь, уезжая из театра, сказал: «Тут всем досталось, а больше всего мне». Что касается наследника, то не в этот ли памятный вечер премьеры «Ревизора» затаил он злобу против его автора? Известно, что лет двадцать спустя Александр II всячески противился воспроизведению фигуры Гоголя в группе литераторов на национальном монументе «Тысячелетию России». Разрешение было вырвано у царя лишь под сильным давлением передовых общественных кругов России.

Назавтра же после премьеры началась травля автора. Сразу же откликнулся продажный борзописец Булгарин, с возмущением писавший, что Гоголь опорочил уважаемое общество сословия и что его пьеса не имеет и тени правдоподобия.

Нелегко было в те дни Гоголю. Он был, в частности, разочарован игрой Дюра, не понявшего главного в роли

Хлестакова. Стоически переживал писатель нападки взбесившихся врагов. Пройдут годы, и о Гоголе напишет Некрасов:

**Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.**

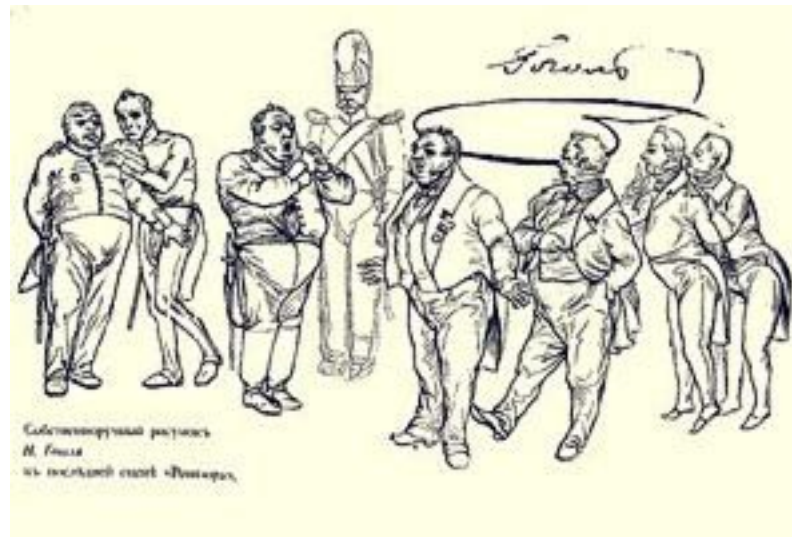
Гоголь, полемизируя с противниками, с иронией писал: *«Они воображают, что народ только здесь, в первый раз в театре увидит своих начальников, что если дома какой-нибудь плут-староста сожмет его в лапу, так этого он никак не увидит, а вот как пойдет в театр, так тогда и увидит. Они, право, народ наш считают глупее бревна».*

Знаменитый актер Щепкин, утешая Гоголя, писал, что один добрый знакомый сказал ему: *«Помилуй, говорит,*

как можно было ее (комедию) лучше принять, когда (в театре) половина публики берущая, а половина дающая...»

Дошло до того, что некий «холодный сапожник» смастерил пьесу под названием «Настоящий ревизор» — как продолжение гоголевского. В ней «настоящий ревизор» как представитель власти, мол, наказал взяточников. Несколько раз ее даже ставили в Александринке, но она с треском провалилась, и Храповицкий написал тогда на полях афиши: *«Г. настоящего ревизора ошикали. Туда ему и дорога! Такой галиматши никто еще не видал!»*

Прогрессивная часть русского общества полностью поняла и достойно оценила бессмертную комедию Гоголя. Сто тридцать семь лет назад начав свой путь на подмостках Александринки, «Ревизор» продолжает и по сей день свое победное шествие на сценах театров всего земного шара.

Собственноручный рисунок Н.В. Гоголя к последней сцене «Ревизора»

15.
ХРАМ МИНЕРВЫ

Первый год XIX столетия ознаменовался появлением нового нарядного здания на углу Невского проспекта и Большой Садовой улицы. Оно было построено по проекту архитектора Е. Т. Соколова и специально предназначалось для Публичной библиотеки, основанной в 1795 году...

Глядя на Панораму Садовникова, можно увидеть, как выглядело тогда здание. Перед нами предстает удлиненный корпус, выходящий на Большую Садовую. На самом углу он закруглялся, затем, немного протянувшись по Невскому проспекту, заканчивался выступом, выходящим на нынешнюю площадь Островского. Этот трехэтажный выступ был небольшим — шириной всего в три окна.

В январе 1814 года библиотека была открыта для читателей, «любителей учености и просвещения». Открытие книгохранилища, ныне являющегося одним из крупнейших в мире, произошло в торжественной обстановке. На празднике было много гостей, и среди них — Державин. С чтением своего произведения «Водолазы» выступил знаменитый баснописец И. А. Крылов, занимавший должность помощника библиотекаря.

К открытию в библиотеке насчитывалось 243 тысячи томов, в подавляющем большинстве на иностранных языках. Русский фонд состоял всего лишь из 2.300 книг. В дальнейшем много сил приложили И. А. Крылов и его помощник И. П. Быстров для значительного пополнения библиотеки русскими книгами. Правительство не торопилось сделать новую библиотеку доступной для широкого круга читателей, считая, что в ее фондах хранятся и такие книги, которые «хуже отравы». В год ее открытия залы посетили всего лишь 329 человек, которые получили для чтения 1.341 книгу. Лица, «недостойно одетые», — понимай, простой народ, — вообще не могли быть тогда читателями императорской Публичной библиотеки.

Шли годы. Книжные фонды Публичной библиотеки значительно пополнились. И здание, спроектированное Соколовым, стало тесным. Было принято решение пристроить к нему новый корпус. Проектирование было поручено Карлу Ивановичу Росси. Замечательный зодчий, с большим тактом и уважением относившийся к творениям своих собратьев по профессии, почти не изменив внешнего облика прежнего здания, присоединил к нему новое, фасадом своим выходящее на нынешнюю площадь Островского. И сделал это так, что и старая и новая части гармонично слились в единый архитектурный комплекс.

Фасад россиевского корпуса по праву может считаться одним из красивейших в нашем городе. В отличие от других грандиозных строений, возведенных по проектам гениального зодчего, это не поражало своими размерами. По существу оно явилось пристройкой, но зато какой...

Длина пристроенного здания — девяносто метров. Архитектор спроектировал его в виде большой неглубокой лоджии с восемнадцатью белоснежными колоннами ионического ордера. Впечатляющая колоннада перемежается поочередно окнами и десятью монументальными статуями выдающихся представителей культуры античного мира. Атик венчает царственная Минерва, богиня мудрости, покровительница знаний и искусств, особо почитавшаяся у древних. Смотришь на величавые скульптуры, и кажется, что десять наиболее знаменитых ученых, драматургов, поэтов Эллады и Рима прибыли сюда на какой-то праздничный форум.

Статуи древних были изваяны наиболее известными мастерами первой половины минувшего века — В. И. Демут-Малиновским, С. С. Пименовым, С. И. Гальбергом, Н. А. Токаревым. Фигуру богини Минервы, придерживаясь традиций античных скульпторов, изваял

Демут-Малиновский. Много веков назад великий Фидий создал скульптуру богини Афины (Минервы) для храма Парфенона. Величаво возвышалась она, держа в одной руке статуэтку Ники, богини Победы, а в другой — щит, около него — змея, издревле служившая символом мудрости. И Минерва, созданная для аттика Публичной библиотеки Демут-Малиновским, тоже была своеобразным символом: здесь — храм мудрости, величественная обитель знаний!

Кого же из плеяды античных светил избрали зодчий и художники для украшения библиотеки? Став лицом к фасаду и начав осмотр слева, обозревающий видит первым Геродота, прозванного Цицероном «отцом истории». Рядом с ним другой историк — римлянин Тацит. По соседству с ним уже названный нами Цицерон — политический деятель, философ, писатель и один из знаменитейших ораторов Древнего Рима. И рядом еще один римлянин — поэт Вергилий, автор бессмертной «Энеиды».

Далее высятся статуи великих греков. Это Демосфен — один из славнейших ораторов Эллады. Около него Гиппократ — знаменитый врач с посохом в руке, вокруг которого извивается змея, служащая и в наши дни эмблемой медиков всего мира. Около врача — великий автор девяности трагедий, держащий в руке маску античного актера, — Еврипид. За Еврипидом — знаменитый математик Евклид, чьи научные труды пережили тысячелетия. Предпоследний в ряду мудрецов — философ Платон. И почти у самого Невского, среди колонн, виден с лирой в руке слепой Гомер, которого считают автором величайших творений древнегреческого эпоса «Илиады» и «Одиссеи».

Статуя Гомера невольно напоминает и о том, что в стенах Публичной библиотеки долго трудился человек, двадцать лет своей жизни отдавший переводу «Илиады» на русский язык. Это Николай Иванович Гнедич, начавший здесь свою

службу в качестве помощника библиотекаря еще в 1811 году и работавший тут до 1831 года. Он был поэтом, талантливым, очень точным переводчиком и замечательным декламатором. Столь велико было его искусство художественного чтения, что под руководством Гнедича целый ряд своих ролей разучивала знаменитая русская трагическая актриса Екатерина Семенова. Однако подлинным подвигом его жизни был перевод «Илиады». Два десятилетия, год за годом, переводил он строфу за строфой...

Когда «Илиада» вышла в свет, Пушкин откликнулся на это крупное культурное событие известным двустишием:

**Слышу умолкнувший звук
божественной эллинской речи;
Старца великого тень
чую смущенной душой.**

Как Крылов, так и Гнедич жили по соседству со зданием Публичной библиотеки на Садовой улице, в доме для должностных лиц, сохранившемся до наших дней (ныне № 20). Изображен этот дом и на Панораме Садовникова. В комнате Гнедича стояла конторка, за которой, как и многие другие литераторы в прошлом, он любил работать стоя.

Гнедич был одним из первых издателей Пушкина. Когда поэт находился в изгнании на Юге, Гнедич предпринял в 1820 году первое издание «Руслана и Людмилы», два года спустя вышел в свет «Кавказский пленник».

Высоко чтит Николай Иванович гений Пушкина: «... *Ты наш баян! Небом родным вдохновенный, ты на Руси наш певец несравненный!*» — писал он, обращаясь к великому поэту.

Был Гнедич настроен свободолюбиво. Когда после кровавой драмы 14 декабря 1825 года на Сенатской площади многие из так называемого «высшего света» отвернулись от

декабристов, Гнедич выразил свое сочувствие осужденным.

Во втором этаже дома должностных лиц библиотеки была и квартира Ивана Андреевича Крылова, пять окон которой выходили на Большую Садовую, а пять — во двор. В самой же библиотеке кабинет Крылова находился в круглом зале первого этажа с окнами на Невский и Большую Садовую. Почти тридцать лет он отдал работе в книгохранилище. Начав помощником, он потом стал и библиотекарем. Иван Андреевич являлся хранителем собрания русских книг.

И. А. Крылов уже тогда был знаменит своими литературными произведениями, особенно баснями, не только в родной стране. Имя его еще при жизни баснописца завоевало подлинно мировую известность. В 1825 году в Париже вышел в свет двухтомник произведений Крылова на русском, французском и итальянском языках. Более пятидесяти зарубежных авторов переводили басни Крылова на иностранные языки. Басни великого русского поэта пленили и увлекли знаменитого автора «Марсельезы» Руже де Лилля, который также занимался их переводом. О Крылове писали иностранные газеты и журналы, публиковали его биографию. Но это не вскружило баснописцу голову. Оставался он всегда простым и скромным и никогда не кичился своей знаменитостью.

Пушкин преклонялся перед талантом старшего собрата по перу: *«Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочесть ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев»*, — писал поэт о Крылове.

Работая в библиотеке вместе с Гнедичем, живя с ним по соседству, Крылов дружил с Николаем Ивановичем. Часто он хаживал к нему в гости и любил слушать мастерски читающего Гнедича. Однажды, слушая отрывок из «Илиады»,

Крылов прервал чтение и сделал замечание по поводу одной из переведенных фраз. Гнедич вначале удивился, почему именно Крылов делает ему такое замечание, а потом, слегка раздраженный, возразил:

— Ведь ты не знаешь греческого языка...

Крылов замолчал. Неизвестно, какими соображениями руководствовался баснописец, критикуя фразу, переведенную с древнегреческого: языка древних эллинов он действительно не знал. Но замечание, видно, задело баснописца. Немного обиженный возвращался он в свою квартиру, приняв твердое решение овладеть древнегреческим. А ведь ему тогда перевалило уже за пятьдесят.

Способ для овладения языком Крылов избрал довольно оригинальный. Никакими самоучителями и учебниками он не пользовался. Вместо них он взял в библиотеке два евангелия — одно на греческом, другое на русском языке. Сличая фразу за фразой. Крылов начал постепенно осваивать язык. Можно представить себе, какое при этом требовалось упорство и истинное трудолюбие. Овладел языком Крылов, да еще как...

И вот он опять в гостях у Гнедича, вместе с другими внимательно слушает чтение фрагментов «Илиады». Крылов снова заспорил, что один из стихов переведен неправильно. Гнедич опять было вспылil по-прежнему. Но Крылов не отступил. Гости-знатоки начали разбираться, и, к изумлению всех и еще более самого Гнедича, выяснилась правота Ивана Андреевича.

Переводчику Гомера осталось только признать победу друга и, преклонившись, произнести:

— В такие-то лета изучить язык Гомера! Так это ж, друг мой, чудо из чудес...

В доме для должностных лиц библиотеки великий баснописец прожил двадцать пять лет. В марте 1841 года он

поселился на 1-й линии Васильевского острова (ныне дом № 8), где вскоре оборвалась его жизнь.

Утром 14 декабря 1825 года Крылов узнал о страшных событиях, разыгравшихся на Сенатской площади. Он тут же оделся и поспешил туда. Там пробыл почти целый день, находясь в толпе простого народа. Рассказывают, что Николаю I донесли об этом, и он вызывал Крылова для дачи объяснений во дворец.

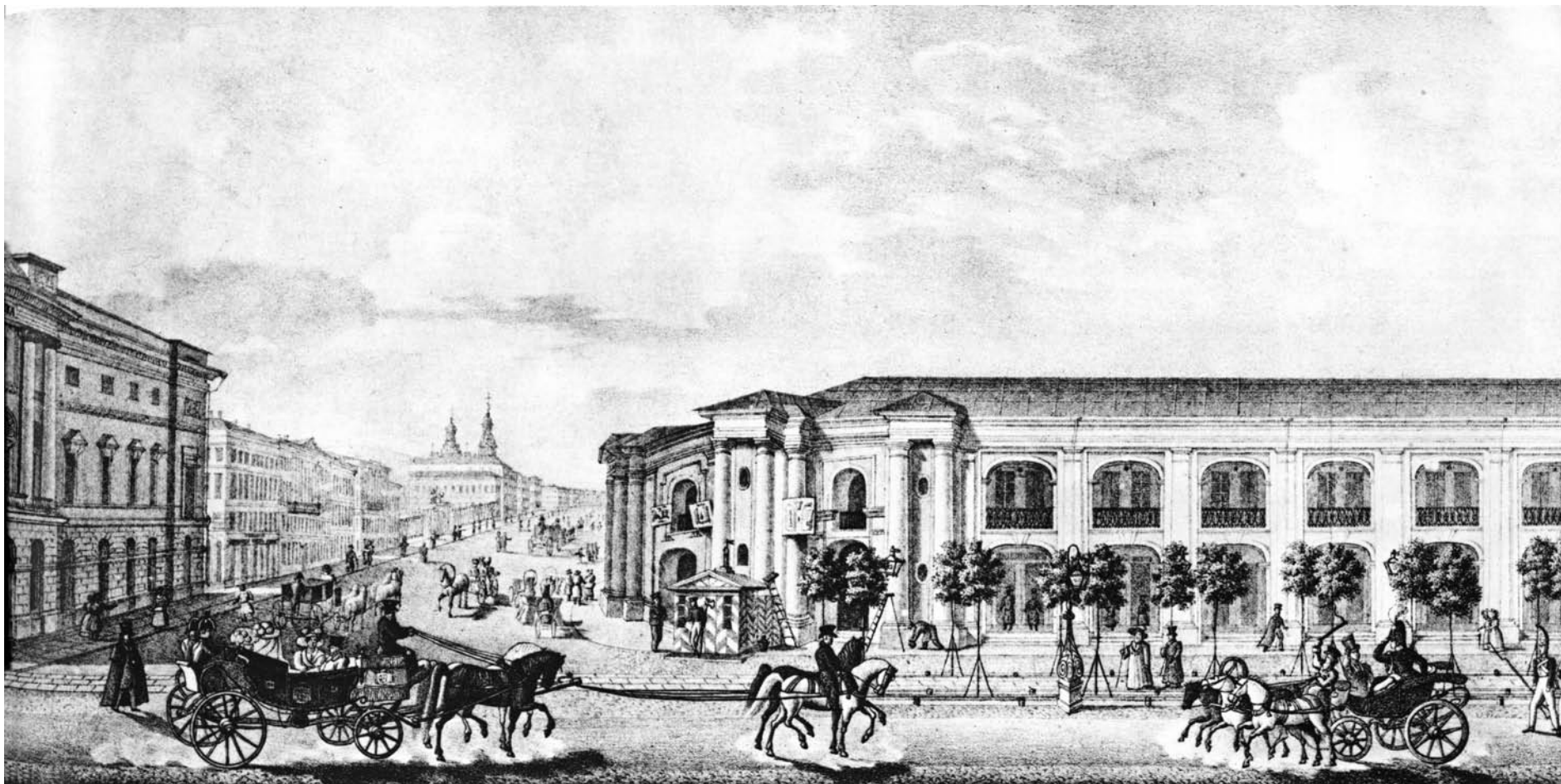
Никаких улик против баснописца, конечно, не было. Но все же выпуск подготовленного сборника произведений

Крылова был задержан.

Тяжелый отпечаток в душе Крылова оставила злодейская расправа на Сенатской. Он на те события откликнулся басней «Бритвы», в которой в завуалированной форме выразил сочувствие декабристам. Написал Крылов еще одну басню — «Булат», которая также была полна сочувствия к попавшему в опалу, знаменитому полководцу Ермолову, которого Николай, подозревая в связях с декабристами, отстранил от службы.

16.
ГОСТИНЫЙ ДВОР

Гостиный двор, зарисованный Садовниковым в первой трети минувшего столетия, был не первым в нашем городе. Одни становились добычей пожаров, другие возникали в новых местах в связи с ростом столицы и изменявшейся концентрацией населения. Гостиный двор, запечатленный на Панораме, строился по проекту Валлен Деламота. Открытие его относят к 1785 году. Огромное здание имеет форму неправильного четырехугольника, общая протяженность сторон которого превышает километр. Одна лишь сторона его, выходящая на Невский, имеет длину двести тридцать метров.

Здесь находился центр столичной торговли. Два яруса Гостиного насчитывали триста сорок лавок с самыми разнообразными товарами. Линии, обрамлявшие его, имели особые названия. Выходившая на Невский именовалась Суконной. Здесь торговали главным образом всяким шерстяным товаром, позднее появились также лавки писчебумажные, книжные и другие. Линия вдоль Садовой улицы называлась Зеркальной; где торговали всяким «светлым товаром». Под этим подразумевались изделия из золота, серебра, бронзы, а также предметы ювелирного искусства из драгоценных камней и других материалов. На Большой Суровской (ныне Перинной) линии находились лавки с шелковыми товарами, а на Малой Суровской, протянувшейся вдоль нынешней улицы Ломоносова, торговали главным образом предметами дамского туалета.

Приглядевшись к фрагменту Панорамы, мы не обнаружим рекламы. Но это отнюдь не означает, что ее не было в те времена.

Роль такой «живой рекламы» часто выполнял сын купца или один из наиболее расторопных приказчиков (сидельцев), обычно старший. Достоинством купеческого сына, будущего наследника отцовских богатств, было умение «твердо читать

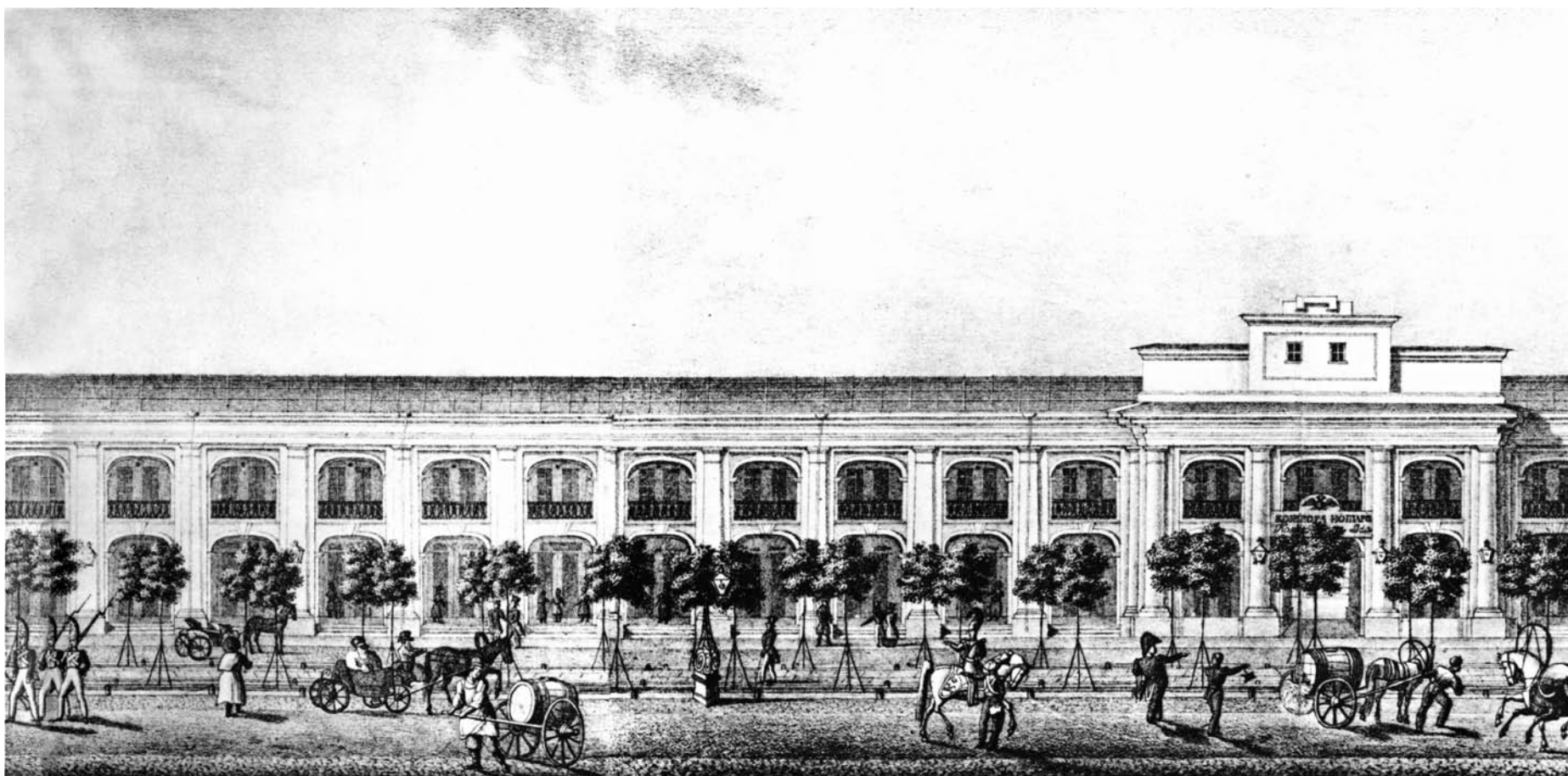
и писать и чтобы знал бы он проворно выкладывать на счетах». Но для зазывалы главное заключалось, пожалуй, в другом. От него, кроме чтения, письма и манипулирования костяшками на счетах, требовалось еще, чтобы он умел быстро и звонко звать покупателя, быстро говорить, хвалить товар, божиться, обвешивать и присчитывать.

«Не обманешь — не продашь» — такой был девиз у гостинодворских да и всех прочих купцов. Конкуренция между владельцами лавок в Гостином была страшная. Поэтому особенно ценились зазывалы с зычными голосами, оглушавшими идущего по галереям покупателя. Нужно было во что бы то ни стало отбить его у купца-соседа и заманить в лавку.

Но вот покупатель пойман. И тут начиналась его обработка. Известный бытописатель старого Петербурга М. Пыляев рисует такую гостинодворскую картинку:

«Когда покупатель в лавку был зазван, торговец старался улестить его, отвести ему глаза, продать товар втридорога. На такие уловки нужна была опытность. Платье, походка, речь покупателя — тут все берется в расчет. С одним надобно кланяться, упрашивать сделать уступку «из уважения», с другого заломить сразу цену и вести себя гордо, не уступать копейки, третий, как, например, мужичок, требует фамильярного обращения: стукнуть по плечу, по животу, и „что ты, мол, брат, со своими торгуешься, со своего человека земляка лишнего не возьмем”».

Проживавший напротив Гостиного Иван Андреевич Крылов в ненастную погоду любил гулять по его галереям. В первое время, когда зазывалы не знали, кто этот важно шествующий с палкой господин, они всеми силами стремились затащить его в свои лавки. Крылов всячески отнекивался, с немалым трудом преодолевал атаку. Но на следующий день,

Гостиной Дворъ .
Grandes Boutiques (*Gostinai Dvor.*)

едва заметят его, — снова штурм. Баснописцу в конце концов это надоело. И однажды он «поддался» зазывале и вошел в одну из лавок.

— Ну покажите же, что у вас хорошего? — спросил

баснописец.

И началось. Один, другой, третий сиделец тащат на прилавки разные товары. Крылов поднимается со своего места, сам медленноразворачивает товары, внимательнейшим

образом их рассматривает и приговаривает:

— Хороши, хороши, а есть ли лучше?

— Есть-с! Есть-с! — лихо отвечает старший сиделец.

— Верно, хороши, хороши и эти, да нет ли еще получше?

— Извольтс-с, извольтс-с, сей-минут!

— Ну благодарствуйте, вижу, что у вас действительно много прекрасных вещей, — одобрительно произнес Иван Андреевич. — Прощайте!

— Как, сударь, да разве вам не угодно купить?

— Нет, мои друзья, мне ничего не надобно; я прохаживаюсь здесь для здоровья, и вы насильно затащили меня в лавку...

Хорошо знали гостинодворские купцы Фаддея Булгарина. И вовсе не как богатого покупателя. Наоборот, сей господин обходился им в копеечку. Своими фельетонами он наводил страх на лавочников. Обычно он начинал публиковать эти фельетоны незадолго до наступления праздников, когда начинался наплыв покупателей. В «Северной Пчеле» он критиковал беспорядки, царившие в Гостином, надоедливых зазывал, называл имена отдельных нерадивых купцов, возмущался запрашиваемыми ценами на разные товары.

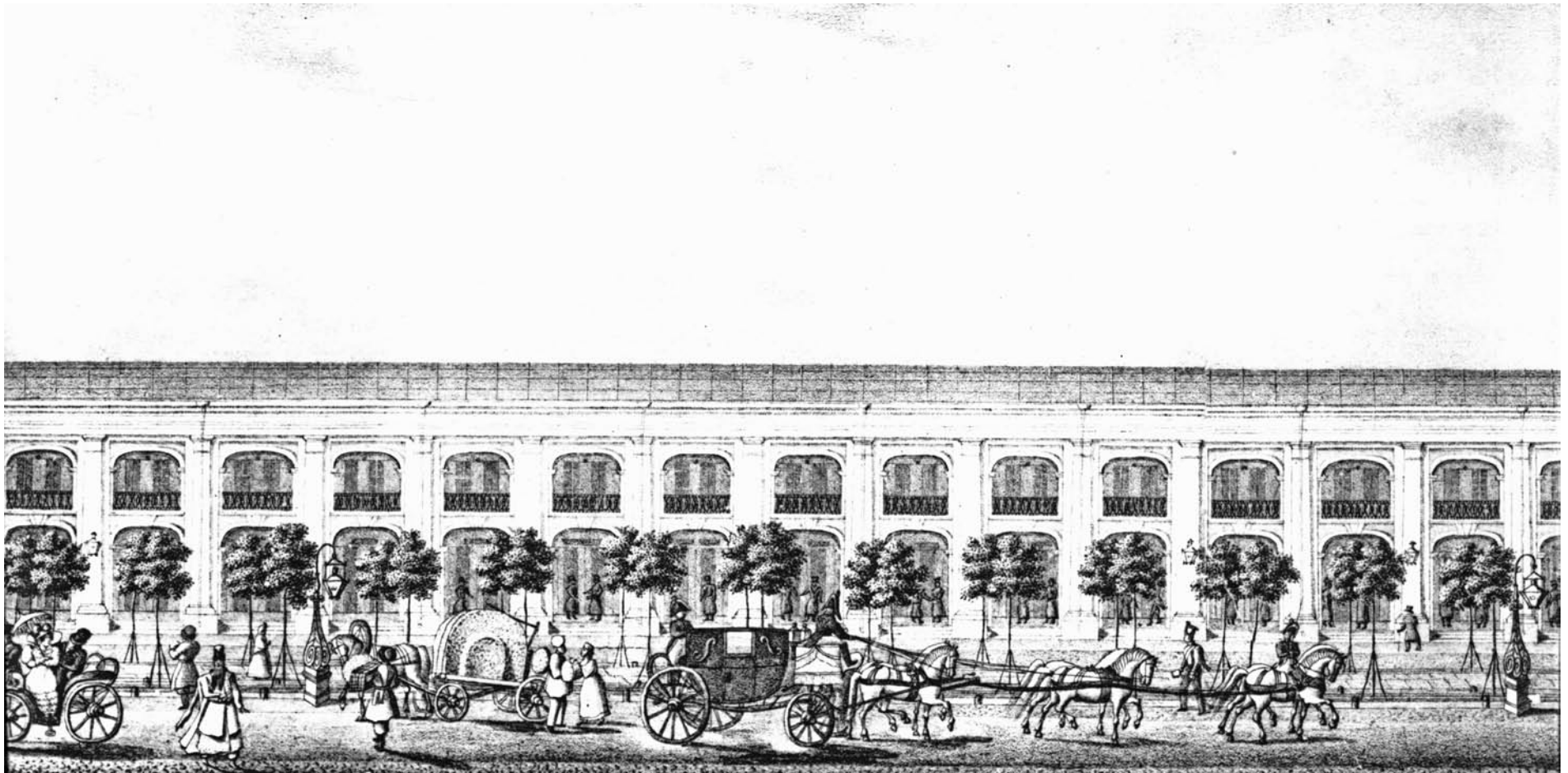
«Однажды, проходя по зеркальной линии, увидел я в одной из лавок серебряную табакерку, имевшую вид собачки. — Что хочешь за эту вещь? — спросил я приказчика или хозяина, не знаю. — Тридцать пять рублей, — отвечал купец. — Дам пять, — сказала в шутку и пошел. В двадцати шагах от лавки мальчик догнал меня и, подавая табакерку, сказал: «Извольте-с! Пожалуйте пять рублей». Я заплатил и ужаснулся: я предложил цену в шутку и угадал настоящую цену. Спрашиваю: сколько бы я потерял, если бы в этой пропорции ошибался по

двадцать четыре раза в год, запасаясь всем нужным в Гостином дворе?» — писал он.

Такие и другие подобные заметки продолжали появляться в течение некоторого времени в предпраздничный период. Можно было предположить, что борзописец выступал при этом в роли защитника интересов покупателей. Нет, это был особый булгаринский прием, который лучше всех понимали хозяева-гостинодворцы. Появление «злых» фельетонов являлось для них своеобразным сигналом: наступила пора нести дары из своих лавок сварливому журналисту из «Северной Пчелы». И несли. И Булгарин брал. Принимал он эти подношения как само собой разумеющееся.

На страницах газеты происходила метаморфоза. Начинали появляться фельетоны совсем иного рода. В очередном таком опусе на злобу дня Булгарин ловко вписывал такие строчки: *«Если вам угодно купить цепочку, перчатки и даже бриллианты, то ступайте в лавку (следует фамилия купца). Его вещи уважаются даже за границей, а в пробе золота и доброте камней вы можете верить его слову»*. Или реклама такого вида: *«Я давно намеревался украсить мой кабинет несколькими бронзовыми вещами... Здесь в Гостином три магазина славятся бронзовыми товарами, а именно...»* (снова называются имена купцов). От ценности подношений криводушному фельетонисту зависел и характер рекламы, появлявшейся в газете. Богатый меховщик не поскупился на взятку. И Булгарин соответственно «расплатился» с ним таким панегириком: *«Главная отличительная черта этого магазина — честность. Пошлите ребенка, его так же примут, как вельможу, и за одинаковую цену отпустят товары»*.

Среди других в Гостином было несколько книжных

лавок. В тридцатых годах XIX века их насчитывалось восемь — Тюленева, Глазунова, Свешникова, Слёнина и другие. Первую книжную лавку в Гостином под № 27 открыл известный книгопродавец В. А. Плавильщиков, особо почитавшийся литераторами и учеными. Его книжная лавка меняла свой адрес, но популярность ее оставалась неизменной. Современник писал о ней, что это «тихий кабинет муз, где собирались ученые и литераторы делать справки, выписки и

совещания, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры».

В свое время по Суконной линии в лавках под № 15 и 16 находилась книжная торговля Г. К. Зотова. Этот книгопродавец знал, что на Грязной (ныне улица Марата) Александр Радищев в своем доме тайно печатает написанное им сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву». Зотов помогал ему в приобретении типографского оборудования,

он же обеспечил Радищева необходимым количеством бумаги и красок. Естественно, что Зотову первому и вручил автор для продажи небольшое количество экземпляров «Путешествия». Они были распроданы в Гостином с необыкновенной быстротой.

Популярностью пользовалась и книжная лавка Ивана Васильевича Слёнина, которая также несколько раз меняла свой адрес, но по-прежнему все же торговала на Невском. Будучи уже в летах, Слёнин овладел французским и немецким, языками, хорошо знал отечественную и зарубежную литературу. Как издатель. Слёнин выпустил в свет «Историю Государства Российского» Карамзина, что обошлось ему в 165 тысяч рублей. Быстро и достойно оценив только что вышедшую поэму Пушкина «Руслан и Людмила», Слёнин приобрел большую часть тиража ее. За «Евгения Онегина» он предлагал, поэту «сколько хочет». Известно стихотворение Пушкина для альбома Слёнина. Вот его отрывки:

Я не люблю альбомов модных:

Их ослепительная смесь

Аспазий наших благородных

Провозглашает только спесь.

.....

Но твой альбом другое дело.

Охотно дань ему плачу.

Вхожу в него прямым поэтом,

Как в дружеский, приятный дом,

Почтив хозяина приветом

И лар молитвенным стихом.

В Гостином было несколько особо примечательных лавок. Над входом в одну из них красовалась вывеска, говорящая, что торгуют здесь «разными минералиями и

антиквитетами». Чтобы понять, что сие означает, надобно было войти в это любопытное заведение. Переступив порог, покупатель попадал в своеобразный музей с той разницей, что любая «диковинка», которую он здесь видел, могла стать его собственностью. Это была едва ли не первая в Петербурге антикварная лавка. Здесь продавали старинное, оружие, кольчуги, шлемы, картины, миниатюры, редкие ювелирные изделия, монеты, медали. Для нумизматов здесь был большой выбор.

Другую примерно такую же лавку содержал купец Дергалов. Однако она была более специализированной. Здесь главным образом торговали орденами, а также музыкальными инструментами. Наиболее примечательным, былособраниескрипок,виолончелейидругихинструментов... изготовленных знаменитыми мастерами Амати, Гварнери, Руджиери, Страдивари. Продавались здесь также и скрипки, альты и виолончели замечательного русского мастера, крепостного графа Шереметева — Ивана Андреевича Батова. Отличавшиеся необыкновенно нежным, певучим звуком, скрипки Батова покупались иностранцами и выдавались ими в Западной Европе за работы мастера Гварнери. Назначалась огромная цена. Впрочем в лавке Дергалова и батовские скрипки стоили от тысячи до двух тысяч рублей.

Многие годы из-за опасности пожаров лавки Гостиного двора не отапливались и не освещались. Торговали только в светлое время. Закрывались лавки и в послеобеденные часы, отведенные по старинной купеческой традиции для сна. Перед лавками стояли скамьи, на которых была нарисованы «шашельницы». Сидельцы, а порой и иные покупатели устраивали здесь своеобразные шашечные матчи, привлекавшие многих любителей поглазеть на игру. После «захождения солнца» Гостиный замирал до следующего утра.

17.
ОПТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ГОРОДСКАЯ ДУМА .
L'hôtel de ville.

Гостиный двор был главным зданием торгового центра центра Петербурга, сосредоточенного на Невском проспекте. Огромный по своим размерам, он назывался Большим Гостиным двором. Два яруса его с многочисленными лавками не могли, однако, вместить всех торговых заведений главной столичной магистрали. Рядом был построен Малый Гостиный двор, который тремя своими торговыми рядами выходил на Думскую улицу, нынешнюю улицу Ломоносова и на набережную Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова). Параллельно Большой Суровской линии Гостиного двора построили Перинный ряд. На Невский проспект одним из своих фасадов выходило еще одно торговое здание, носившее название Серебряных рядов.

На воспроизводимом фрагменте Панорамы Садовникова отчетливо виден так называемый Портик Руски, названный так по имени спроектировавшего его зодчего. Радующий своими пропорциями, напоминающий маленький античный храм, портик был пристроен в начале минувшего столетия к торцовому фасаду Перинного ряда.

Справа от высокой башни (о ней речь впереди) виден фасад здания Серебряных рядов. Некогда на этом месте находились деревянные лавки, в которых торговали главным образом серебряными изделиями, а также жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями. Но как и многие другие деревянные строения старого Петербурга, в один злосчастный день эти лавки стали жертвой большого пожара. На их месте построили каменное здание, продолжавшее носить свое старое название. Часть бывших Серебряных рядов сохранилась до наших дней. Здесь находится ныне магазин спортивных товаров.

Это примечательное сооружение спроектировал зодчий Джакомо Кваренги. Четырнадцатью лавками, торговавшими здесь серебряными изделиями, владел очень богатый купец

Яковлев. Этот богатей, надеявшийся пристроить сына к торговле, много натерпелся от «непутевого» наследника. Потомок именитого купца «ударился» в театральные рецензенты. В одной из таких рецензий он не очень лестно отозвался об одном из бенефисов знаменитого актера В. А. Каратыгина. «С суконным рылом да в калашный ряд», — возмущался критическим опусом молодого Яковлева министр двора князь Волконский. Последовало приказание вывести рецензента в специально состряпанном водевиле «Горе без ума».

Может быть, зрители и не узнали бы, с кого срисована роль водевильного рецензента. Но на сцене появился артист, исполнявший роль отца главного героя пьесы. Папаша всячески уговаривает сына оставить глупое увлечение разными статейками, к тому же написанными «под градусом», не позорить имя именитого купца, торгующего серебром, и самого себя не выставлять на всеобщее посмеище. Старый купец, исполнял куплет:

**Не разбирай тогда актеров,
Когда тебя поразберет...**

В конце восемнадцатого века угол Серебряных рядов, обращенный к Гостинному двору, был разобран. В 1804 году по проекту архитектора Д. Феррари здесь возвели высокую башню в несколько ярусов, вершина которой стала одной из самых высоких точек Невского проспекта тех лет. Башня эта имела несколько названий. Благодаря круглым уличным часам, установленным почти на самом верху ее, башню называли Часовой. Так как она примыкала к зданию Городской думы, ее именовали и Думской. Наконец, когда ее использовали как станцию так называемого оптического телеграфа, эта башня была известна и как Телеграфная.

Башня на Невском ныне является памятником

архитектуры всесоюзного значения. Но она примечательна также и как своеобразный памятник в истории техники, в частности в области развития средств связи в России. Она напоминает также о скудоумии правителей Российской империи, с пренебрежением относившихся к творчеству русских изобретателей и тем самым тормозивших развитие отечественной техники. История Санкт-Петербургского оптического телеграфа — наглядное тому свидетельство.

Еще в 1794 году знаменитый русский механик, конструктор и изобретатель Иван Петрович Кулибин объявил, что им построена «дальноизвещающая машина». Так в первое время после ее изобретения называли оптический семафорный телеграф.

Толчком к созданию такой машины послужило опубликованное в русских газетах сообщение, что француз Клод Шапп о 1792 году доложил конвенту о сконструировании им оптического телеграфа. При этом в самых кратких чертах было опубликовано описание устройства, скорее, идея нового многообещающего изобретения.

И. П. Кулибин решил сам создать свой образец подобного телеграфа. Система семафоров, видимая на далеком расстоянии, при помощи специального привода принимала различные положения, которые сигналист-наблюдатель должен был уметь расшифровать. Клод Шапп составил код для расшифровки, представлявший собой увесистую книгу. Для прочтения семафорного сигнала надо было рыться в объемистом томе, что крайне замедляло передачу телеграммы. Иван Кулибин изобрел свой код, сведенный к одной-единственной таблице. По сравнению с французским пользование кулибинским кодом-таблицей во много раз ускоряло работу по расшифровке семафорных сигналов.

Можно было предположить, что Россия воспользуется

русским образцом оптического семафорного телеграфа, созданного Кулибиным, и приступит к сооружению своих телеграфных линий. Но кулибинскую «дальноизвещающую машину» постигла судьба многих талантливых русских изобретений. В известной книге «Кабинет Петра Великого», представляющей собой описание диковинок знаменитой Кунсткамеры, сообщается, что в 1795 году сюда поступил «образец телеграфа г. Кулибина». Таким образом, остроумное, крайне нужное стране изобретение было превращено в музейный экспонат.

Минуло после этого около сорока лет. В российскую столицу приехал предприимчивый француз Шато. Он явился сюда с целью предложить правительству Николая I постройку линий оптического телеграфа. Шато лишь частично видоизменил уже известную систему своего предшественника Шаппа. Шато добился своего, и в 1834 году была построена линия, соединявшая Санкт-Петербург, Стрельну, Ораниенбаум, Кронштадт. Еще одна линия оптического телеграфа соединила столицу также с Царским Селом и Гатчиной.

Любопытно, что созданный за сорок лет до этого шифровальный код Кулибина значительно превосходил по своим достоинствам код Шато. И в то время, когда находившаяся в Кунсткамере «дальноизвещающая машина» была совершенно позабыта, француз Шато получил от русского правительства за свой способ сигнализации и код сто двадцать тысяч рублей — сумму по тем временам громадную. Мало того, до самой смерти месье Шато казна должна была ему также ежегодно выплачивать по шесть тысяч рублей.

Башня на Невском и была использована как станция оптического семафорного телеграфа. Телеграммы можно было отправлять непосредственно отсюда, но чаще она

использовалась как промежуточная станция при отправке телеграмм из Зимнего дворца. Еще и теперь на крыше дворца можно увидеть небольшую башенку, своим внешним видом напоминающую парковую беседку. Именно отсюда, из «телеграфического обсервационного домика», Николай I связывался с указанными выше географическими пунктами. Позднее линия оптического телеграфа была значительно удлинена и связала Санкт-Петербург с Варшавой. Для этого на линии было возведено сто сорок девять промежуточных станций-башен, каждая высотой в семнадцать метров.

На башне, воспроизведенной Садовниковым, мы не видим специального семафорного устройства. Художник зарисовал ее до постройки линии оптического телеграфа. Немного позднее на вершине башни появилась Т-образная рама с семафорами, которую сигналист мог вращать по оси, придавать ей различные положения, что и являлось условными сигналами. Оптический телеграф работал при ясной погоде и в ночное время. Связь, при этом осуществлялась с помощью ярких светильников, укрепленных на сигнальной раме.

На сооружение линий оптического телеграфа были затрачены большие средства. Между тем еще в 1830 году герои Отечественной войны 1812 года инженер Павел Львович Шиллинг (он жил на Марсовом поле, в доме, ныне значащемся под № 7, на фасаде которого находится мраморная мемориальная доска, увековечившая его заслуги) закончил сборку первого в мире практически годного электромагнитного телеграфа. В 1832 году Шиллинг продемонстрировал свой телеграф в деле.

Если бы правители России с достаточным вниманием отнеслись к этому уникальному изобретению, быстрое развитие средств связи пошло бы по иному пути, не пришлось бы создавать дорогостоящих линий оптического

телеграфа. Но Николай I, ознакомившись с телеграфом Шиллинга, воспринял его как забавную диковинку и не нашел ничего лучшего, как поручить изобретателю провести линии электротелеграфа из Зимнего во дворцы и особняки некоторых своих родичей и приближенных. Занятно было императору поболтать с придворными «телеграфическим» языком. Оборудовали станцию и в министерстве путей сообщения. Позднее Шиллингу поручили также провести телеграфную линию из столицы в Кронштадт. Но довести до конца это строительство талантливому инженеру не довелось. Шиллинг умер, а усовершенствованием его телеграфа занялись зарубежные изобретатели.

... На Панораме перед башней отчетливо виден уличный фонарь, чуть выступающий на мостовую. Это один из светильников, сравнительно недавно появившихся на Невском. И до этого на главной столичной магистрали стояли фонари. Но изображенный Садовниковым — не чета своим предшественникам, тускло мерцавшим на деревянных столбах. На Невском, украшавшемся замечательными архитектурными сооружениями, соответственно должно было быть оформлено и освещение.

Литератор П. П. Свиньин в одном из номеров издаваемого им журнала «Отечественные записки» за 1820 год оповещал о скором появлении новых светильников на главной коммуникации:

«50 фонарей с реверберами, привешенных на чугунных столбах изящной фигуры — отлитых на заводе г. Кларка, порисункам инженера генерал-майора Базена, — будут разливать яркий свет на сем пространстве улицы. Каждый из сих столпов имеет 3 сажени в вышину и поставлены на гранитном пьедестале вышиною около 7¹/₂ аршин».

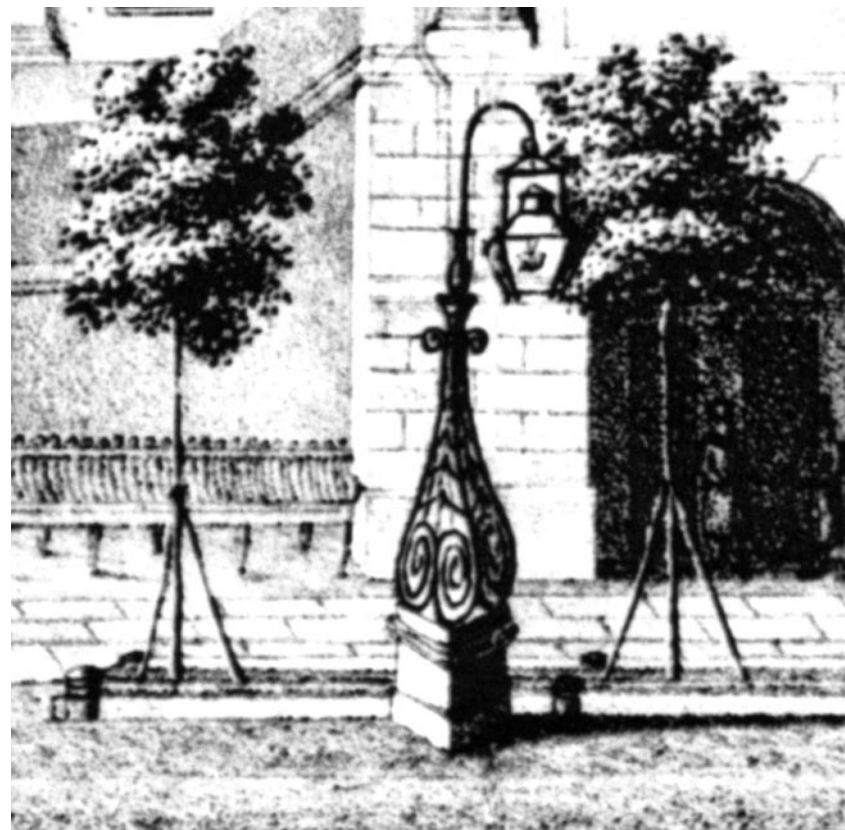
Пятьдесят художественно оформленных светильников

установили на Невском лишь на отрезке проспекта, протянувшемся до Аничкова моста. Это были первые в столице фонари на чугунных столбах. Однако весьма склонный к преувеличениям П. П. Свиньин и на сей раз явно переборщил, расписывая яркий свет, который будет озарять проспект. На самом деле фонари мерцали довольно слабо. Причиной тому все то же конопляное масло, служившее горючим для светильников. Реверберы (т. е. рефлекторы), о которых писал Свиньин, не очень-то усиливали свет, излучаемый масляными фонарями. Как видим, до яркого освещения было еще довольно далеко.

Фонарям, запечатленным на Панораме, отдал должное Николай Васильевич Гоголь в своем «Невском проспекте»: **«... как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожей, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь,... тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет...»** Но заканчивая свою знаменитую петербургскую повесть, писатель восклицает: **«Далее, ради бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом...»**

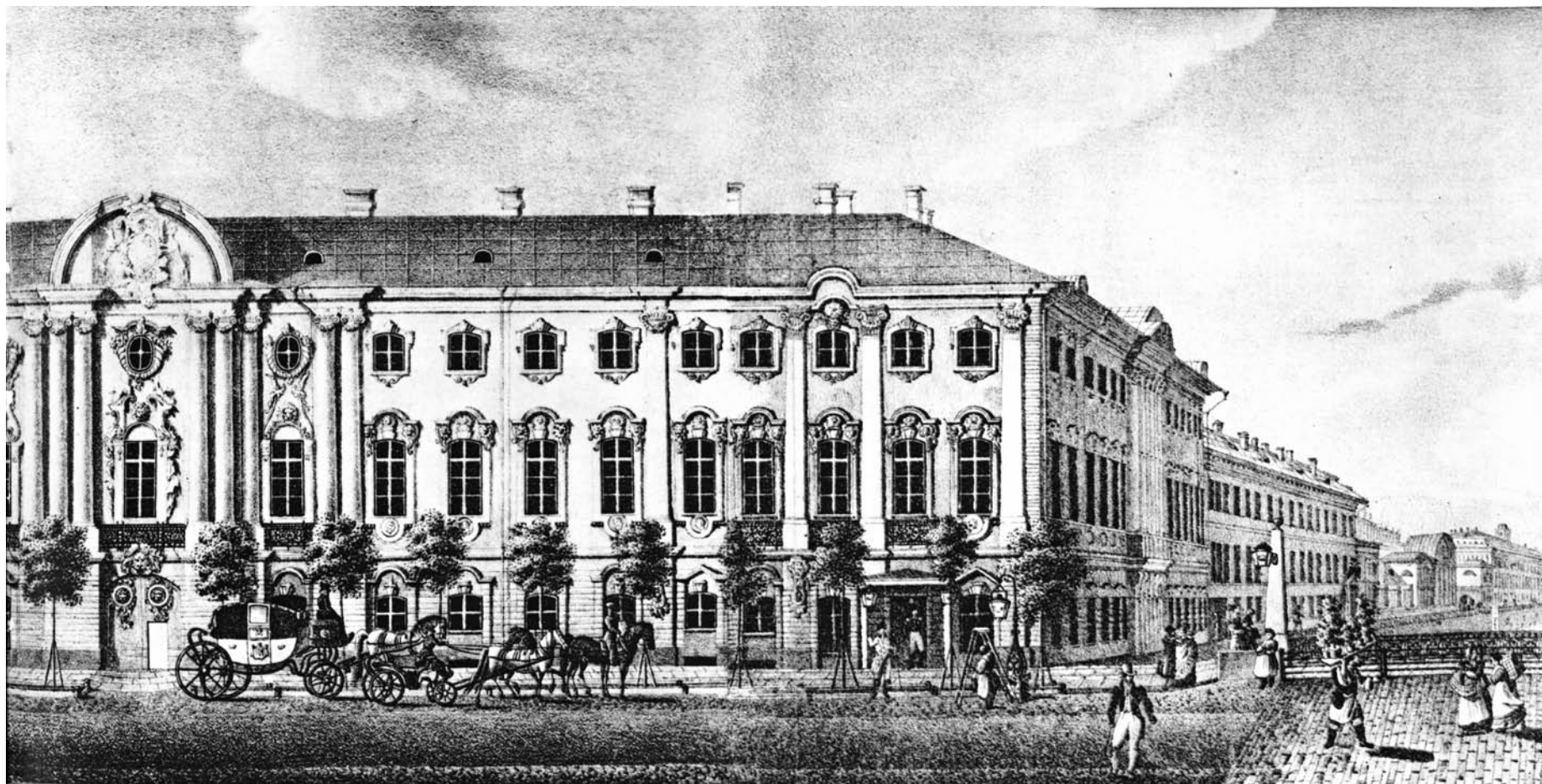
Лишь в 1835 году, когда Панорама Садовникова уже вышла в свет, образовалось «Общество освещения газом Санкт-Петербурга». Еще через четыре года на берегу Обводного канала появился первый газовый завод, и тогда

на Невском засияли восемьдесят четыре газовых фонаря, освещавших проспект уже довольно ярко. Не забудем, однако, что освещалась лишь парадная часть Невского. Перейдя Аничков мост в сторону Литейного, прохожий словно проваливался в темную яму.

18.

ЗОДЧИЙ, ГРАФ И ЯКОБИНЕЦ

Домъ Графини Строгоновой
Maison de la Comtesse Strogonoff.

Полицейской
Pont de

Следом за Серебряными рядами Петр Садовников изобразил на Панораме Невского проспекта три сооружения, связанных с жизнью и творчеством великого русского зодчего Андрея Никифоровича Воронихина. Молодость его прошла под крышей строгановского дворца. Поэтому мы и начнем наш рассказ с него, а в последующих очерках возвратимся к двум другим.

Дворец графов Строгановых появился на углу набережной Мойки и Невской перспективы в середине XVIII столетия. Его возвели за три года по проекту Варфоломея Растрелли. Это один из наиболее выдающихся его архитектурных памятников в нашем городе в стиле русского барокко. На Садовой улице и поныне высится другое творение Растрелли — б. Воронцовский дворец. Но приглядитесь к обоим сооружениям и вы сразу же заметите разницу между ними. Воронцовские хоромы построены в глубине парадного двора — это богатая усадьба, хотя и расположенная в городе. Строгановский же дворец возведен по другой схеме. Растрелли вывел его пышные фасады непосредственно на улицу. Это уже не усадьба, а настоящая городская постройка.

Строгановы были едва ли не самыми богатыми людьми в России. Достаточно сказать, что ко времени отмены крепостного права за графом С. Г. Строгановым числилось свыше восьмидесяти тысяч крепостных, а количество принадлежавшей ему земли достигало одного миллиона трехсот тысяч десятин.

Пять лет уже высился в центре столицы дворец Растрелли на Невской перспективе, когда в одной из строгановских вотчин в семье крепостного крестьянина родился мальчик, которому суждено было гениальными творениями своими прославить русскую архитектуру. Это был Андрей Никифорович Воронихин... С детских лет

начало проявляться его дарование в живописи, а позднее и в зодчестве. Андрея заметили и отправили в Москву, где он обучался под руководством прославленного русского архитектора Баженова. О таланте и успехах юного Воронихина стало известно тогдашнему владельцу дворца в Петербурге — графу Александру Сергеевичу Строганову. Несметный богач, меценат, покровительствовавший отдельным художникам, он заинтересовался талантливым крепостным, вызвал его в Петербург и поселил в своем дворце. Было в это время Воронихину двадцать лет.

Граф Строганов один занимал весь второй этаж своего дворца, и обслуживала его целая рать крепостных, насчитывавшая шестьсот человек. К Воронихину, хотя он и был крепостным и назывался служителем, граф относился покровительственно. В одном из флигелей ему было предоставлено отдельное помещение. Более того, Строганов свел Андрея со своим сыном Павлом и его воспитателем французом Жильбером Роммом.

Во дворце часто бывали многие выдающиеся представители литературы и искусства. Воронихин видел здесь Державина, Фонвизина, Крылова, академиков Эйлера и Палласа, замечательных портретистов Левицкого и Боровиковского, ваятеля Мартоса, композитора Бортнянского и многих других. Он слышал их разговоры, сам иногда участвовал в беседах. Среда, в которой он вращался, помогала ему повышать свой культурный уровень, а тесное общение с Жильбером Роммом обогатило новыми знаниями.

Выросший в провинциальном французском городке, Ромм приехал в Париж, чтобы завершить свое образование. Он был человеком широкого культурного кругозора, ярким последователем энциклопедистов. А. С. Строганов, готовясь к возвращению из Франции в Петербург, подыскивал

губернера для своего семилетнего сына. Друзья познакомили графа с Жильбером Роммом, очень ему понравившимся. Француз принял предложение и отправился со Строгановыми на берега Невы. Если бы граф знал, что произойдет с губернатором через десять лет...

Спустя некоторое время после возвращения из-за границы в Петербург Строганов решил отправить сына

своего в сопровождении Жильбера Ромма, а вместе с ними и молодого Воронихина путешествовать по России. Непосредственное ознакомление со страной, ее древними городами, достопримечательностями, постепенно развивавшимися промышленными предприятиями, особенно в угодьях самого Строганова, — все это должно было пополнить образование сына. Так считал владелец дворца на Невском. Поездка по стране, начавшаяся в 1781 голу, растянулась на несколько лет. Путешественники побывали в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Карелии, Архангельске, на Урале...

По возвращении в Петербург француз настоятельно убеждал Строганова отпустить сдружившуюся группу путешествовать в Западную Европу. Знакомство с зарубежными странами, особенно с Францией, специальные занятия младшего Строганова в Женеве, убеждал Жильбер Ромм, многое дадут для его еще более широкого образования. Если же граф заинтересован иметь талантливого зодчего, а Андре (так называли Воронихина у Строгановых), несомненно, талантлив, то и для него близкое знакомство с европейскими архитектурными шедеврами явится серьезной и необходимой школой. Граф был не против заграничного путешествия, но посещение Франции его несколько настораживало. Оттуда все чаще доходили до Петербурга известия о нарастающем брожении умов, о все более и более накаляющихся революционных страстях. Но в конце концов он дал согласие.

Перед отъездом граф подписал документ, в котором было начертано, что «... А. С. Строганов, в роде своем не последний, опустил я крепостного своего дворового человека Андрея Никифорова сына Воронихина, который достался мне по наследству..., и впредь мне, графу, и наследникам моим до него, Воронихина, и до будущих

потомков его дела нет...» Летом 1786 года Андрей Воронихин уезжал за границу со своими спутниками уже вольным человеком.

Жильбер Ромм простился с Петербургом, где под кровлей роскошного палаццо одного из первых крезов России он прожил на Невском целых семь лет. Кто мог предвидеть, что в этом путешествии произойдут события, которые заставят А. С. Строганова раскаиваться в данном им согласии на поездку.

Путешественники побывали в Берлине, Женеве, в маленьком французском городке, где родился месье Ромм. В Женеве молодой Строганов проходил специальный курс наук. Воронихин самостоятельно изучал архитектуру на ее наглядных образцах.

Но вот путешественники прибыли в столицу Франции. Приехали они сюда в том памятном году, когда Париж был охвачен пожаром начавшейся Великой французской буржуазной революции, когда сокрушали стены Бастилии, когда пробил смертный час монархии и рождалась республика.

Жильбер Ромм преобразился. Он сразу же окунулся в самую гущу развивавшихся событий, и вскоре его уже видели в числе видных, самых левых якобинцев. Влияние его на молодого Строганова было столь большим, что месье Жильбер увлек и юного графа в революционное движение. Трудно себе представить, но это было именно так: граф, один из первых богачей России, под безраздельную власть которого после смерти отца должны были перейти десятки тысяч крепостных рабов, владелец громадных земель, становится членом якобинского клуба, основателем и хранителем его библиотеки. Вместе с Роммом он присутствует на заседаниях Национального собрания. Конечно, юному графу Строганову пришлось скрыть свое настоящее имя.

Он стал называться гражданином Очером, по названию одной из местностей в строгановских вотчинах. То в форме национального гвардейца, то с фригийским колпаком на голове он появлялся на улицах кипевшего Парижа.

Неосторожность, однако, привела к разоблачению псевдонима. Умер слуга Строганова, на похоронах которого присутствовали гражданин Очер и Жильбер Ромм. В руки покойника была вложена прощальная эпитафия, подписанная обоими якобинцами, но Поль Очер поставил под ней свое настоящее имя. Хоронили слугу без священников. Разразился скандал, слухи о котором дошли до русского посла. Последовало немедленное донесение Екатерине II. Она вызвала Строганова-старшего, являвшегося одним из близких ее друзей. Разгневанная императрица приказала немедленно вернуть молодого графа в Россию. За ним был послан специальный нарочный. И гражданин Очер сдался.

А что же Воронихин? Могло статься, что Жильбер Ромм привлек бы и его в якобинский клуб. Андрей, однако, всецело увлеченный изучением архитектуры, был далек от политики. Вступив в ряды якобинцев, он, недавний вольноотпущенник, отрезал бы себе путь возвращения на родину. Остаться же во Франции было для него бесперспективной проблемой. Грустным было расставание Павла Строганова и Андрея Воронихина с Жильбером Роммом, дружба с которым оставила глубокий добрый след в памяти обоих русских. В декабре 1790 года они покинули Париж, направляясь в Петербург.

А Жильбер Ромм, ставший членом Конвента, возглавил комиссию по созданию республиканского календаря. Он, творец этого календаря, выступил перед Конвентом, рассказал о задачах и особенностях нового месяцеслова. Конвент бурно приветствовал доклад Жильбера Ромма и постановил отменить старый и ввести новый календарь,

ведший счет голов с момента уничтожения королевской власти и провозглашения республики. Жильбер Ромм изменил названия месяцев — сделал это на манер древних славян и современных ему украинцев, белорусов, поляков. Возможно, что, создавая новый календарь, вспоминал он названия, услышанные им во время путешествия по России. Древние славяне называли месяцы соответственно с явлениями в окружающей их природе: январь — сечень, февраль — лютень, апрель — цветень, май — травень и т. д. Ромм также связал новые наименования месяцев с явлениями родной ему французской природы: вандемьер — месяц сбора винограда, жерминаль — месяц прорастания, флореаль — месяц цветения...

Трагически закончил свою жизнь этот страстный революционер. После разгрома якобинцев он был брошен в тюрьму и приговорен к смертной казни на гильотине. Один из историков писал о Жильбере Ромме: *«Осужденный за то, что стоял на стороне голодного народа, он избежал казни, проткнув себе сердце карманным ножом».*

А что же стало с двумя другими обитателями строгановского дворца? Несмотря на дружбу со старшим Строгановым, Екатерина запретила его сыну, молодому графу, проживание в столице и фактически выслала его в подмосковное имение Братцево, где он пребывал до года смерти императрицы. Андрей Воронихин остался жить при старом графе на Невском.

Вскоре А. С. Строганов доверил молодому зодчему перестройку своего дворца в соответствии с новыми художественными вкусами. И если внешне дворец на углу Невского и Мойки сохранил облик, созданный еще Варфоломеем Растрелли, то в целом ряде мест внутри здания торжествует гений молодого архитектора Андрея Воронихина. В этом, по сути дела, своем первом настоящем

архитектурном дебюте Воронихин показал, что Россия обогатилась еще одним первоклассным зодчим.

В строгановском дворце сохранился лишь один зал Растрелли. Но совершенно изменился облик Арабескового и Углового залов, Минерального кабинета и, наконец, Картинной галереи. Картинная галерея, зал удлинённой формы с лоджиями в противоположных концах его, с большими ионическими колоннами, с изумительно красивым потолком, своим изяществом и тонкой отделкой вызывал чувство волнующего и радостного восхищения. Здесь находилось одно из самых богатых частных собраний произведений изобразительного искусства. Картины знаменитых живописцев эпохи Возрождения и более поздних веков являли собой подлинное пиршество для глаз.

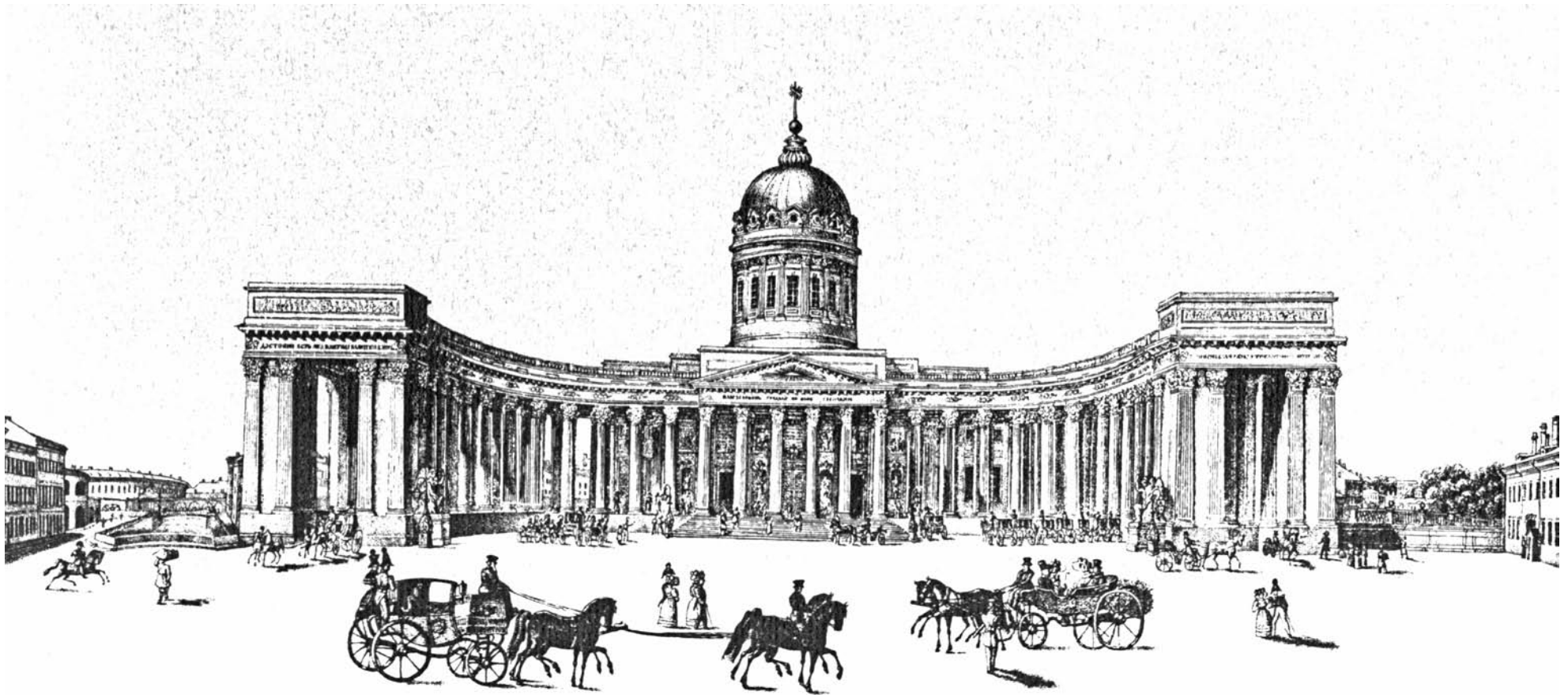
Наслаждался чарующими красками и Александр Пушкин, который бывал в строгановской картинной галерее. Поэт, по словам Н. А. Полевого, «страстно любил искусства и имел на них оригинальный взгляд». Эта знаменитая галерея существовала вплоть до Великого Октября, и в первые годы Советской власти богатства ее, ставшие достоянием народа, были переданы Государственному Эрмитажу.

Великолепно перестроил Воронихин и зал для Минерального кабинета. Строганов с увлечением собирал образцы минералов, добываемые в недрах России, в частности в его же уральских угодьях. Минеральный кабинет был устроен двухъярусным. Внизу, в первом ярусе, архитектор удачно расположил библиотеку. Это было замечательное по тем временам собрание книг по геологии, минералогии, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Сама же коллекция минералов находилась во втором ярусе. Страстный коллекционер, граф любил демонстрировать особо редкие экспонаты и лично давать необходимые объяснения.

Закончив работы по переделке строгановского дворца, Воронихин осуществил еще несколько своих архитектурных проектов. Но главные сооружения, которые доставят ему мировую славу, были еще впереди. Воронихин все это время продолжал жить во дворце.

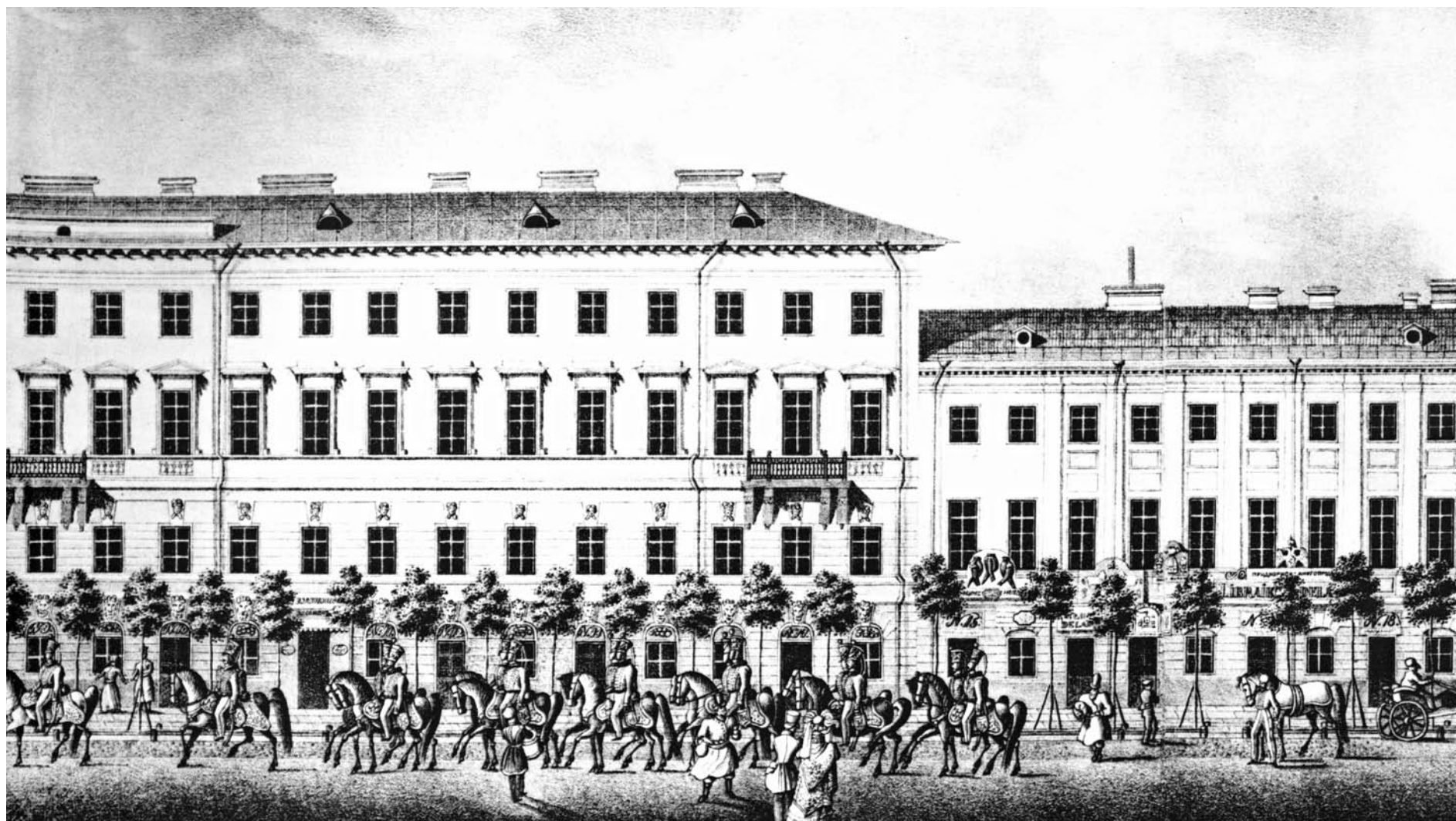
На сорок втором году он наконец нашел себе подругу

жизни. С женитьбой закончилось 22-летнее пребывание его в хоромы графа Строганова. Он переехал в один из соседних домов, находившийся здесь же, на Невском. Тут он жил и трудился над проектированием двух своих замечательнейших, творений — Казанского собора и Горного института. Но об этом — рассказ впереди.

19.

КОЛОННА — ПАМЯТНИК ЕМУ

Петр Садовников запечатлел на своей Панораме этот дом таким, каким его хорошо знал Пушкин в тридцатых годах минувшего столетия. Идя по Невскому, поэт часто заходил сюда в лавку книгопродавца Слёнина, переехавшего в дом Глазунова.

Еще какой-нибудь месяц назад мы могли видеть это старинное здание на Невском проспекте, значившееся под № 27. Сейчас на углу проспекта и канала Грибоедова зияет пустота. За многие годы своего существования угловой дом неоднократно перестраивался. Силами ленинградских архитекторов и строителей его восстановят теперь в первоначальном виде.

Дом этот появился у Казанского моста еще в XVIII веке. Он дорог нам еще и потому, что здесь жил в годы строительства одного из примечательнейших сооружений нашего города — Казанского собора его создатель, славный русский зодчий Андрей Никифорович Воронихин.

Чуть ли не из окна своего жилища архитектор мог обозревать строительную площадку. Воронихин ежедневно появлялся на ней. Зачастую сопровождал Строганова, бывшего в то время президентом Академии художеств. Строганов всецело доверял своему любимцу, чей проект Казанского собора отстоял перед Павлом I и добился его утверждения в Академии художеств. Настоял он и на более регулярном финансировании грандиозной стройки, которое до этого протекало с перебоями.

В новой квартире из года в год увеличивалось семейство архитектора. Здесь родились шесть его сыновей, из которых двое умерли в самом раннем детстве. Остальные пережили отца, хотя век их был короток. Александр и Павел скончались в возрасте тридцати лет, Владимир — двадцати, и лишь самый младший, Константин, умер на шестидесятом году.

Был у Андрея Никифоровича еще брат Илья, способный живописец. Двое его сыновей окончили Академию художеств. Один из племянников проживал в семье Воронихина. Известно также, что зодчий приютил у себя еще одного способного юношу, обучавшегося в академии.

В доме было шумно и весело. Доброму по натуре Воронихину по душе была детская возня. Она отвлекала от невзгод и забот.

У известного зодчего было немало друзей. Но оказывались и завистники, и недоброжелатели. А были и такие, которые просто не хотели понять новаторских архитектурных приемов Воронихина.

Среди этих «сомневающихся» оказался прославленный строитель Таврического дворца Иван Егорович Старов. Как опытный архитектор он был назначен для надзора за качеством строительных работ возводимого собора.

В наше время строители располагают многими пособиями со множеством всевозможных формул, позволяющими произвести наиточнейшие расчеты конструкций, их веса и размеров. Тогда же архитектор зачастую действовал на свой страх и риск, руководствуясь собственным опытом или же опытом сотоварищей по профессии. Строили с большим запасом прочности, стены зданий воздвигали излишне толстыми, увеличивали более, чем требовалось, количество опорных элементов... Так проектировал и почтенный Иван Егорович Старов, с чьим мнением считались и чье слово по архитектурной части было чуть ли не законом.

И случилось так, что никто иной, как Старов, официально надзирающий за качеством строительства, выразил свои сомнения по отдельным частям воронихинского проекта. Он утверждал, что части, поддерживающие купол собора, не выдержат его тяжести: купол в конце концов рухнет! Далее Иван Егорович усомнился и в перемычках над двумя

проездами по обеим сторонам грандиозной колоннады: слишком тяжелы перемычки, и они также грозят обвалом.

Какие доказательства в своей правоте мог Воронихин представить? Андрей Никифорович приводил примеры из архитектурной практики других выдающихся строителей. Он указывал на различные пользовавшиеся всемирной известностью сооружения в городах Европы. Некоторые из этих архитектурных уникалов Андрей Никифорович видел во время зарубежных путешествий. Но Иван Егорович и слушать ничего не хотел...

Время шло, строительство затормозилось, спор между двумя зодчими надо было наконец как-то разрешить. В большом затруднении оказался президент Академии художеств А. С. Строганов, являвшийся «первоприсутствующим в комиссии по строению собора». Он глубоко верил в правоту доводов Воронихина, но это надо было доказать и другим членам комиссии, и не только им. Чисто словесной дискуссией упряма Старова не сломить... Доказательство должно быть очевидным.

Наконец, был придуман технический эксперимент, в удачном исходе которого Андрей Никифорович не сомневался. Решено было построить модель одного из боковых проездов колоннады. Модель! Правда, для ее габаритов это не совсем точное слово. Ведь возвели сооружение размером в одну треть натуральной величины и из тех же материалов, из которых предполагалось строить настоящий проезд. Но при этом тяжесть перемычки значительно увеличили. Стали наблюдать: что же произойдет? Миновал установленный срок контрольных наблюдений — никаких изменений. Но эксперимент на этом не оборвали. Добавляя вес, начали увеличивать нагрузку... Снова внимательно наблюдали, и опять перемычка в течение четырнадцати месяцев оставалась неизменной. И вот

последняя стадия опыта: решено было увеличивать нагрузки до того момента, покуда не произойдет обвала. Обвала так и не произошло. Первая трещина наметилась лишь тогда, когда вес нагрузки превысил в девять раз вес внутренних укреплений, употребленных для построения перемычки.

Победа была за новаторскими приемами Андрея Воронихина. Против явной ее очевидности Иван Егорович Старов больше спорить не стал. В конце концов, оставаясь верным своим принципам, он должен был преклониться перед убедительным опытом. Минуло более ста шестидесяти лет со дня окончания строительства знаменитой колоннады, и боковые ее проезды высятся незыблемо как памятник смелым расчетам Андрея Воронихина.

Здесь, в доме Глазунова, были, очевидно, набросаны Воронихиным первые проектные эскизы другого здания, умножившего его славу. Собор все еще строился, когда Андрею Никифоровичу поручили возвести здание для старейшего в России высшего технического учебного заведения — нынешнего Горного института имени Г. В. Плеханова. Вначале институт располагался в нескольких небольших домах, стоявших между 21-й и 22-й линиями Васильевского острова. Зодчий нашел способ свести их воедино, и, достроив, создал величественное здание с грандиозным двенадцатиколонным портиком и продолговатым фронтоном.

Когда приближаешься к нашему городу со стороны моря, то высящийся в устье Невы Горный институт чудится видением древней Эллады. Освещенный солнечными лучами стройный ряд двенадцати дорических колонн отражается в зеркале реки, и кажется, что Горный парит в легкой дымке, повисшей над Невой...

Незаурядный художник, удостоенный в свое время звания академика перспективной живописи, Воронихин

отдыхал порой от повседневных забот, проводя короткие часы за мольбертом. До нас дошло, к сожалению, мало его живописных работ, но одна из них — великолепное

полотно, на котором Андрей Никифорович запечатлел им же созданную знаменитую Картинную галерею строгановского дворца, хранится в Государственном Русском музее.

Были, конечно, у Воронихина верные помощники, но все же многим ему приходилось заниматься самому. Часто общался он со скульпторами, выполнявшими заказы для украшения собора. Встречался он нередко и с «литейных и чеканных дел мастером», непревзойдённым по своему изумительному искусству Василием Екимовым. Достиг он в своем деле, можно сказать, совершенства. Целый ряд выдающихся памятников, в том числе Минину и Пожарскому в Москве, Суворову в нашем городе, полководцам Двенадцатого года и другие, — это дело золотых рук Екимова и его учеников. Кстати, литейному искусству у него научился будущий создатель бронзовых коней на Аничковом мосту ваятель Петр Клодт.

Для собора Екимов отлил копию знаменитых дверей, выполненных прославленным мастером эпохи Возрождения Лоренцо Гиберти для флорентийского баптистерия. Эти двери за их необыкновенную красоту Микеланджело назвал «вратами рая». Отливку «врат» Екимов произвел столь превосходно, что она даже не потребовала дополнительной чеканки.

Недалеко от квартиры Воронихина, на одной из ближних улиц, готовили колонны для собора. Работу эту выполняла артель другого умельца, «колонных дел мастера» Самсона Ксенофонтовича Суханова. Столпы для колоннад готовились из так называемого пудожского камня, добывавшегося в залежах близ Гатчины, около деревин Пудость.

Когда камень откалывали от залежи, он был настолько податлив в обработке, что его можно было даже пилить. Но разве можно было употребить столь мягкий материал для целого леса столпов грандиозной колоннады, которая

должна стоять не сама по себе, а служить опорой перекрытиям огромной тяжести? Пудожский камень имел «секрет». Вынутый из земли, он действительно был мягким, но, побыв некоторое время на воздухе, обретал крепость, с годами увеличивавшуюся. Ведь стоят колонны уже более полутора веков, и пудожский камень не подвел...

Под конец жизни Воронихин расстался с домом Глазунова на Невском, переехав на казенную квартиру, предоставленную ему Академией художеств как старшему профессору архитектуры, руководителю архитектурного класса, назначенному на эту должность после смерти Андрея Захарова. Но недолго пробыл в этой должности Андрей Никифорович. 21 февраля 1814 года в постановлении совета Академии художеств было начертано: *«Старшего профессора архитектуры, надворного советника г. Воронихина, сего 21 числа волею божьей от апоплексического удара скончавшегося, из списков академии исключить».*

Прожил он всего лишь пятьдесят четыре года. Могилу его и сегодня можно видеть в Александро-Невской лавре, в некрополе XVIII века. С севера на юг пересекает это старинное кладбище «Дорожка мастеров искусств». Почти у самого начала ее высится надмогильный памятник зодчему Воронихину. Создал его известный ваятель В. Демут-Малиновский в виде столь любимой зодчим колонны из красного гранита. На вершине ее фигура крылатого гения с глобусом и маской — эмблемами науки и художеств. Колонна пересечена блоком (рустом) из светлого мрамора. На одной из сторон блока — барельефное изображение собора с его всемирно прославленной колоннадой.

Надгробие А. Н. Воронихина.
В. И. Демут-Малиновский
Фото 1963 г.

20.

ТВОЙ СТРОГИЙ, СТРОЙНЫЙ ВИД

Глядя на садовниковскую Панораму, мы смотрим на старый Невский проспект глазами Пушкина. И каждый раз, обозревая отдельные ее фрагменты, невольно спрашиваем: сегодня, в семидесятых годах XX века, такие ли они? Недавно мы с вами стояли перед величавым зданием бывшего Александринского театра. Густо разросшийся сквер и памятник Екатерине II скрывают теперь от нас фасад этого изумительного сооружения. В конце нашего путешествия мы приблизимся к знаменитому Захаровскому Адмиралтейству. На Панораме мы видим его открытый прекрасный фасад. Теперь же и он скрыт зеленой стеной сада, посаженного здесь еще в минувшем веке. Власть имущие и поддакивавшие им «отцы города» не посчитались с замыслами знаменитых зодчих, создававших эти всемирно известные шедевры. Повезло лишь великому творению Андрея Воронихина — Казанскому собору, этой драгоценнейшей жемчужине в сокровищнице русской архитектуры. Площадь перед собором осталась свободной, открывая широкий вид на торжественно строгие очертания поистине царственной колоннады, обращенной к главной артерии нашего города.

По установившимся традициям культового строительства, алтарь в христианском храме всегда должен находиться на его восточной стороне. Главный вход — против алтаря, на западной стороне. Отступить от этого правила Воронихин никак не мог. Не знающие этой архитектурной традиции полагают что главный вход в Казанский собор находится со стороны Невского. Однако это совсем не так. Он расположен со стороны улицы Плеханова. На Невский собор выходит одной из своих боковых сторон.

И Воронихин решает: каноны церковной архитектуры будут соблюдены. Но он мыслит себя не только архитектором храма, а прежде всего и больше того — градостроителем. И боковая сторона собора украшается колоннадой, какой еще не знала Россия. 96 столпов, полукругом обнимающие

площадь, сливающуюся с Невским проспектом, — это подлинный гимн колоннам. Изучивший законы античной архитектуры, приемы древних зодчих, Воронихин точными расчетами добивается идеальной гармонии в задуманной им величественной колоннаде. Какой, например, должна быть ее высота? Воронихин измеряет диаметр полукруглой площади. По законам древних зодчих, высота колоннады должна равняться четверти этого диаметра. И точно так же в своем проекте определяет ее высоту.

Много поработала артель уже упоминавшегося Самсона Суханова над вырубкой и отделкой колонн. Не только наружная колоннада, но и пятьдесят шесть колонн из красного гранита внутри собора — это подлинный творческий триумф русских каменотесов. Это триумф многих других умельцев, воплощавших новаторские замыслы смелого в своих приемах талантливого зодчего. Это они соорудили первый в мире металлический купол, использовав для этого конструкции из кованого железа. Вес купола, внутренний диаметр которого превышает семнадцать метров, устроил наблюдавшего за строительством прославленного зодчего Ивана Егоровича Старова, докладывавшего, что опоры, предложенные Воронихиным, не выдержат его тяжести и произойдет несчастье. Но расчет Воронихина был предельно точен, а труд рабочих-строителей был безупречным — купол и поныне нерушимо высится над собором.

В начале текущего столетия журнал «Исторический вестник» опубликовал воспоминания одного из иностранных путешественников, посетившего русскую столицу в начале XIX века и наблюдавшего, как воздвигался Казанский собор. Автор воспоминаний видывал, как трудятся немецкие, итальянские, французские строители. Но то, что он увидел на площадке в центральной части Невского проспекта, поразило его: *«Им, этим простым мужикам, в рваных полушубках, не нужно было прибегать к различным измерительным*

инструментам: пытливо взглянув на указанный им план или модель, они точно и изящно их копировали. Глазомер этих людей чрезвычайно точен. С окончанием постройки торопились; несмотря на зимнее время и 13—15° мороза, работы продолжались даже ночью; крепко зажав кольцо фонаря зубами, эти изумительные работники, забравшись наверх лесов, старательно исполняли свое дело. Способность даже простых русских в технике изящных искусств поразительна».

Одного не сказал иноземец — как тяжел был труд «простых мужиков». Не сказал, что собор воздвигала армия крепостных, бесправных людей. Не заметил того, как жили эти талантливые невольники. В четыре часа утра протяжно звучал над Невским сигнальный колокол. Начинался рабочий день, длившийся до девяти часов вечера, а когда подпирали сроки, то и долее. И без того мизерная оплата труда часто задерживалась. Режим на стройке иначе как каторжным нельзя было назвать. Здесь господствовала жестокая система штрафов и наказания за малейшее нарушение трудовой дисциплины. А если кто-либо пытался протестовать, защитить самые элементарные права — того ждали плети, застенки, нашейные рогатки.

Сохранился архивный документ, представляющий собой жалобу двух рабочих—строителей! собора Чобыкина и Мохнаткина, адресованную на имя оберполицмейстера. Обсчитанные и обманутые подрядчиком, рабочие возмутились. В ответ подрядчик отнял паспорта и взял «бунтовщиков» под караул «с наложением ошейных железных рогаток», неоднократно приказывал подручным избивать задержанных и всячески издевался над ними. Жалоба поступила к оберполицмейстеру, но управы над подрядчиком не последовало...

Беззастенчивым грабителем оказался и сам Самсон Суханов. Вологодский крестьянин, талантливый самоучка,

испытывавший немало горестей в ранние годы своей трудовой жизни, он, сколотив деньгу, превратился в купца и подрядчика и позабыл обо всем пережитом. Нещадно эксплуатируя тружеников своей артели, он не раз обращался к полицейским властям, требуя наказать непокорных. В конце концов судьба жестоко отомстила ему — от капиталов не осталось и следа, и позабытый «колонных дел мастер» умер в полной нищете.

В сооружении собора слилось воедино творчество мастеров различных искусств — архитектуры, ваяния, живописи. Не без чувства национальной гордости один из современников писал, что на сооружение сего храма употреблено единственно то, чем изобилует и славится Россия. Все материалы заимствованы из недр отечества, и все мастерства произведены искусством и рукою отечественных художников».

Незадолго до смерти Воронихину довелось увидеть свое творение превращенным в величественный памятник русской военной славы. В самые последние дни декабря 1812 года «отрядами кавалергардского и лейб-гвардии Конного полков препровождены были в Казанский собор вновь присланные сюда из армии трофеи, состоящие из отбитых у неприятеля, при поражениях его, двадцати семи французских и других знамен и штандартов», — сообщала газета «Северная почта». Такие трофеи во множестве продолжали поступать сюда.

Полгода спустя, 11 июня 1813 года, для погребения в соборе в Петербург доставили гроб с телом умершего в заграничном походе фельдмаршала Кутузова. Хоронил полководца весь Петербург. Прах Кутузова встретили на границе города. Лошадей выпрягли, и траурную колесницу до самого собора, сменяя друг друга, везли люди. Заранее был определен маршрут следования процессии, и улицы города были усыпаны зеленью и цветами.

Будущему декабристу поэту Кондратию Рылееву

было во время похорон Кутузова восемнадцать лет. Взволнованный картиной народного горя, он написал стихи «Любовь к отчизне», предсказывая вечную неувядаемую славу победителю Бонапарта:

**Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,
И бич, и ужас всех французов.
Скончался телом ты, Кутузов,
Но будешь вечно жив, герой.**

Пушкину, учившемуся в Царскосельском лицее, исполнилось тогда четырнадцать лет. Еще не расцвела его поэтическая муза. Но пройдет время, поэт явится под своды собора и, склонив голову, в почтительном молчании встанет «перед гробницею святой».

Здесь царит торжественная тишина. Величественная архитектура собора, парад развешанных трофейных знамен, ключи от взятых русскими воинами городов и крепостей — в эти мгновения все отступает на задний план. Чувства Пушкина сосредоточены лишь на одном Кутузове, которому он посвящает свои известные стихи:

**В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године.
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал —
и спас...**

На Панораме Садовникова мы не видим двух бронзовых монументов полководцам Двенадцатого года. Пройдет около двух лет после издания Панорамы, и на полукруглой площади строго против боковых проездов колоннады появятся два

замечательных памятника героям Отечественной войны — Кутузову и Барклаю де Толли. Не довелось на открытии этих национальных монументов присутствовать Пушкину, как и не пришлось быть на этом памятном торжестве Борису Орловскому, изваявшему фигуры полководцев, и Василию Екимову, отлившему эти грандиозные памятники. Жизнь всех троих оборвалась в том печальном 1837 году, причем Борис Орловский умер буквально за девять дней до открытия монументов.

Но если Пушкин не успел увидеть бронзовых Кутузова и Барклая установленными на гранитные пьедесталы, то незадолго до своей гибели они все же предстали перед поэтом, правда, не в металле, а в гипсе. Пушкин, придя в Академию художеств, посетил мастерскую Орловского, выдающегося скульптора, такого же крепостного, каким был и Воронихин, и получившего вольную лишь в двадцать девять лет.

Поэт восторгался изваяниями Орловского, поражался портретному сходству (ведь скульптор создавал монументы, когда прославленных полководцев уже не было в живых, и он пользовался для своей работы их плоскостными изображениями — акварелями, рисунками и живописью). Глядя сегодня на памятники перед собором, мы уверены, что по высоте они одинаковы. Но это не так: монумент Барклаю де Толли несколько выше памятника Кутузову. И действительно, Кутузов в жизни был немного ниже де Толли. Даже это учел скульптор, добиваясь полнейшей достоверности в изображениях героев Двенадцатого года.

Но Пушкин более всего восторгался тем, как глубоко и талантливо Орловский передал внутреннюю сущность каждого из военачальников, как сумел тонко выразить ту роль, которую каждый из них сыграл в войне против Бонапарта. Барклай, вынужденный в первый период войны отступать, чтобы сохранить армию, стоит в выжидательной,

задумчивом, позе. Кутузов — сама решимость, сам порыв, боевой клич — вперед, вперед на разгром наполеоновских полчищ. Глубокое впечатление произвели гипсовые статуи на поэта, вдохновившие его посвятить Орловскому строки стихотворения «Художнику»:

**Грустен и весел вхожу, ваятель,
в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор
послушен тебе...
Здесь зачинатель Барклай,
а здесь совершитель Кутузов.**

Как известно, Воронихин, проектируя собор, мыслил создание не одной, а двух колоннад. Вторая, подобная выходящей на Невский, должна была быть сооружена против южной стороны собора. Но этот замысел так и остался лишь в проекте. Одним из последних созданий великого зодчего явилась знаменитая решетка, сохранившаяся до наших дней на улице Плеханова против собора.

Город наш с его многочисленными оградами, решетками, перилами славится как одни из самых лучших в мире музеев «чугунного кружева». Почти двести лет «королевой решеток» считают знаменитую ограду Летнего сада. Воронихинская решетка почти не уступает ей и является достойной соперницей фельтеновской ограде. Более того, некоторые искусствоведы считают «чугунное кружево» Воронихина даже более красивым, чем у Фельтена. Длина решетки против Казанского собора превышает полтора метра. Ее остов — четырнадцать гранитных круглых столбов. Вдохновение зодчего родило прекрасный рисунок ограды. Поражаешься волшебному искусству наших мастеров, сумевших эту чудесную решетку-сказку воплотить в жизнь. Можно подолгу стоять около нее и с гордостью думать о том, какое диво дивное могли создать руки рядовых умельцев...

21.

«ДОМ С КОЛОННАМИ»

Из всех жилых, здании, запечатленных Василием Садовниковым на Панораме, этот дом особо выделяется своим пышным фасадом. Высится он и сегодня — словно огромный каменный полуостров, омываемый всегда многолюдными потоками Невского, улицы Герцена и набережной Мойки. Центральная часть его, выходящая на Невский (дом № 15), — одна из наиболее старых на главной магистрали города. Возраст ее — двести лет, и она более других домов сохранила свои внешние первозданные черты русского раннего классицизма. Кто был автором проекта этого прекрасного здания? Увы, это остается до сих пор загадкой.

В летопись Невского оно вошло под названием «Дом с колоннами». Стройные столпы в центре и по углам двумя ярусами украшают и по сей день молодо выглядящего ветерана.

Было у него много хозяев, но во времена Садовникова владел «Домом с колоннами» «именитый мещанин» Андрей Иванович Косиковский. Это был очень богатый человек. Капиталы свои, как свидетельствуют документы, он составил, злоупотребляя на казенных поставках и «недозволенных операциях» с хлебом. В конце восемнадцатого столетия к «Дому с колоннами» пристроили трехэтажный корпус по набережной Мойки (позднее здесь появился и четвертый этаж). Косиковский в свою очередь пристроил со стороны Большой Морской (ныне ул. Герцена, 14) еще один корпус, по красоте своей не уступающий центральной части. Воздвигался он в 1810-х годах по проекту зодчего Василия Стасова. Особенно хороши возвышающиеся друг над другом двенадцать конических колонн, украшающих центр фасада нового корпуса.

Дом Косиковского увековечен Пушкиным в первой главе «Евгения Онегина»:

**«Пади, пади!», раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.**

Именно здесь находился известный в Петербурге ресторан, содержанием которого был француз Пьер Талон. Это популярное заведение просуществовало до 1825 года, когда весной в столичных газетах появилось сообщение о предстоящем отъезде за границу «Петра Талона, повара, французского подданного из Парижа».

В этом же доме в двадцатых годах минувшего века находилась «Контора частных должностей», своеобразная биржа труда. В поисках работы здесь толпились люди всевозможных профессий, и среди них немало иностранцев, приехавших в Россию искать счастья: учителя из славившейся своими педагогами Швейцарии, танцмейстеры из Франции, жокеи из Англии... Контора объявляла, что может поставить «гувернеров, дядек, архитекторов, художников, музыкантов, певчих, механиков, граверов, врачей, дантистов, костоправов, бухгалтеров, переводчиков, мастеров книгопечатания, поверенных, компаньонов, повивальных бабок...» Конечно, как нанимающийся, так и нанимающий должны были платить за услуги. Обращаясь в контору, ищущий работу должен был сразу же уплатить полпроцента с требуемой им годовой заработной платы, а наниматель вносил один процент. Когда заключался договор, нанимающийся вносил дополнительно еще два, а работодатель — три процента.

В одном из этажей дома Косиковского жил известный реакционный литератор и издатель Н. Н. Греч. Здесь же помещалась и его издательская контора. Летом 1825 года, незадолго до восстания на Сенатской площади, у

Греча в качестве сотрудника поселился один из близких лицейских друзей Пушкина — Вильгельм Кюхельбекер. На первый взгляд, могло показаться странным, что страстный вольнодумец Кюхельбекер поступил на службу к Гречу и его сотоварищу Булгарину. Только жестокая нужда могла заставить этого часто голодного человека согласиться на предложенную должность. Одна из современниц, близко знавшая Кюхлю, писала, что *«у этого бедного молодого человека нет решительно ничего»*.

Поступив к Гречу, Кюхельбекер 10 июня 1825 года писал: *«Я вошел в компанию теперь с Гречем и Булгариным — некогда моими личными противниками, живу вместе с Гречем в доме Косиковского на Большой Морской... Я занимаюсь редактированием наших журналов...»*

Но уже пять дней спустя Кюхельбекер понял, что его сотрудничество с этими издателями невозможно. И он пишет тогда в очередном своем письме, что намерен вскоре «оставить квартиру Греча».

В середине марта 1828 года в Петербург приехал Александр Сергеевич Грибоедов. Поселился он тогда на Мойке, в номерах у Демута. Вскоре снял он квартиру в доме Косиковского, в корпусе, выходившем на Большую Морскую. В конце апреля Николай I назначил его полномочным министром-резидентом в Тегеран. Хотя это был и высокий пост, но он мало обрадовал Грибоедова. Новая должность и Персия, куда он должен был скоро направиться, мало привлекали Александра Сергеевича.

Квартира его на Большой Морской была обставлена весьма скромно и просто. Как свидетельствуют современники, самым богатым украшением жилища был рояль. Как известно, А. С. Грибоедов был страстным музыкантом. В свое время он даже изучал теорию музыки. Играл на флейте, но стихией этого многогранного художника было фортепиано. Часами

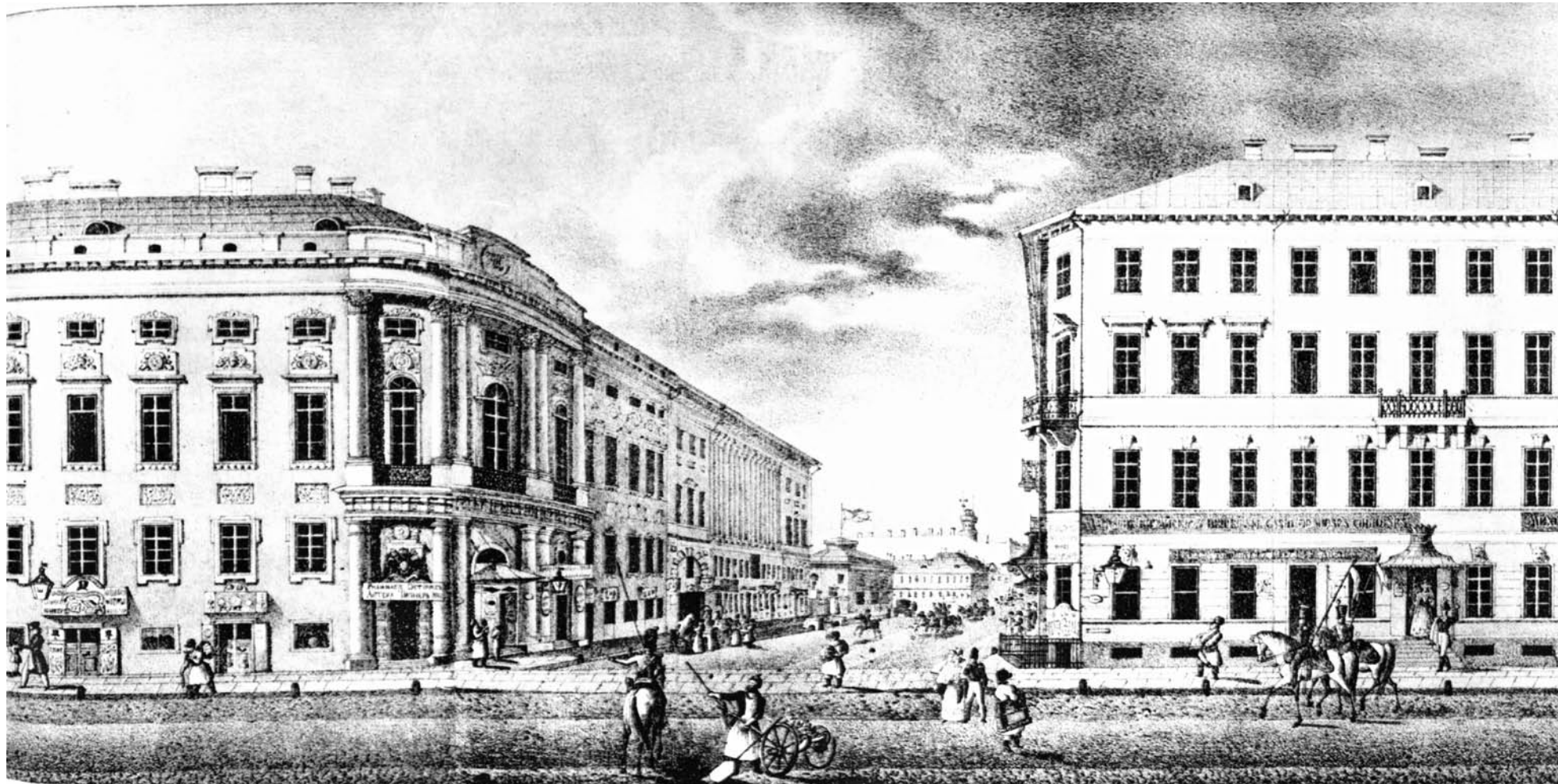
мог он сидеть за инструментом. Тонкое проникновение в творчество Гайдна, Моцарта, Бетховена и особенно высокая фортепианная техника неизменно вызывали восхищение слушавших музыку этого незаурядного пианиста. Глинка назвал его «очень хорошим музыкантом». Грибоедов был не чужд и композиции. До нас дошли два его мелодичных вальса для фортепиано.

Но и за роялем Грибоедов не находил утешения. День за днем неумолимо приближали время отъезда. И чем ближе был этот час, тем тоскливее становилось на душе невольного царского дипломата.

— Там моя могила... Чувствую, что не увижу более России, — с грустью говорил он навещавшим его друзьям...

В «Доме с колоннами» многие годы находилась одна из самых известных в Петербурге типографий Адольфа Плюшара. Еще в начале девятнадцатого века отец его, Александр Плюшар, печатных дел мастер высокого масса, был приглашен царским правительством в Петербург для устройства типографии, предназначенной для выпуска в свет книг и других изданий на французском языке. Такая типография была открыта Плюшаром. Пополнив свое шрифтовое хозяйство русскими литерами, предприимчивый типограф начал печатать книги и на русском языке. После смерти Александра Плюшара во владение одним из крупнейших столичных полиграфических заведений вступил его сын Адольф.

Наследник еще более расширил дело, основанное отцом. Вскоре он становится известным не только как типограф, но и как издатель. Пушкин был хорошо знаком с Плюшаром. В 1831 году в его типографии были впервые напечатаны незадолго до этого написанные поэтом в знаменитую болдинскую осень «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Как известно, Пушкин с большой

требовательностью относился к оформлению своих изданий. Поэта близко интересовало, как будет выглядеть титульный лист, каким шрифтом будет набран текст. Противник вычурности, он требовал простого и строгого полиграфического оформления своих произведений.

В типографии Плюшара работали высококвалифицированные словолитчики. Они перелили устаревшие шрифты на более современные, отвечающие художественным вкусам времени.

У Плюшара книгопродавец и издатель Александр

Филиппович Смирдин напечатал «Новоселье», знаменитый альманах, составленный из произведений русских писателей и поэтов, подаренных ему по случаю переезда его книжной лавки на Невский проспект. В «Новоселье» среди других впервые была напечатана поэма Пушкина «Домик в Коломне».

В тридцатых годах Плюшар задумал издать «Энциклопедический лексикон», одну из первых русских энциклопедий. Издатель не пошел по ложному пути — выпустить в свет перевод какой-либо из существовавших уже

в Западной Европе энциклопедий. Решено было пригласить для участия в новом издании видных русских литераторов и ученых. Пригласили и Пушкина, который приветствовал идею выпуска русской энциклопедии. Вначале поэт было и дал согласие на участие в «Лексиконе», но, узнав, что в числе сотрудников названы Булгарин, Сенковский и Греч, — причем последний значился как руководящее лицо в новом издании, — Пушкин отказался от сотрудничества.

Участь «Энциклопедического лексикона» оказалась довольно печальной. Издание было рассчитано на двадцать четыре тома. Вышло в свет всего лишь семнадцать книг. Господа Греч и компания широко размахнулись, пренебрегая краткостью и лаконичностью энциклопедических статей и других сообщений. В шестнадцатом томе публиковались материалы на букву «Д». На все остальные буквы таким образом оставалось всего лишь восемь книг. Есть свидетельство, что планировалось увеличение издания до сорока томов. Но раздоры, возникшие в компании Греча, плохое финансовое положение самого Адольфа Плюшара привели к тому, что издание первой русской энциклопедии на семнадцатом томе оборвалось и в дальнейшем так и не было завершено.

У Плюшара издавал свои произведения и Николай Васильевич Гоголь.

В 1828 году петербургский читатель получил отпечатанную в типографии Плюшара книгу под заглавием «Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах». Автор произведения В. Алов не был известен читающей публике. Никто не знал, что под фамилией Алова дебютирует будущий знаменитый русский писатель. Несмотря на то, что в

предисловии «Ганц» назывался «созданием юного таланта», увы, он не раскупался.

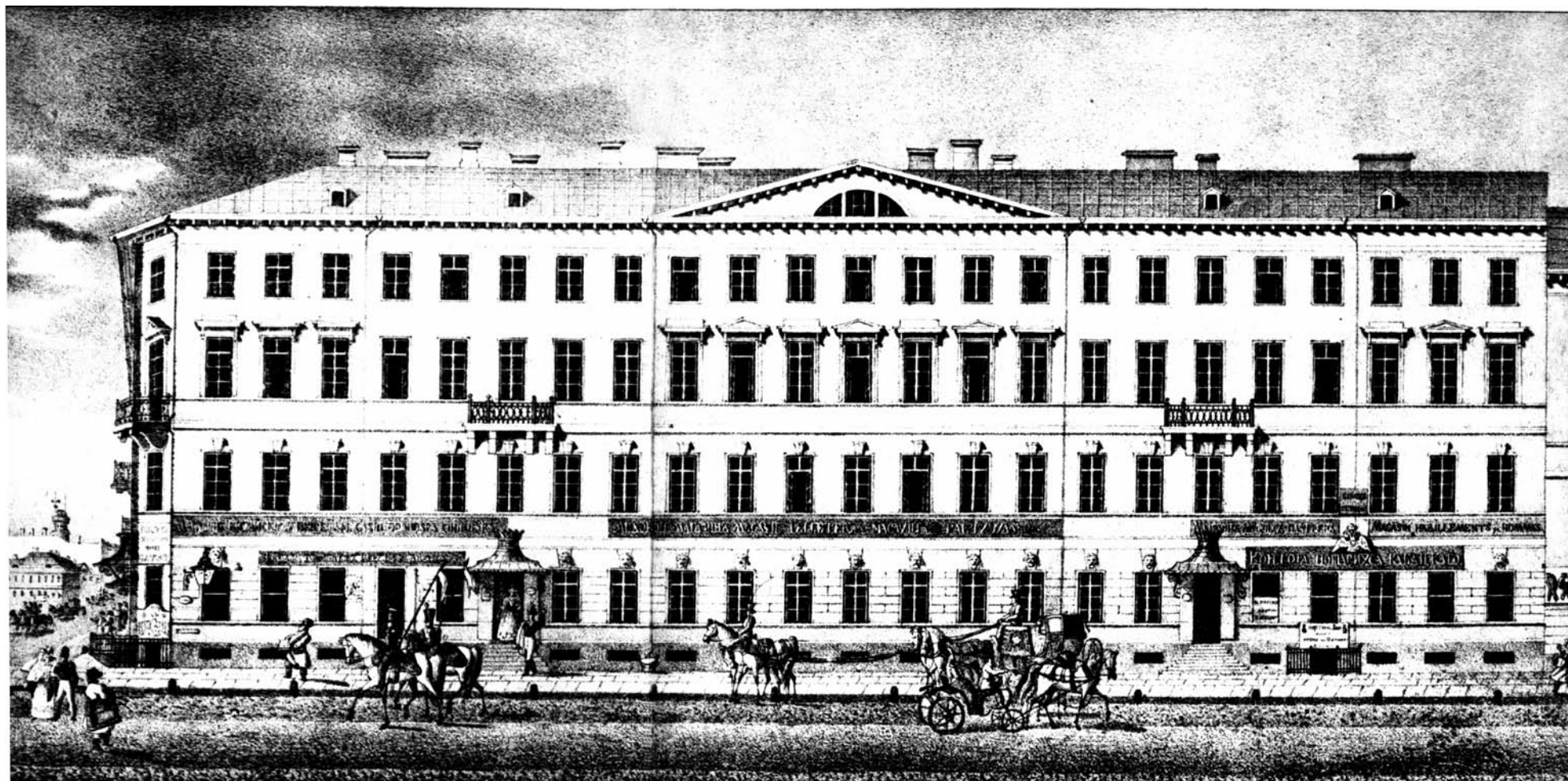
В 1835 году, в том самом, когда полностью в свет вышла садовниковская Панорама Невского проспекта, Плюшар завершил выпуск «Арабесок» Гоголя. В этом сборнике впервые был напечатан его знаменитый «Невский проспект». Так случилось, что почти одновременно центральный проспект Санкт-Петербурга оказался запечатленным пером великого мастера художественного слова и кистью замечательного рисовальщика Василия Садовникова.

Справа, на самом краю воспроизводимого сегодня фрагмента Панорамы, виднеется небольшое деревянное здание с флагом, развевающимся на маленькой башенке. Дом этот был известен на берегах Невы под названием «Ротонда». Она была весьма популярна в царской столице, здесь демонстрировалась Панорама госпожи Латур, собиравшая немалое количество любопытных до диковинных зрелищ. Тут показывали виды разных городов, ландшафтов. В «Ротонде» предприимчивые иностранцы демонстрировали и космораму, картину ночного неба, и так называемый «Театр света», зародыш будущего кинематографа. В периоды отсутствия подобных аттракционов зал «Ротонды» арендовали для проведения аукционов. Одно время здесь помещался «Физионотип Соважа». Господин Соваж изобрел новый способ снимать маску с живого лица. И, рекламируя свой оригинальный метод, приглашал почтенную публику посетить его заведение, где желающие могли получить за вознаграждение рельефное изображение своей физиономии.

22.

«ДУЭЛЬ ЧЕТЫРЕХ»

В самом начале минувшего столетия богатые купцы Чаплины построили на углу Большой Морской (ныне ул. Герцена) и Невского доходный дом (ныне № 13), сохранивший свой облик до наших дней почти без всяких переделок. С этим зданием связано событие, ярко характеризующее нравы и дикie обычаи в среде господствовавшего тогда в стране «благородного» дворянского сословия. Событие это — «дуэль четырех» — взволновало едва ли не весь Петербург.

Сколько тысяч молодых жизней — зачастую высокоодаренных людей — было загублено на дуэлях. Поединок, являвшийся не чем иным, как кровавой местью-расправой, был перенят русским дворянством от таких же «благородных» в Западной Европе. Малейший, даже самый незначительный повод мог служить причиной вызова на дуэль. Ложное кастовое понятие о чести, защите ее в кровавой схватке — в этом видели способ выделить дворянство от прочих низких сословий. В косом взгляде, в случайно оброненном слове, в недоказанной сплетне, в споре, возникшем за карточным столом, — во всем этом видели оскорбление чести. У дуэльного барьера дрались зачастую крепостники, торговавшие людьми, разлучавшие крестьянские семьи, засекавшие на конюшнях до смерти своих рабов, утопавшие в роскоши за их счет, их подневольного труда, барсы, проводившие жизнь в беспутстве к безделью... И все эти их деяния вовсе не считались бесчестьем.

Петр I резко отрицательно относился к дуэльному разрешению возникавших споров, наносившему немалый вред, вырывая порой из жизни храбрых офицеров, а также разных специалистов, в которых остро нуждалась Россия. Недаром одна из статей изданного при Петре воинского артикула гласила:

**«Все вызовы, драки и поединки через сие
настрожайше запрещаются таким образом, чтобы**

никто, хотя б кто он ни был, высокого или низкого чина, прирожденный здешний или иноземец, хотя другой кто словом, делом, знаками или иным чем побужден и раззадорен был, отнюдь не дерзал соперника своего вызывать, ниже на поединке с ним на пистолетах или на шпагах биться. Кто против сего учинит, оный всеконечно как вызыватель, так и кто выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя из них будет ранен или умерщвлен или хотя оба не ранены от того отойдут. И ежели случится, что оба или один из них в таком поединке останется (т. е. будет убит), то их и по смерти за ноги повесить».

Примечательно, что эта статья артикула имела силу и в тридцатых годах XIX века, т. е. во времена Пушкина. Но если при Петре она была по-настоящему грозной и сдерживавшей разгоравшиеся страсти, то век спустя эти законы полностью почти не применялись. Более того, не раз бывало, что дуэли провоцировались как раз теми людьми, кто должен был стоять на страже закона. Делалось это с целью расправиться с ненавистным, неугодным особо влиятельным лицам человеком. Известно, например, что Бенкендорф знал о месте, где должны были стреляться Пушкин и Дантес, и он не только мог, но и обязан был предотвратить дуэль. Но Бенкендорф якобы «по ошибке» направил жандармов не на Черную речку, а в Екатерингоф, в совершенно противоположную сторону.

Особо частыми стали дуэли в первой трети XIX столетия. В так называемом «высшем обществе» были и такие, для которых участие в кровавых поединках становилось чуть ли не «профессией». Таким был, например, Федор Толстой («американец»). О нем следует рассказать особо, так как некоторые черты этого человека Пушкин запечатлел в образе Зарецкого, секунданта на дуэли Ленского с Онегиным.

Федор Толстой, человек, несомненно, умный и даже талантливый, был одновременно завзятым кутилой, неисправимым картежником, бреттером, отчаянным задирой. Имел он прозвища «американца» и «алеута». Участвуя в кругосветном плавании под командованием адмирала Крузенштерна, выделялся из ряда выходящими недисциплинированностью и буйным поведением. Так как Толстой не поддавался никаким увещаниям и другим воздействиям, адмирал Крузенштерн решился на крайнюю меру. Толстой был высажен на берег одного из Алеутских островов, где некоторое время жил среди его аборигенов. Так по возвращении в Петербург он был «произведен» в «алеута» и «американца».

Этот поборник дворянской чести, как он сам считал, убил на дуэлях одиннадцать человек. Убил хладнокровно, ничуть не жалея об этом. У Толстого было двенадцать детей, которые в юном возрасте умирали один за другим. Дуэлянт воспринял гибель детей как наказание свыше. Он завел себе синодник, куда записал для поминовения имена всех одиннадцати загубленных им в кровавых поединках. Едва кто-либо из детей умирал, Толстой сразу же вычеркивал имя одной из своих жертв и рядом писал — «квит». Так один за другим умерли у него одиннадцать детей.

— За всех расквитался, — с горечью и поздним раскаянием говорил «американец», — выживет ли «цыганенок»?

«Цыганенком» за черные волосы и смуглое лицо прозвали последнюю дочь дуэлянта. Она выжила.

Существовал специальный дуэльный кодекс с подробным описанием правил проведения кровавых поединков. Дуэлянтами, а также и секундантами могли быть только люди «благородного» звания. Оскорбленному предоставлялось право выбора оружия — холодного или

огнестрельного (шпага или пистолет). Неумение противника пользоваться оружием, выбранным оскорбленным, не могло служить поводом к его перемене.

Что же произошло в дома купцов Чаплиных, воспроизведенным Садовниковым на Панораме Невского проспекта? Здесь находилась квартира графа Александра Завадовского, сослуживца Пушкина по коллегии иностранных дел. С Завадовским был дружен Л. С. Грибоедов, проживавший вместе с ним на квартире в описываемом доме. Существует предположение, что здесь писатель начал работу над комедией «Горе от ума».

Поздней осенью 1817 года между Завадовским и молодым кавалергардом В. Шереметевым произошла ссора из-за воспетой Пушкиным балерины Авдотьи Истоминой. И, как писал первый биограф Пушкина П. В. Анненков, *«кто тогда не вызывал на поединок и кого тогда не вызывали на него»*, — кавалергард вызвал Завадовского на дуэль. Завадовский пригласил гусара Петра Каверина быть его секундантом, а Шереметев с такой же просьбой обратился к приятелю своему будущему декабристу Александру Якубовичу.

Подобно Толстому («американцу») Якубович, который также пользовался славой отчаяннейшего дуэлянта, согласился не только быть секундантом, но в свою очередь вызвал к барьеру Грибоедова как «участника интриги». Дуэль была назначена на 12 ноября 1817 года на Волковом поле. Условия поединка были ужасными: дуэлянты должны были сойтись у барьера и остановиться на расстоянии всего лишь шести шагов друг от друга. Озлобленный до крайности Шереметев выстрелил в Завадовского, не дав ему даже дойти до обусловленной черты. Пуля сорвала край воротника у сюртука противника.

— А! Так он хотел убить меня!.. К барьеру! — воскликнул

Завадовский.

Присутствовавшие при поединке стали уговаривать его не убивать юного Шереметева. Завадовский было согласился и решил лишь слегка ранить противника. Однако Шереметев потребовал полного и точного соблюдения условий поединка, иначе он опять будет стреляться с Завадовским. Раздался роковой выстрел. Смертельно раненный Шереметев упал и вскоре скончался.

По Петербургу быстро разнеслась молва о гибели молодого кавалергарда, вызвав множество кривотолков. Власти вынуждены были вмешаться, и участники дуэли были арестованы. Среди них был и Якубович, и поэтому его дуэль с Грибоедовым не могла состояться. Последовали наказания. Завадовский был отстранен от службы, он уехал за границу. Якубовича перевели из гвардии в армию с назначением в Нижегородский драгунский полк, находившийся на Кавказе.

Грибоедов тяжело переживал трагический финал кровавой дуэли. Это послужило одной из главных причин того, что он расстался с Петербургом и уехал на Кавказ. На Кавказ, где находился вызвавший его год назад на дуэль Александр Якубович. И отложенная дуэль между ними состоялась в Тифлисе.

Условия были те же, что и в петербургском поединке, — шесть шагов между дуэлянтами. По сигналу противники начали сходитьсь. Якубович был очень метким стрелком, можно было не сомневаться, что жизнь его противника находилась на волосок от смерти. Грибоедов сделал два шага к барьеру, но почему-то медлил стрелять. Якубович, наоборот, выстрелил. Но он не хотел убивать Грибоедова, метил в ногу, но попал в кисть левой руки. Писатель поднял окровавленную руку и показал ее секундантам. После этого, согласно кодексу, он имел право подойти вплотную к барьеру и стрелять с самой близкой дистанции. Но,

видев, что Якубович целился ему в ногу, Грибоедов не воспользовался правом, а выстрелил не сходя с места, где стоял. Я разрядил пистолет так, что пуля пролетела над, самой головой Якубовича, даже не поцарапав его. Но ведь все могло закончиться и по-другому. Пули меткого стрелка Якубовича, несомненно, могла оборвать жизнь Грибоедова, и русская литература никогда не обогатилась бы одним из замечательных своих сокровищ, — бессмертной комедией «Горе от ума».

Много шума, вызванного «дуэлью четырех», было тогда. И что же? Предприняло царское правительство какие-либо меры против кровавого обычая защиты кастовой чести? Ничего подобного. Для вида дуэлянтам давались небольшие наказания, и тем дело кончалось.

И до наших дней в парке Лесотехнической академии можно увидеть два небольших каменных круга, обозначавших места, где стояли участники еще одной дуэли, происходившей без малого полтора столетия назад и завершившейся трагической гибелью обоих противников. Это был также нашумевший поединок между офицером Семеновского полка Константином Черновым и флигель-адъютантом Владимиром Новосильцевым. Первый принадлежал к обедневшей дворянской семье, второй — крупный богач, принадлежавших к «сливкам» высшего общества.

Чернов, двоюродный брат Кондратия Рылеева, был близок с членами тайного Северного общества, в частности с Кюхельбекером, Бестужевым-Марлинским и другими будущими декабристами. Он и вызвал Новосильцева на роковую дуэль. Причиной вызова послужило недостойное поведение Новосильцева, ухаживавшего за сестрой Чернова, Екатериной, сделавшего ей предложение и обручившегося с ней. Был назначен день свадьбы, которая, однако, так и не состоялась. Богатый и родовитый жених пришел к выводу, что бедная Катенька, бесприданница, ему вовсе не пара, и

произошел разрыв.

Брат потребовал объяснений от Новосильцева. И после крупного разговора, состоявшегося между ними, бывший жених стал распускать клевету на Чернова, что он якобы чуть ли не силой вынуждает его жениться на сестре. И тогда оскорбленный Чернов вызвал обидчика на поединок.

Дуэль состоялась менее чем за три месяца до восстания на Сенатской площади. 22 сентября 1825 года противники сошлись на том самом месте, где лежат каменные круги в парке Лесотехнической академии, в те времена Лесного института.

Прогремели выстрелы, оба дуэлянта были тяжело ранены. Новосильцев скончался первым в комнатухе одного из близлежащих трактиров, куда его перенесли, а умирающий Чернов был увезен на свою квартиру в Семеновский полк.

Также, как и «дуэль четырех», поединок в парке Лесного института всколыхнул столицу. Многие будущие декабристы приехали в Семеновский полк и все время находились около постели обреченного до его последнего вздоха. Похороны Чернова превратились по существу в открытую политическую демонстрацию. За гробом шло множество народа, двигалось более двухсот карет. На кладбище провожали Чернова едва ли не все члены тайного Северного общества. Один из участников печального шествия декабрист Е. Оболенский позднее писал:

«Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тут в безмолвной процессии и безмолвно выразило сочувствие к тому, кто собой выразил идею общую, каждым сознаваемую и сознательно и бессознательно, — идею о защите слабого против сильного, скромного против гордого».

Похоронили Чернова на Смоленском кладбище. Рылеев сочинил стихи, посвященные памяти безвременно погибшего двоюродного брата. Строки, полные гнева и

ненависти к «сильным мира сего», намеревался прочитать у могилы Кюхельбекер. Но вокруг было много агентов третьего отделения... Сотоварищи по тайному обществу запретили читать стихи. Будущие декабристы собрали деньги для сооружения надмогильного памятника Чернову. Этот памятник едва ли не первый, поставленный на общественные пожертвования. Несколько лет назад он был реставрирован.

И снова никаких радикальных мер по предотвращению кровавых схваток не было принято правительством. Можно было подумать, что и царь, и его чиновники втайне поощряют отвратительный способ решать споры кровью. Ведь иногда это было выгодно самодержцу, правителям империи. Вспомним Пушкина, Лермонтова и многих других замечательных сынов России, загубленных на дуэлях. Дантеса, убившего Пушкина, всего только лишили офицерского звания и выслали за границу. «Бедный», — сочувственно сказал Михаил, брат царя, увидевший за рубежом высланного Дантеса, которого презирала вся передовая Россия...

23.

МАЛАЯ МОРСКАЯ

Изображая дома на углу, Невского и Малой Морской (ныне улица Гоголя), Василий Садовников постарался как можно тщательнее запечатлеть и другие ближайшие здания этой боковой улицы. Ведь среди них был дом жестокой и властной хозяйки этого крепостного живописца, престарелой княгини Натальи Петровны Голицыной, прожившей без малого целый век, но так и не отпустившей на волю принадлежавшего ей талантливому рисовальщику.

В старинном водевиле один из героев исполнял такой куплет, посвященный названиям улиц Петербурга:

**По Садовой по Большой
Нет березки ни одной;
По Гороховой я шел,
А гороха не нашел.
Море видеть я хотел
И в Морскую полетел,
Но и в Малой, и Большой
Капли нет воды морской.**

Своим названием Малая Морская обязана возникшей здесь в петровские времена морской слободе, примыкавшей к Адмиралтейству, его верфи. В деревянных хибарках ютились здесь матросы, рабочие, рубившие корабли, адмиралтейские служители. Одно время действовал указ, строго запрещающий селиться в слободе обывателям, к морскому и корабельному делу отношения не имевшим. В 1736 году большим пожаром, которых не перечесать было в невской столице, морская слобода была почти полностью уничтожена. Начали после этого возводить здесь каменные строения, участок стал постепенно заселяться людьми, не связанными с морем... Однако название морской прочно укрепились за слободой, которое позднее перешло к двум улицам — Большой Морской (ныне улица Герцена) и Малой

Малая Морская (ул. Гоголя), 17

Морской (ныне улица Гоголя). Лишь в 1902 году, когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Н. В. Гоголя, Малой Морской было присвоено имя великого писателя.

Известны пять петербургских адресов, где жил Николай Васильевич Гоголь. Но до наших дней сохранились лишь два дома, где обитал автор «Ревизора» и «Мертвых душ». Один из них, перестраивавшийся, ныне значится под № 17 на улице Гоголя. Хозяином здания был в то время придворный музыкант Лепеи. У него в третьем этаже и снял писатель Небольшую квартирку, состоявшую из двух комнат с окнами во двор.

Гоголь жил здесь недолго, с лета 1833 по июнь 1836 года. Садовников как раз завершал в то время работу над Панорамой. Всего лишь три года прожил Гоголь здесь,

но какие! Ведь именно тут были написаны Николаем Васильевичем «Невский проспект», «Портрет», «Нос», «Записки сумасшедшего», «Миргород», «Тарас Бульба». Ведь здесь родился бессмертный «Ревизор» и, наконец, были начаты «Мертвые души»...

Приходившие к Гоголю попадали в маленькую переднюю с перегородкой, а за ней была спальня писателя, где он обычно принимал гостей, потчuya их чаем. В другой комнате был кабинет, где находились диван и большой, заваленный горами книг и бумаг письменный стол, за которым писатель работал лишь изредка. Писал он стоя за высокой конторкой. Стены кабинета были украшены гравюрами, тонким ценителем которых был Гоголь.

В этой скромной квартирке бывали Пушкин, Плетнев, познакомивший Гоголя с поэтом, Анненков, а также другие писатели и литераторы. Часто заходили сюда товарищи юных лет, питомцы Нежинской гимназии Безбородки. Велась здесь шумные и веселые беседы, гости страстно полемизировали, потом мирно расходились по домам, с удовольствием вспоминая часы, проведенные за скромным чаепитием у гостеприимного хозяина.

... На углу Гороховой (ныне улица Дзержинского) и Малой Морской (ныне под № 10 по улице Гоголя) высился уже упомянутый дом княгини Голицыной, видимый на Панораме. После неоднократных перестроек здание утратило свой первоначальный облик.

«... Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другой катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорты, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо

величавого швейцара, Германн остановился...»

Вам, конечно, знакомы эти строки, так же как знаком Германн, несчастный герой «Пиковой дамы». Домом старинной архитектуры владела Наталья Петровна Голицына. Это ее избрал Пушкин прототипом старухи-графини в своей повести.

«Пиковая дама» была написана в 1833 году в Болдине, впервые опубликована в «Библиотеке для чтения» в 1834 году. Княгине Голицыной было в то время девяносто четыре года. Неизвестно, познакомилась ли эта древняя старуха с повестью Пушкина. Вряд ли, так как уже очень плохо видела и слышала. В дневниках Пушкина имеется запись о том, что при дворе в только что опубликованной «Пиковой даме» узнают в графине княгиню Голицыну и будто не сердятся.

В молодости Наталья Петровна блистала своей красотой не только в русской столице, но и при дворе французских королей Людовиков XV и XVI и пользовалась особым расположением даже самой королевы Марии-Антуанетты. Но ушла молодость, а с нею и красота. С годами она превратилась в безобразную престарелую даму. Особенно уродовали ее выросшие борода и усы, поэтому великосветский Петербург называл ее «усатой княгиней».

В страхе и трепете держала она не только принадлежавших ей шестнадцать тысяч крепостных, но и детей своих, в том числе и сына своего. Он, будучи грозным и всесильным московским генерал-губернатором, не смел сесть при матери без ее позволения.

Жизнь «усатой княгини» была окружена всевозможными романтическими легендами, одна из которых увлекла Пушкина и послужила поводом к созданию «Пиковой дамы». Имеются свидетельства, что эта легенда была услышана поэтом от внука княгини С. Г. Голицына — Фирса, рассказавшего Пушкину об одной якобы случившейся с ним «карточной

истории».

Этот молодой кутила продулся за карточным столом и оказался в сетях «долга чести», который должен был быть оплачен в предельно короткий срок. Что было делать? Одна надежда — пасть к ногам бабушки. До жути скупая княгиня не дала внуку ни копейки. Тот грозился покончить с собой, но и это не тронуло прижимистую старую даму. Однако, подумав о том, что самоубийство внука темным пятном ляжет на древний род Голицыных, она назвала ему три карты, поставив на которые одну за другой, он непременно выиграет. Внук скептически улыбнулся. И тут княгиня рассказала ему о том, что в молодости, когда она вконец проигралась, ее выручил один из ее поклонников, знаменитый авантюрист и шарлатан «граф» Сен-Жермен. Внук поверил, поставил на указанные бабкой карты и... выиграл.

Пушкин увлекся этим маловероятным эпизодом из биографии «усатой княгини». Но какой прекрасной завязкой для повести была эта необыкновенная история. И «Пиковая дама» была написана. Эпизод с Сен-Жерменом был полностью оставлен в повести в рассказе Томского. Но, как свидетельствует один из близких друзей поэта Павел Нащокин, все остальное в «Пиковой даме» — плод художественного вымысла.

Наталья Петровна Голицына умерла в год гибели Пушкина, пережив поэта на десять месяцев. Пушкину было всего лишь тридцать семь, а старой крепостнице — все девяносто семь лет.

... Еще один дом на Малой Морской тесно связан с именем Пушкина. Ныне значится он по улице Гоголя под № 21. Принадлежал он Сергею Семеновичу Уварову, являвшемуся в годы завершения Панорамы Невского проспекта министром народного просвещения и президентом Академии наук. Было ему тогда уже под пятьдесят. Историк С. М. Соловьев,

характеризуя Уварова, писал, что *«в этом человеке способности сердечные нисколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров, в себе ничего истинно-аристократического не имел; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина, Александра I, но оставшийся слугою; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтоб угодить барину Николаю I... Люди порядочные, к нему близкие, с горем признавались, что не было никакой низости, которой он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками»*.

Так что же общего могло быть у Пушкина с этим «без лести преданным» царским холопом? В молодости, когда еще полностью не раскрылся мерзкий лик его, Уваров был членом «Арзамаса», заседания которого проходили в его доме на Малой Морской. «Арзамас» — это известное тогда литературное общество, членами которого являлись лучшие, передовые писатели и литераторы того времени — Жуковский, Вяземский, Александр и Николай Тургеневы, Батюшков, Плещеев, Денис Давыдов, будущий декабрист Никита Муравьев, дядя Пушкина Василий Львович и другие. «Арзамас» возник в противовес другому существовавшему обществу, называвшемуся «Беседой любителей русского слова» и состоявшему из ревнителей классицизма. Защитники «славяно-русского слова» были объектом, против которого была направлена деятельность. «Арзамаса», заключавшаяся в высмеивании членов «Беседы» в пародиях, шутках.

Всем членам «Арзамаса» давались клички, взятые из баллад В. А. Жуковского. Самого Жуковского звали «Светланой», Вяземского — «Асмодеем», Плещеева — «Черным враном» и т.д. Предположительно в 1816 году в

члены «Арзамаса» был избран молодой поэт, получивший кличку «Сверчок», взятую из баллады Жуковского «Светлана». То был находившийся еще в Царскосельском лицее Пушкин. Арзамасец Вигель вспоминал: *«Я не спросил тогда, за что его называли «Сверчком», теперь нахожу это прозвание весьма кстати: ибо в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах лицея, прекрасными стихами уже подавал он оттуда свой звонкий голос».*

Закончив лицей, Пушкин начал появляться на заседаниях «Арзамаса» в доме Уварова. Тогда, видимо, и произошло знакомство поэта с будущим Всесильным министром. Не раз в дальнейшем приходилось Пушкину сталкиваться с Уваровым. Находясь во главе цензурного ведомства, министр систематически преследовал поэта.

В октябре 1833 года Пушкин написал поэму «Анджело», напечатанную книгопродавцем Смирдиным во второй части сборника «Новоселье», но не в таком виде, в каком хотел этого автор. Цензор Никитенко по приказанию начальника своего Уварова сделал несколько исключений и изменений. Пушкин был возмущен, так как считал эти изменения «своевольными и скудоумно бесполезными». Но не удалось избежать этих изменений и в последующем издании, несмотря на то, что даже Николай I, главный цензор Пушкина, благосклонно отнесся к первоначальному варианту «Анджело». «Царь любит, да псарь не любит», — писал рассерженный поэт.

Но вскоре подвернулся повод, и Пушкин нанес колкий удар Уварову, и еще какой... Цензор Никитенко в своем дневнике 20 января 1836 года записал, что «весь город занят „Выздоровлением Лукулла»». Что же произошло?

Опасно заболел один из крупнейших богачей России граф Д. Н. Шереметев, двоюродный брат жены Уварова. Болезнь протекала чрезвычайно тяжело, и врачи, разводя руками, заявили, что медицина беспомощна предотвратить приближающийся роковой конец. Уваров был не очень опечален приговором врачей, вынесенным родственнику. Через жену он являлся одним из наследников несметных богатств умирающего бездетного графа. Нисколько не сомневаясь в близкой и неотвратимой смерти Шереметева, наследничек еще при жизни Шереметева заторопился опечатать его имущество. Новопреки предсказанию докторов Шереметев не умер и вскоре выздоровел. Разразился скандал на всю столицу. Когда о щекотливом эпизоде узнал Пушкин, он написал стихи «На выздоровление Лукулла» (подражание латинскому) об угасавшем молодом богаче:

**А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине
падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч...**

Не нужно было быть особенно догадливым, чтобы узнать в приведенных и других строчках стихотворения «наследника» — Уварова. Этому мерзкому человеку упорно приписывают участие в составлении отвратительных пасквилей, которые привели Пушкина к дуэльному барьеру на Черной речке.

24.

«ЛОНДОН» В ПЕТЕРБУРГЕ

На Невском, где сейчас возвышается дом под № 1, во времена Василия Садовникова находилось другое, весьма популярное а Петербурге здание. Здесь начиналась ныне нечетная сторона проспекта, и потому фонарь, установленный у истока главной коммуникации, отличался от описанных нами ранее. Столб, к которому был прикреплен светильник, был окрашен перемежающимися полосами так, как окрашивались будки караульных. Против фонаря на самом углу дома была укреплена вывеска с надписью на русском и французском языках:

Подавляющее большинство гостиниц и ресторанов российской столицы содержали иностранцы. Хозяином «Лондона», открытого еще в XVIII столетии — тогда еще не на Невском, был также некий предприимчивый иноземец. Примечательным было объявление, опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях»: **«Города Лондона трактирщик Гейденрейх в Санктпетербурге рекомендует через сие иностранным и здешним сюда приезжающим господам для приставания своего посреди города лежащую и снабженную всяким удовольствием квартиру...»** Далее для придания солидности своему заведению хозяин сообщает о постояльцах, сделавших честь трактиру, «городом Лондон именуемому». Здесь жили «королевской дацкой посланник», «патриарх Константинопольский», «наследной принц

Гессен-Дармштадтский» и прочие и прочие.

В нижнем этаже под номерами «Лондона» приспособился «куафер» (парикмахер) Лунд. Этот брадобрей открыл здесь также торговлю буклями, шиньонами «все новейшей моды и на разный манер приготовленные волосы за умеренную цену, а также привезенные им недавно из Франции две болонские собаки».

Хозяин «Лондона» порядочно разбогател и купил названный нами дом, объявив, что «все приезжие сюда найти могут для себя так и для свиты своей всевозможные выгоды, коих они в партикулярных домах найти не могут». Гостиница была действительно самой роскошной, но писательская братия здесь не останавливалась. Как мы уже знаем, Пушкин, Грибоедов, Чаадаев и другие жили в более скромной гостинице Демута, находившейся на набережной Мойки почти у самого Невского...

До возведения гигантского здания Главного штаба здесь, на Дворцовой площади, вблизи от главной магистрали, в одном из домов находилась другая популярная гостиница «Европа». Владелец отеля и популярного ресторана француз Тардиф увековечен Пушкиным в одном из стихотворений. Написано оно было полтора столетия лет назад в 1823 году в Кишиневе в форме поэтического приглашения, адресованного близкому приятелю поэта Николаю Степановичу Алексееву:

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец
Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал....

**Тардиф полицией гонимый
За неуплатные долги, —
Тардиф, умом неистощимый...**

Из этого послания явствует, что закуску к рому, пироги и прочее приготовит воспетый поэтом Тардиф. Но каким образом знаменитый петербургский ресторатор, владелец фешенебельной гостиницы вдруг оказался в Кишиневе да еще в роли хотя и искусного, но рядового повара? Всему виной оказалась молоденькая супруга француза, которую увез в «неизвестность» некий лихой кирасирский офицер. Жена ресторатора не позабыла, однако, прихватить с собою всю денежную наличность и прочие ценности месье Тардифа. Ресторатор обанкротился и вынужден был в свою очередь бежать от преследования кредиторов и полиции в Одессу, а оттуда в Кишинев. Так закончилась «одиссея» владельца гостиницы и ресторана «Европа».

Почти все петербургские гостиницы носили тогда названия известных столиц. Кроме «Лондона», были «Париж», «Неаполь» и т.п. Рестораны, кондитерские были известны петербуржцам по фамилиям хозяев. Эти заведения служили местом деловых и дружеских встреч.

— У Вольфа завтра в три...

— После полудня буду у Дюме...

Так назначались свидания приятелей.

Петербургскими рестораторами были тоже иностранцы, главным образом французы, славившиеся своей национальной кухней. Подобно тому как в книжных лавках, будто в своеобразном литературном клубе, встречались писатели, поэты, журналисты, так и в некоторых ресторанах и кондитерских имелись свои постоянные посетители. Сюда тоже шли как в маленький клуб, где узнавали новости, читали свежие номера газет.

Очень популярен был расположенный вблизи Невского проспекта ресторан француза Андрие, а позднее Дюме. Почтенный месье Андрие в молодости был военным. Участвовал в походе Бонапарта в Россию. При Наполеоне занимал он должность интенданта и ведал продовольственным снабжением французской армии. Этот интендант, ворочавший горами всяческих продуктов питания, сам едва не погиб от голода, когда с жалкими остатками «великой армии» отступал от Москвы. От верной смерти снабженца Андрие спас плен. И как многие попавшие в плен французы, он решил остаться в России, тем более, что звезда Бонапарта закатилась.

Большинство пленных устроились на службу в помещичьих усадьбах в качестве гувернеров, преподавателями французского языка, иные — учителями танцев... Ехать в российскую глушь у Андрие особого желания не было. И после многих житейских перипетий он в начале 1820-х годов открыл ресторан, чья кухня вскоре прославилась на всю столицу. Наполеоновский интендант был во французской кулинарии человеком весьма сведущим. Ресторан находился на Малой Морской (ныне ул. Гоголя, 15), в доме, сохранившемся до наших дней в перестроенном виде.

Месье Андрие процветал. Дело оказалось доходным. Рос капитал. Но в 1829 году Андрие заболел недугом, против которого были бессильны даже самые знаменитые медицинские светила, — ностальгией, мучительной и иссушающей тоской по родине. Мечта вернуться и увидеть дорогую его сердцу Францию не давала ему покоя. Месье Андрие нашел другого месье — Дюме и, перепродав известнейший ресторан, укатил в Париж.

Переменахозяевнеотразилась, однако, на популярности ресторана. Как у Андрие, так и у Дюме за обеденным столом

нередко появлялись Пушкин, его отец Сергей Львович, брат Лев, поэт Вяземский, писатель Бестужев-Марлинский... Вместе с посетителями обедал и хозяин ресторана, выполнявший роль «командира корабля в кают-компании». При этом здесь царила скорее не ресторанный, а домашняя обстановка. Именно это и привлекало сюда многих посетителей. Один из современников вспоминал: «Мы иногда так забывались, что обедаем не дома и не в гостях, что при выходе старый слуга Бартелеми должен был напоминать о плате за обед, так как кредит здесь никому не оказывался».

Ресторан Дюме обслуживал все большие званые обеды в общественных учреждениях, зачастую и в особняках. Александр Филиппович Смирдин, пригласив по поводу переезда его книжной лавки на Невский проспект большую группу русских литераторов на знаменитое новоселье, заказал роскошное угощение и сервировку у Дюме.

Естественно, что, кроме русских посетителей, у Дюме бывало очень много живших в Петербурге французов. Летом 1834 года, когда жена Пушкина находилась в отъезде, поэт часто обедал у Дюме. Среди обедавших иностранцев позднее появлялся и недавно приехавший в Россию Дантес. В один из дней здесь произошло знакомство поэта со своим будущим убийцей.

Процветала и другая ресторация — англичанина Томаса Роби, находившаяся на углу Невского проспекта и Малой Морской, где ныне возвышается гранитный, исполин, построенный под «дворец дождей», в котором теперь размещаются городская касса Аэрофлота и другие учреждения. Повара Томаса Роби прославились изготавливаемыми ими бифштексами.

В начале девятнадцатого столетия трактиры и ресторации были главным образом сосредоточены на небольшом

отрезке Невского проспекта, начиная от Адмиралтейства до моста через Мойку. Был здесь трактир «Полуденный», который привлекал посетителей не только разными кушаньями, но в дополнение кое-какими развлечениями. Как гласило объявление, «тут же можно видеть лучших курских соловьев, которые поют днем и ночью, из коих один поет разными куликами, пеночкой и органные штуки, коему цена 300 рублей, датские жаворонки и ученые синицы...»

Видимо, знаменитый соловей и прочие ученые крылатые солисты были распроданы богатым любителям птичьего пения, и вскоре «Полуденный» захирел и закрылся. На его месте открыл свой русский трактир знаменитый Палкин. Это был предприимчивый купец, один из немногих, кто решился стать конкурентом иностранных рестораторов. В его заведении можно было получить не только французские, но и национальные русские блюда. Палкину и его преемникам пришлось менять адреса своего трактира, позднее называемого рестораном. Долговечен был «ресторан Палкина». Находился он одно время на углу Невского и Садовой, потом к Палкину ходили в дом, что на углу Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) и главной столичной магистрали. Шли годы, и ресторан Палкина оказался за чертой парадной части Невского, по ту сторону Аничкова моста, на углу Невского и Владимирского, на том месте, где ныне находится кинотеатр «Титан».

Примечательно, что в ресторане «К. П. Палкин» в ноябре 1905 года в отдельном кабинете обедал с сотрудниками газеты «Новая жизнь» Владимир Ильич Ленин, который незадолго до этого возвратился из-за границы и возглавил редакцию газеты «Новая жизнь», помещавшуюся у Аничкова моста, в доме № 68/40 по Невскому проспекту. Эти обеды были по существу конспиративными заседаниями редакции. Но цены у Палкина «кусались», и Владимир Ильич, узнав, что

на обеды уходили немалые деньги, отменил их.

Особой популярностью в пушкинские годы пользовались петербургские кондитерские. Здесь можно было не только посидеть за чашкой кофе по-турецки. Владельцы бойко торговали всевозможными сладостями и другими изделиями, заманивая покупателей их оригинальным оформлением. Известный Вольф, например, торговал пасхальными яйцами с изображениями Очакова, картинами сдачи города Бендер, победы при Измаиле, сладкими яйцами «с сюрпризами» и т.п. Изобретательству кондитеров в этой области, казалось, не было предела. Несколько лет спустя после завершения печатания Панорамы Садовникова бойкое перо одного из сотрудников «Северной Пчелы» так описывало все более процветающую кондитерскую Вольфа и Беранже. Она **«превратилась в сахарный музей. Тут вы найдете небывалые до сих пор яйца с барельефными изображениями августейших членов высочайшей фамилии, а внутри литые группы предметов св. изображения. Яйца куриные натуральные, приведенные к затвердению посредством гальванизма, корзиночки, в которых лежали эти яйца, плетенные из лент, также**

наведенные бронзою посредством гальванизма».

Рассказывали, однако, что эти оригинальные яйца были вскоре запрещены к изготовлению. Причины? Во-первых, чтобы добраться до внутренности яйца, где находились крестики, иконки и т.п., надо было разбить барельефную физиономию царя или кого-нибудь из его ближайшей родни. В этом усмотрено было крамольное отношение к его величеству и их высочествам... Во-вторых, негоже было помещать символы христианской религии внутри обыкновенного прозаического яйца...

Но инициатива Вольфа и Беранже не иссякла. Начали изготовлять сладкие яйца с изображениями букв русского алфавита. **«Дитя с радостью заучит звуки (!) букв, когда ему дадут сахарные изображения с правом его скушать»,** — захлебываясь, писал хроникер «Северной Пчелы»...

Гостиницы, рестораны, кондитерские, трактиры в известной мере определяли повседневный быт старого Невского проспекта. Рассказали мы о них потому, что здесь зачастую бывали Пушкина, его друзья, многие другие литераторы, художники, ученые...

25.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Запечатлев на Панораме знаменитую в свое время гостиницу «Лондон», от которой брала начало ныне нечетная сторона Невского проспекта, Василий Садовников изобразил также и ее пышного соседа — Адмиралтейскую площадь. На ней, кроме драгоценнейшей жемчужины русской архитектуры, самого Адмиралтейства, высились много и других примечательных зданий.

На первом плане видны два четырехэтажных дома, которыми начинается Гороховая (ныне улица Дзержинского). Слева — здание губернских присутственных мест, резиденция петербургского градоначальника. Дом этот сохранился до наших дней.

Угловой дом напротив был в свое время куплен казной и подарен Павлом I своему любимцу-гардеробмейстеру Ивану Кутайсову (вскоре он в придачу к подарку получил от царя и баронский титул). В этом здании в начале тридцатых годов минувшего столетия открылся магазин Кирстена, в котором продавались так называемые «гуммелистические изделия». Так в ту пору назывались товары, изготовленные из каучука. Предприимчивый иностранец являлся не только владельцем магазина, ставшего в короткий срок весьма популярным не только среди петербуржцев, но и среди часто навещавших столицу помещиков, чиновников, военных. Кирстен открыл первую в Петербурге да и во всей России фабрику резиновых изделий. Были они далеко не совершенными, но «непромокаемость» их являлась главной приманкой для покупателей. В 1831 году в Москве на выставке мануфактурных изделий Кирстен демонстрировал двадцать семь предметов, изготовленных из каучука. Среди них непромокаемое сукно, «кожаные» подушки из особой прорезиненной ткани, матрацы, калоши, кушаки и особо образцы непромокаемой одежды.

Магазин Кирстена торговал весьма бойко, но и нареканий

на качество его изделий было превеликое множество. Ведь еще не был открыт процесс вулканизации каучука. И все резиновые изделия Кирстена, а также и зарубежные имели существенные недостатки. В холодную погоду они становились твердыми, как дерево, негибкими, теряли свою и без того небольшую эластичность. В жаркие же дни они становились весьма непрочными и, главное, очень липкими.

Близким соседом магазина Кирстена изображен знаменитый «дом со львами», увековеченный Пушкиным в его гениальной поэме «Медный всадник»:

**... Тогда на площади Петровой.
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые —**

Петербургский обыватель дал разные прозвища этому огромному зданию. Его называли «дом-утюг», «дом-корабль». И действительно, выходя одним из заостренных углов своих на Исаакиевскую площадь, он напоминал гигантский утюг. Другим этот острый угол напоминал форштевень плывущего корабля. Если посмотреть на этот дом сверху, то он предстанет перед нами в виде колоссального треугольника, стороны-фасады, которого выходят сегодня на Адмиралтейский проезд, Исаакиевскую площадь и проспект Майорова.

Почему, однако, «дом со львами» сооружен в форме треугольника? В то время шло уже строительство Исаакиевского собора. Надо было подумать и об оформлении всей огромной площади, в центре которой воздвигался грандиозный храм. Современник Пушкина Ф. Ф. Вигель в своих известных «Записках» коротко объяснил причину

появления здания-треугольника:

«Найдено и весьма справедливо, что величина угловатого, неправильного пространного поля... повредит колоссальности возводимого нового храма, и для того, по воле царя, сделан новый план площади: кусок в виде треугольника отрезан от нее для постройки на нем частного строения, которое могло бы служить частью красивой рамы великолепной картине».

Застройщиком стал один из крупнейших богачей Лобанов-Ростовский. Спроектировать новое здание было поручено архитектору Огюсту Монферрану, тому самому, по чьему проекту напротив уже строился колоссальный собор. Особенно красив главный фасад вскоре построенного дома, обращенный к Адмиралтейству. Торжественно выглядит здесь восьмиколонный портик. Колонны поставлены на аркаду, сильно выдвинутую вперед. Это давало возможность экипажам по пандусам подъезжать непосредственно к главному входу. И тут же по сторонам центральной арки на двух постаментах красуются и до наших дней два царственных льва, высеченных из белого мрамора известным ваятелем Трискорни. На одном из них поздней осенью 1824 года, во время самого крупного наводнения, пережитого нашим городом, и сидел Евгений, герой поэмы «Медный всадник». Пушкин, изображая своего героя во время жестокого набега разъяренной Невы на улицы и площади столицы, писал:

**— На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижим, страшно
бледный
Евгений...**

Примечательно, что этот эпизод не выдуман поэтом. Такой факт мог быть почерпнут им как из сообщений прессы,

так и из свидетельств очевидцев чудовищного по своей силе наводнения. Люди, застигнутые рассвирепевшей стихией, спасались на любом возвышении, в том числе и на львах у дома Лобанова-Ростовского, и даже на вздыбленном коне, и на плечах скачущего Медного всадника... Пушкина во время наводнения не было в Петербурге, но он очень обстоятельно ознакомился со всеми подробностями стихийного бедствия.

... Тот, кто купил в 1835 году только что вышедшую в свет Панораму Садовникова, наверняка был весьма удивлен изображенным сооружением циклопических размеров, возвышавшимся рядом с «домом со львами». Удивление было вызвано тем, что этого колосса в таком виде, как его изобразил художник, не было в действительности. Речь идет об Исаакиевском соборе. Да и мы сегодня, взглянув на собор, запечатленный Садовниковым, также несколько разочаруемся: Исаакий, да не тот. Изобразивший Невский проспект чуть ли не с ювелирной точностью, замечательный видописец Садовников воспроизвел его, отступив от действительности. Были для этого свои причины. Мастер воспроизводил гигантский храм не с натуры. С момента выхода Панорамы до окончания строительства Исаакия еще было добрых двадцать лет. В то время собор еще не достиг своей окончательной высоты и находился в кружевном сплетении огромных строительных лесов. Стройка хотя и выглядела весьма внушительно, но дисгармонировала с такими шедеврами архитектуры, как Адмиралтейство и другие памятники зодчества, видимыми на Панораме. И Садовников принял решение изобразить не стройку, а собор таким, каким он будет. Так как натуры не существовало, художник, видимо, воспользовался проектом Огюста Монферрана. Натура выглядела бы совершенно поному.

Минуло сто пятнадцать лет после окончания строительства этого каменного колосса. И сегодня, в

век строительства величайших энергетических гигантов, грандиозных плотин, высотных зданий, рвущихся к облакам телевизионных башен, Исаакий поражает своими габаритами, знаменитой золотой шапкой, лесом гранитных колонн, необыкновенно пышным убранством. Этот великан, весящий триста тысяч тонн, стоит на участке земли, в которую в общей сложности было забито 24 тысячи свай, и каких! Они были длиной от 6,4 до 10,6 метра при диаметре 27 сантиметров. Расстояние между осями свай равнялось 58 сантиметрам. Все это подсчитано с предельной точностью. Но не подсчитали человеческих костей, на которых высится златоглавый исполин. А их немало. Тысячи крепостных рабов погибли тут при возведении каменного храма.

Исаакиевский собор строила вся крепостная Россия. Акулы-подрядчики заключали договоры с помещиками-крепостниками, и нескончаемым потоком шли рабы-крестьяне в царскую столицу строить храм божий. Приходили сюда и беглые крестьяне, надеясь найти на берегах Невы лучшую долю. В сооружении Исаакия на протяжении сорока лет участвовали сотни тысяч людей. Достаточно сказать, что в создании одного лишь фундамента в течение пяти лет участвовало в общей сложности сто двадцать пять тысяч рабочих. Это был каторжный труд.

А платили за него буквально копейки, хотя работали на стройке по 17—18 часов в сутки. В деле «Комиссии о построении Исаакиевского собора» в договоре с подрядчиком Герченым продолжительность рабочего дня на мраморной ломке определялась с четырех часов утра до девяти часов вечера. Особо подчеркивалось при этом требование «работать ежедневно, не исключая и праздничных дней, кроме воскресных, с утра до вечера, сколько только в каждое время года действительно возможно».

Смертность среди строителей собора была ужасающей. Вечное недоедание, жизнь в сараях, набитых людьми сверх всякой меры, — в этих условиях смерть собирала здесь богатую жатву. Сарай-казарма рассчитан был на 336 человек. Так определила специальная комиссия. Но другая «комиссия о построении собора», главная, пересмотрела эту «норму» и постановила «... в каковой казарме можно положить не менее аршина на человека и поэтому для помещения 400 человек оной будет достаточно». Это в сарае с земляным полом, с тремя ярусами нар, без вентиляции!

Вынести эту адскую жизнь мог далеко не всякий. Эпидемии были весьма частыми гостями в казармах строителей собора, наведывалась сюда и холера, и новые тысячи и тысячи крепостных прощались с жизнью на проклятой стройке.

Все более частыми были случаи неповиновения. Стройка была подобна пороховому погребу, который вот-вот мог взорваться. Вспоминая о памятном дне 14 декабря 1825 года, сам самодержец всероссийский Николай I писал: *«Рабочие Исаакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении».*

Дали залп, второй... Официальный биограф русских императоров Шильдер записал: *«Исаакиевская площадь была обагрена кровью; множество тел лежало на ней. Скопившаяся толпа народа пострадала вместе с бунтовщиками».*

Так добавили еще гору костей под златоглавый каменный колосс.

26.
В УЛИЧНОЙ ТОЛПЕ

Итак, наше путешествие по Невскому пушкинских времен близится к концу. Сегодня мы еще раз пройдемся по обеим его сторонам и сольемся с толпой, движущейся по проспекту. Люди в Панораме Садовникова играют весьма существенную роль. Хотя и неполно, многоликая главная столичная, магистраль дает представление о ее быте, а также и о социальных контрастах Санкт-Петербурга.

В 1832 году, когда Садовников уже начал работать над отображением ныне четной стороны проспекта, в столице насчитывалось каменных зданий — 2.654, деревянных вдвое больше — 5.330, дворцов — 9, церквей — 164, монастырей — 2. По данным Санкт-Петербургской полиции, в городе жило 448 тысяч человек: мужчин — 316 тысяч и женщин — 132 тысячи. Нетрудно найти разгадку столь разительной диспропорции в населении столицы. Преобладание мужчин объяснялось тем, что в тот период в Петербурге развернулись большие строительные работы. Ведь это было время, когда рядом с Невским велись работы по возведению Александрийского столпа, завершалось строительство Александринского театра, сооружался грандиозный Исаакиевский собор, прокладывалась новая Михайловская улица, проспект менял булыжную на торцовую мостовую...

Многие десятки тысяч крепостных были согнаны на берега Невы. Находились здесь и оброчные крестьяне, пришедшие на заработки. Наконец, немалое количество мужчин насчитывал столичный гарнизон. Множество строителей воздвигали прекраснейшие дворцы, храмы, набережные, роскошные особняки. Помните в повести Гоголя «Невский проспект»: «По улицам плетется нужный народ, иногда переходят ее (Невскую коммуникацию) русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью...» Этих мужиков, творцов Прекрасного, мы не видим на Панораме, перед нами лишь плоды их великих

трудов.

И все же сословное и имущественное различие достаточно ярко отображено на Панораме Невского. Самые родовитые и самые богатые не ходят по проспекту. Их присутствие на Невском показано через мчащиеся кареты. Самых знатных везут цугом шестерки одномастных лошадей. На дверцах карет — родовые гербы. Впереди на одной из лошадей опытный форейтор.

Баре помельче едут в каретах, которые мчит упряжка из одной пары лошадей. Передвигаются и в открытых экипажах в ландо, на дрожках, в кабриолетах и даже бричках. Проезжая часть Невского полна «Ванек» — «такси» тех далеких времен. «Ваньки» — те же крепостные, отпущенные в город за солидный оброк. Лошадей на Невском много, от породистых рысаков до самых обыкновенных кляч, понуро тянущих возы с дровами, с сеном, с водой и всяким прочим

грузом.

Бочки с водой свидетельствуют, что нетещевода провела даже на парадной улице Санкт-Петербурга. Вода — уязвимое место в городском хозяйстве столицы, так как она не раз являлась причиной вспыхивавших эпидемий, в том числе и холеры. Возы с дровами также показатели отсутствия центрального отопления. Первая такая система отопления по проекту России появилась в новом Александринском театре. В остальных зданиях, даже самых богатых — во дворцах и

особняках — было печное отопление.

На Аничковом мосту и других частях Невского видим возы с сеном. Это — «горючее» для конного транспорта. Во многих дворах, в том числе на главной магистрали, находятся конюшни. Но существуют и большие конюшни, выполняющие роль современных гаражей. Владельцы лошадей, не имеющие своих конюшен, платят здесь не только за постой, но и за корм и другой полагающийся уход. Рядом с Аничковым мостом Садовников изобразил кормушки для лошадей, привезших в город сено, дрова...

Против Большой Конюшенной (ныне улица Желябова) видим новшество, появившееся на Невском. Большой экипаж, в упряжке из четырех лошадей, переполненный пассажирами. Это дилижанс — общественный транспорт, к которому начинают привыкать петербуржцы. В нижней части дилижанса — четыре ряда мест занимают двенадцать пассажиров. На крыше — такое же количество едущих. Позади экипажа примостился проводник с медной трубой, возвещающий о прибытии и отбытии дилижанса.

На проспекте много всадников. К Гостиному двору, гарцуя, приближается целое воинское подразделение. А вот какой-то кавалерист медленно передвигается на лошади посреди проспекта. На поводке у него еще одна оседланная лошадь, но без всадника. Конник, видимо, ведет ее в назначенное время к дому, где обитает хозяин-офицер. О чем думает конник, слегка покачиваясь в седле? Он один из таких же многих тысяч служивых, крепостных, на долгие годы оторванных от родной деревни. Самые лучшие годы своей жизни отдает он службе царю, и если выживет, то домой вернется уже тогда, когда старость будет стоять у порога.

В толпе, фланирующей по Невскому, особенно много военных. Перед офицерами высшего звания низшие

вытягиваются «во фронт». Николаевская муштра вольно или невольно запечатлена Садовниковым. Невдалеке от Инженерного замка, видимого в глубине (Садовой, маршируют подразделения солдат и, возможно, питомцев недавно открытого в замке военного училища.

Офицеры гуляют с семьями, а большей частью фланирует в одиночку в поисках уличных приключений. Среди них и те, которых Гоголь изобразил в лице пустого, бесшабашного гуляки, волокиты, поручика Пирогова, одного из героев повести «Невский проспект». Самодовольный, самоуверенный, с пренебрежением относящийся к людям, ниже его стоящим, Пирогов — характерная фигура Невского. белинский, высоко оценивший повесть Гоголя, характеризуя Пирогова, сказал, что «это целая каста».

Важно шествуют чиновники, занимающие хорошие места в департаментах. С разодетыми женами стоят они перед витринами богатых магазинов, хозяевами которых являются оборотистые иноземные купцы.

А вот и переходящий дорогу петербургский представитель «третьего сословия». Одет наш купец по старинке, до цилиндров и сюртуков он еще не дошел. Кафтан, высокие сапоги, патриальхальная борода выделяют его в толпе.

Идет народ по проспекту; у кого есть монеты в портмоне или ассигнации в бумажнике, заворачивает в магазины. Заходят в лавку сигарочной фабрики, по удивительному совпадению находившейся примерно на том же участке, где и в наши дни торгует табачный магазин на Невском возле улицы Толмачева. Еще одно совпадение: на углу Невского и той же улицы Толмачева, где ныне открыта большая булочная, в пушкинские времена также находилась популярная кондитерская.

Мелочных лавок на парадной части Невского мы не увидим. Их много по ту сторону Аничкова моста. Во всем Петербурге таких «мелочушек» несколько сот, но почему-то на всех без исключения вывесках этих лавочек выведена цифра «№ 1». Причиной такой явной несуразности послужил следующий факт: Николай I, проезжая мимо одной мелочной лавчушки, выразил неудовлетворение вывеской, красовавшейся на ней. Приказано было сделать новую образцовую вывеску для всех подобных торговых заведений. Изготовили первую вывеску и, как положено, начертали: № 1. Николай одобрил для размножения. И изготовили сотни вывесок все с «№ 1». Ведь царь одобрил образец, на котором был этот номер, кто же посмеет нарушить императорскую волю.

Петербуржец большой любитель чая. И потому на Невском немало магазинов, торгующих китайским чаем высших сортов, доставленных чуть ли не из самой «небесной империи». Немало винниц и погребков, расположенных в полуподвальных помещениях домов. Популярностью

пользуется погребок англичанина Гордона. В доме на углу Малой Садовой лесенка ведет вниз в прохладную винницу.

Близ армянской церкви Садовников изобразил людей в восточных одеяниях — в больших халатах, высоких остроконечных шапках. Это, видимо, купцы, которые, проделав гигантский путь из южных районов к берегам Невы, встречаются здесь с сородичами, советуясь, как выгоднее сбыть привезенные ковры, ткани, восточные сладости и прочие товары.

Вдоль домов на Невском живописец изобразил арки-ворота, сквозь которые ясно видны дворы. Отчетливо показал художник во дворах снующую челядь, играющих детей. Но это не те дети, которые, как писал Гоголь, в определенные часы выходят на прогулку под строгим наблюдением французских и немецких гувернеров. Это крепостные ребятишки, дети дворни, обслуживающей живущего в столице помещика и его семью.

Среди ярких военных мундиров, элегантных сюртуков, нарядных дамских туалетов немало встречается и простой одежды, изготовленной из фриза. Фриз это самая дешевая, самая грубая, шершавая, ворсистая ткань. Одежду из фриза носили люди самого малого достатка, крепостные строители, слуги, студенты. Фриз являлся своеобразным атрибутом и символом нищеты.

Когда Петербург узнал о безвременной гибели Пушкина, простой народ в одежде из фриза потянулся в огромном количестве к дому на Мойке, где находилась квартира убитого поэта. Н. Огарев особо отметил это стремление так называемых низших слоев петербургского населения поклониться праху поэта. В одной из своих поэм Огарев написал:

**К нему на похороны шли
Лишь люди в фризовой
шинели,
И тех обманом отвели
И гроб тихонько увезли...**

На Панораме в толпе то и дело встречаются нам представители бесправной части столичного населения. Дворники, подметающие тротуары и мостовую. На парадной части Невского, по которой часто мчится карета императора, поддерживается должная чистота, чего не скажешь о

других улицах Петербурга. Много носильщиков — это либо находящиеся в услужении в магазинах иностранцев и лавках Гостиного, либо домашние слуги. Один несет на голове доску, на которой укреплены скульптурные бюсты, другой — большие часы, видимо, только что купленные в Гостином, третий, на доске же, несколько горшков с цветами, четвертый согнулся под тяжестью бочонка.

На тротуарах и мостовой много уличных торговцев сладостями, сайками, мелкой галантереей, напитками, нехитрыми игрушками. За какой-то дамой следует стекольщик со своим инвентарем. Фонарщики с высокими лесенками заправляют маслом фонари. Зашел на главную магистраль бродячий шарманщик. Дворовые в тачках развозят дрова. Важно шествуют два огромного роста швейцара в парадных треугольниках...

На нашей репродукции — дом на углу Большой Конюшенной и Невского, который украшает огромная вывеска «Гессена, портного из Парижа». Тут же магазин помад, румян, духов и прочей парфюмерии. Среди сотен изображенных на Панораме людей и не заметишь стоящего под вывеской, сгорбившегося старика с обнаженной головой, с палкой в одной и шапкой в другой руке. Это нищий, каких немало в царской столице. На углу Малой Садовой также просит подаяния древняя старушка с плетеным крестьянским коробом на спине. Крепостной художник Василий Садовников, как ни дисгармонировали фигуры нищих с живописной толпой Невского, все же не решился идти против правды. Хоть двух обездоленных, но все же воспроизвел их видописец на своей Панораме.

Кто из нас наизусть не знает первой фразы, которой Гоголь начинает свою знаменитую повесть «Невский проспект»: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все». Но,

прочитав повесть, в самом конце ее мы снова слышим голос великого писателя: «О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы...». Да, красив Невский своими неповторимыми

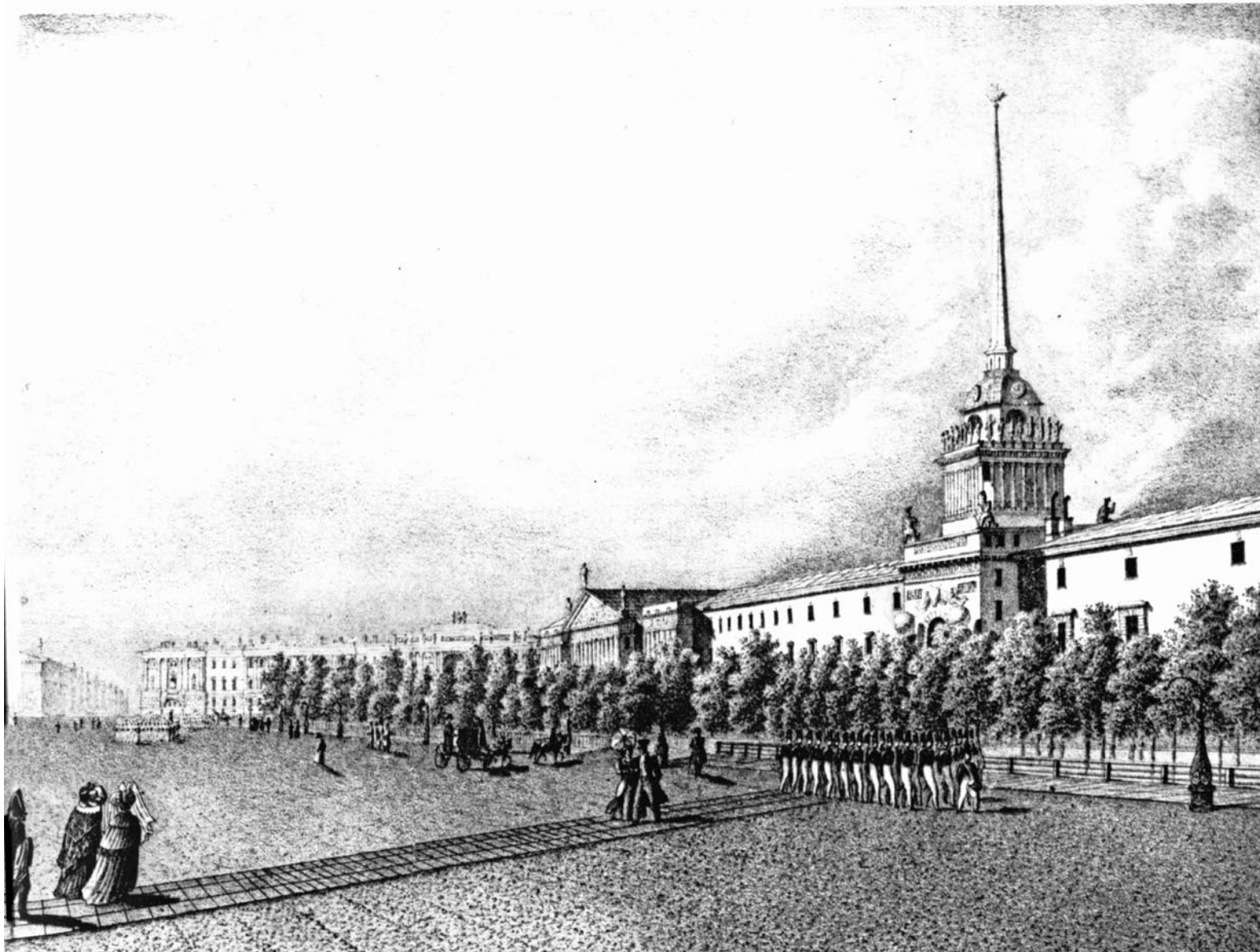
архитектурными шедеврами. Но как горестна судьба доброй половины людей, которых изобразил

Садовников. Это униженные, лишенные права, обездоленные обитатели столицы, это крепостной Петербург.

27.

ОНЕГИН ЕДЕТ НА БУЛЬВАР

Свиток ныне нечетной стороны Невского проспекта Василий Садовников завершает изображением одной из главных достопримечательностей Петербурга — знаменитого захаровского Адмиралтейства и бульвара, раскинувшегося у его подножия. Описанием этого популярного в пушкинские времена места мы сегодня и завершаем наше путешествие.

Адмиралтейство справедливо считается одним из самых лучших творений мировой архитектуры, жемчужиной русского зодчества. Однако тот изумительно прекрасный вид, в каком оно представлялось великому поэту и в каком представляется нам сегодня, Адмиралтейство обрело не сразу. Одно из самых старых зданий нашего города, она вначале было деревянным. Таким оно просуществовало недолго, и его заменили мазанковым. Главная достопримечательность этого здания — его знаменитый, позднее воспетый Пушкиным шпиль — уже существовала. Но золоченым он был не всегда. Вначале для покрытия шпиля было отпущено около тысячи железных листов, большинство которых покрыли, краской. Еще жив был Петр, когда на шестнадцатом году существования Петербурга, ставшего к тому времени уже столицей России, строители шпиля получили корабль и «яблоко». Они должны были увенчать вершину устремившегося к небу остроконечного шпиля. Корабль и «яблоко» предварительно вызолотили, и, озаряемые солнечными лучами, они ярко выделялись над строившимся городом.

Минуло после этого еще около двадцати лет, и вот известный русский зодчий Иван Кузьмич Коробов приступил к перестройке Адмиралтейства. От Адмиралтейств-коллегии архитектор получил следующее приказание: «На Адмиралтейский шпиль прежнее яблоко, корону и корабль, которые на шпиге были, вызолотить, равно как и листы, червонным золотом».

От первозданного Адмиралтейства Коробов сохранил шпиль, хорошо чувствуя, что он-то и является одним из главных украшений сооружения. Мастер, обладавший большим вкусом. Коробов представлял в своем воображении, сколь великолепным будет шпиль, если его позолотить от основания до острия. Не

исключено, что именно по его настояниям Адмиралтейств-коллегия вынесла решение о золочении всего покрытия шпиля. А оно было не маленьким. На облицовку были отпущены не железные, а медные листы. Золочение их поручили котельному адмиралтейскому мастеру Ивану Васильеву с группой помогавших ему подмастерьев. Слитков благородного металла, видимо, в то время в казне не оказалось, и вместо них Васильев получил 5.081 золотой червонец. Закипела работа, которую адмиралтейский мастер с подручными выполнили превосходно. Вскоре над невской столицей засверкала бесподобная адмиралтейская игла, как ее позднее назвал Пушкин.

Уже при жизни поэта Адмиралтейство вновь перестраивалось. Именно в те годы знаменитый зодчий Андреян Захаров и придал ему тот неповторимый облик, который сохранился и до наших дней. Адмиралтейская башня сама по себе явилась великолепнейшим шедевром, красотой и пропорциями своими не уступавшая лучшим образцам античной архитектуры. И золотая игла, вонзавшиеся острием своим в плывущие облака, и знаменитый корабль с напружинившимися парусами, и «яблоко», венчая адмиралтейскую башню, стали выглядеть еще эффектнее, оставляя неизгладимое впечатление у всех, кто хоть раз видел эту сказку мировой архитектуры.

Забегая несколько вперед, заметим, что климат петербургский с течением времени отрицательно сказывался на позолоте шпиля. Золочение его приходилось периодически повторять. При проведении этих работ родилась легенда, что внутри «яблока» находится круглая кубышка из настоящего золота. В кубышке, мол, собраны образцы всех золотых монет, которые чеканились начиная с царствования Петра I. Говорили, что проникнуть в эту таинственную кубышку никто не может, так как открывалась она не ключом, а особым поворотом, секрет которого унесен в могилу. Все это, конечно, легенда. Однако «яблоко» действительно не пустовало. При очередных золочениях шпиля и ремонтных работах шар вскрывался. В 1886 году в «яблоко» была вложена небольшая шкатулка, в которой находились номера нескольких

столичных периодических изданий: «Новости», «Биржевая газета» и «Петербургская газета» от 25 октября 1886 года. Пятое по счету золочение осуществлялось уже в годы Советской власти. При завершении реставрационных работ, следуя установившейся традиции, в шкатулку вложили акт с перечислением специалистов и рабочих, принимавших участие в капитальном ремонте «адмиралтейской иглы». Тогда же в нее вложили номера ленинградских газет, вышедших в день, когда створки золотого «яблока» вновь сомкнулись на несколько десятилетий.

... Как: видно на Панораме, у стен Адмиралтейства тянется бульвар. Не тот ли это, о котором повествовал Пушкин:

**... Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар.
И там гуляет на просторе.
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед.**

Боливар — в те времена эта мужская шляпа с широкими, загибающимися кверху полями, названная так по имени Симона Боливара, страстного свободолюбца, борца против испанского владычества в колониях Южной Америки. Брежет — часы, названные именем известного французского механика-изобретателя Брегета.

Не везло зеленым насаждениям на Невском проспекте. Некоторое время они существовали на главной магистрали столицы. Их высаживали на разных участках проспекта, но с годами их становилось все меньше, пока они не исчезли совсем, если не считать сегодня зеленую гряду деревьев, шелестящую листвой перед фасадом «Гостинного двора». В самом начале минувшего столетия на Невском были высажены молодые березы. Тоненькие стволы забелели — от Мойки до Лиговского канала, протекавшего тогда на территории нынешней площади Восстания. Сажали березы ранней весной, и не морозы ли погубили молодь? На смену березам на Невском появились липовые аллеи. И тут — опять неудача. Корни деревьев, видимо, не получали нужных соков из земли, так как под тротуарами и мостовой находились

слой строительного щебня. Не знала молодая поросль покоя из-за тряски, вызываемой движением уличного транспорта. Немалый урон посадкам нанесло знаменитое наводнение 1824 года.

Город быстро развивался, а особенно — его главная магистраль. Увеличение движения по ней в конце концов привело к тому, что насаждения, зеленевшие посреди проспекта, были уничтожены.

Но во времена Пушкина они еще некоторый период существовали. Читая «Евгения Онегина», мы понимаем: нам многое неизвестно из того, что знали современники Пушкина. Во времена Онегина бульваром называлась озелененная часть Невского. Пушкин просто называет это место бульваром. Но он именовался также *Невским бульваром*. Упоминания, а также его описания мы встречаем и у других литераторов пушкинской поры. Так, будущий декабрист Александр Бестужев-Марлинский в своем произведении «Вечер на бивуаке» пишет, что «Невский бульвар кипел вздыхателями». Писатель Загоскин в «Рославлеве» рассказывает, что «длинный бульвар Невского проспекта, начиная от Полицейского моста (ныне Народного) до самой Фонтанки был усыпан народом...» Упоминает он также и об одной из *боковых аллей Невского бульвара*, имея в виду, вероятно, и поныне существующую аллею на улице Софьи Перовской. Авторы живописуют толпу на Невском бульваре, но для самих насаждений красок у них не хватает. «По середине Невского проспекта, от Казанского до Аничковского моста шел бульвар для пешеходов, обсаженный тощими липами, которые не могли достигнуть своего роста от беспрестанного сотрясения грунта проезжающими экипажами», — вспоминал в своих записках один из современников Пушкина.

В том году, когда юный поэт попал в опалу и был выслан из Петербурга, началась постепенная ликвидация Невского бульвара. Событие это не вызвало сожаления у петербургских обывателей, уж слишком жалок был вид его. В журнале «Отечественные записки» за 1820 год литератор П. П. Свиньин писал: «Невский проспект, как неким очарованьем, принял новый, несравненно лучший вид,

В. С. Садовников. Балаганы на Адмиралтейской площади. 1849 год

явился прекраснейшей улицей в свете. Как будто по мановению волшебного жезла исчез высокий бульвар, разделявший его на две равные половины, и теперь уже на месте сём разъезжают экипажи по гладкой мостовой».

Но остался все же еще один бульвар, именуемый, однако, не Невским, а Адмиралтейским. Сюда и устремлялась публика, желавшая отдохнуть, встретиться со знакомыми и, главное, обменяться всевозможными новостями. Один из современников Пушкина дал в газете «Северная пчела» меткую характеристику Адмиралтейскому бульвару, подчеркивая, что он **«был центром, из которого распространялись по городу вести и слухи, и чем невероятнее и нелепее был слух, тем скорее ему верили. Спросишь бывало: «Да где вы это слышали?» — «На бульваре», — торжественно отвечал вестовщик, и все сомнения исчезали...»**

Перед зданием Адмиралтейства и бульваром Садовников воспроизвел большую площадь. Выглядит она довольно пустынной. Отдельные прохожие идут по пересекающему ее выложенному из квадратных каменных плит тротуару. Эта площадь образовалась после того, как во втором десятилетии XIX века Адмиралтейство перестало существовать как крепость. Снесли валы, ограждавшие ее, засыпали рвы у крепостных стен.

Садовников создавал Панораму Невского, приурочивая ее к летней поре. Поэтому и пустыня огромная Адмиралтейская, сливавшаяся с двумя другими большими площадями — Петровской (ныне Декабристов) и Дворцовой. Иное дело, если бы живописец избрал другое время года для воспроизведения Панорамы. Если бы выбрал, например, зимнюю или весеннюю пору, Адмиралтейская площадь несказанно бы оживилась. На масляницу и пасхальную неделю она становилась главным местом народных гуляний. Сюда спешили петербургские обыватели и крепостной люд с самых отдаленных окраин столицы. На небольших балкончиках балаганов стояли в ярких костюмах лицедеи, громко приглашая на даваемые ими представления. В разных концах высились ширмы, над которыми потешался окруженный толпами простого народа «Петрушка». Ярко разукрашенные под звуки шарманок вращались

карусели. Не было отбоя от желающих покачаться на высоких качелях или промчаться с катальных горок. Особым вниманием пользовались демонстрируемые иностранцами «волшебные» световые картины, предшественники современного кино...

* * *

Итак, мы прощаемся с Невским пушкинской поры. С гордостью идем мы сегодня по проспекту, радуясь тому, как много сохранилось на нем зданий, в которых бывал, мимо которых не раз проходил, которыми восторгался великий поэт. С первых же дней своего существования Советское государство взяло под свою особую охрану множество памятников архитектуры и культуры. Эти памятники являются законной гордостью нашего народа, потому что созданы они его трудом, вдохновением гениальных сынов его. Особенно много этих памятников на Невском проспекте.

Невский проспект дорог не только ленинградцам, он дорог всему народу. На нем происходили памятные историко-революционные события. Идешь по проспекту от дома к дому, и кажется, что страницы величественной каменной летописи мелькают перед нашим взором. Здания, связанные с именем Ленина, с именами великих корифеев русской культуры — Крылова и Пушкина. Белинского и Гоголя, Растрелли и Захарова, Воронихина и Росси...

Существуют титульные списки памятников архитектуры, находящихся под государственной охраной. На одном лишь участке Невского, воспроизведенном на Панораме, я насчитал сегодня 28 таких памятников. Существует также титульный перечень шедевров архитектуры — мирового, всесоюзного и местного значения. На описанном нами участке Невского насчитывается 19 памятников зодчества мирового, 9 — всесоюзного и 5 — местного значения. Бережно хранят и всегда будут хранить советские люди эту неповторимую сокровищницу нашей культуры. Ведь в ней ярко выражен величественный гений нашего народа, изумительного творца Прекрасного, которым гордится все человечество.